

Д. Х.

308 (47)

ЖС 68

ИВАН ЖИГА

ЯКУТИЯ

как

ОНА ЕСТЬ

C-366 840

ТЕЛЬСТВО ЯАССР

1941

Д. Х.

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

017'

--

~~25~~
~~28~~

~~28~~
133

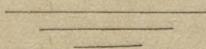
366840

ИВАН ЖИГА

308/47
же 68

ЯКУТИЯ КАК ОНА ЕСТЬ

С 366840

ЭК

15

АРХИВ

Степан Яковлевич
Сос...
г. Якутск

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЯАССР
ЯКУТСК

*

1941

302/071

СТРАНА МОЯ

1. ЕДУ ТУДА—НЕ ЗНАЮ КУДА, УВИЖУ ТО—НЕ ЗНАЮ ЧТО

Экспресс идет вторые сутки. За окном плывут зеленые поля, луга, леса; ослепительно сияют реки. Все будто кружится перед тобой и стремительно мчится вдаль, назад.

Я пытаюсь физически ощутить быстроту нашего движения. Мелькнет за окном километровый знак. Прерываю дыхание до последней возможности. Вздох. И вот он—новый знак мелькнул перед глазами. Километровое пространство осталось позади.

А мы едем вторые сутки. То нас обступят золотоствольные сосны, приветливо качая головами. То выстроятся в ряд красавицы березы, рукоплещая нам пахучими зелеными листочками. То вдруг разольется дымчатое море ржи, взволнованное, бурное и в то же время такое мирное, бархатное. То раскинутся луга, пестреющие цветами, то черная пахота врежется клином в разноцветную мозаику земли. По откосам железной дороги как будто разостланы ковры с рисунками бледнорозовых цветов шиповника, и тут же стелются ромашки, лютики и фиолетовые колокольчики. То вдруг замелькают домами деревни, то раскинется на пути промышленный поселок. То город примет нас в свои объятия; накормит, напоит, покажет свои богатства и особенности, откроет путь, и мы снова мчимся в бесконечную даль, все вперед и вперед, за каждую минуту пробегая километр. И нет конца дороги.

Я только что покинул северную нашу красавицу—Карелию. Перед глазами еще встают мраморные горы, непроходимые леса, голубые озера, тихие, задумчивые реки и грохочущие водопады. Карелию заслоняет могучий Ленин-

град—город-памятник великому дерзанию всечеловеческого гения революции. Но вот уже встает в воображении любимая Москва с непостижимым лабиринтом улиц, потоками машин, сияющим метро, величественной Красной площадью и возвышающимся над всей Москвою, над страной, над всем миром—Сталинским Кремлем.

И снова луга и лес, пахоть и зреющие хлеба; деревни, села, города, заводы, фабрики...

Надо быть в движении, надо видеть своими глазами необозримые пространства нашей родины, чтобы физически ощутить ее величие.

Далеко уже осталась Москва. Вчера мы были в зеленокудром Кирове, утром любовались многоводной Камой и раскинувшимся городом Молотовым на горе, а сейчас покинули Свердловск—столицу великого Урала. Какой это громадный промышленный город! Над ним, как и над Ленинградом, туча дыма стелется под небом. Видны высокие дома, широкие улицы, трамваи, автомобили; асфальтовые дороги сверкающими полотнами протянуты в золотой сосновый бор. И опять луга, леса, хлеба...

Я еду в Якутию и вспоминаю Карелию, где люди огнем, топором и тракторами отвоевывают у леса новые пространства земли, чтобы сеять никогда несеянную пшеницу, разводить огороды, сады, которых тоже никогда там не было. А от Карелии мысль переносится в Мордовию, где живет такой же угнетенный в прошлом народ, который раньше, как и народ Карелии, вымирал в нищете и голоде, питаясь значительное время в году древесной корой. В Карелии мало знают о Мордовии. В Мордовии мало знают о жизни в Карелии. Но стоит только послушать песни карельских и мордовских колхозников, как встает перед тобой удивительная слитность чувств и мыслей этих двух возрожденных советских народов.

Я еду в Якутию и вспоминаю солнечный Узбекистан, с его беспредельными песчаными пустынями, изрезанными теперь многоводными арыками. Узбеки так же, как и карелы и мордовцы, за короткое время сумели превратить пустыню в хлопковое поле, а свою столицу, город Ташкент—в поразительный, возможный только в Крыму или на Кавказском побережье Черного моря, цветущий город-сад.

Я еду в Якутию, а мой сосед, молодой советский инженер, бывший коногон, лесогон, забойщик, едущий те-

перь в Красноярск строить угольные шахты, рассказывает о родном Донбассе. И перед нами встают героические годы первой и второй пятилеток: механизация угледобычи, строительство городов, садов и парков, преобразующих бывшее страшное шахтерское прошлое в зеленый социалистический город. И как-то приятно чувствовать, что и Москва, и Ленинград, и Карелия, и Мордовия, Узбекистан и Донбасс, и только что виденные нами, Киров, Молотов и Свердловск—все эти города и страны, все гигантское пространство вмещаются в маленьком человеческом сердце. И сердце радостно бьется от того, что все это принадлежит ему, что все это теперь живет, растет, цветет, развивается, представляя собой непомерную силу.

Вот только не могу представить себе, что такое Якутия? Как там живет народ? Каковы условия его развития? Все, что мне рассказывали в Москве о Якутии—ужасно.

Я искал в учреждениях людей, знающих Якутию, но передо мной беспомощно разводили руками: „Далеко, знаете ли, у нас только вот телеграммы, да служебная переписка имеется“. Другие добавляли: „Туда надо целый месяц ехать“. Третьи советовали: „Возьми с собой валенки и зимнее пальто; говорят, там тепла не бывает“.

Наконец мне указали на одного человека, который побывал в Якутске, прожил там полгода и теперь считается „знатоком“ Якутии.

Разыскал я этого человека, обрадовался. Вот говорю, со мною случилось, как в сказке: еду туда—не знаю куда, увижу то—не знаю что. Скажи, пожалуйста, что это за страна? Чем надо запастись? Во что одеваться?

Человек этот улыбнулся и тоном, не вызывающим сомнения, сказал: Во-первых, раз ты едешь летом, значит там невылазная грязь. Заказывай обязательно охотничьи сапоги. Во-вторых, бери с собой постельное белье, так как в Якутске гостиниц нет, комнаты не сдаются, тебе придется кочевать по квартирам сердобольных товарищей. В-третьих, если у тебя плохой желудок, советую не ездить. Столовых нет, придется есть всухомятку. В-четвертых, имей в виду, бани там нет, больше бери одеколону.

— Как это так, а город без бани?

— Да, вот так.

— Почему?

— Потому что воды нет.

— Ничего не понимаю!

— Поймешь, когда в вечную мерзлоту въедешь. Один купец в Якутске в старое время попробовал вырыть колодец, прошел на восемьдесят метров вглубь земли, и все — лед, мерзлота. Подпочвенной воды в городе Якутске нет.

— Что же люди там пьют?

— Пьют, конечно, воду, но добывают ее из льда.

— Ни черта не понимаю, а летом?

— И зимой и летом. Зимой накалывают лед, набивают им погреба, из погребов переносят на квартиру в бочки, оттаивают и получают воду.

— Это что же, льдом запасаются, как дровами?

— Хуже. Дров можно заготовить много, а льда, например, для бани городской не наготовишь.

— И люди не моются?

— Кто как!..

— И ко всему этому там, говорят, холодно?—допытывался я.

— Да, зимой мороз доходит до 65 градусов.

Признаться, меня даже мороз подрал по коже.

— Не понимаю, как там люди живут?

— А вот так,—улыбаясь и попыхивая трубочкой, говорил мой собеседник.—Там, когда зимою выйдешь на улицу, дух захватывает, губы и веки смерзаются, плюнешь—слюна на лету ледяшкой становится и со звоном под ноги падает, а туман, такой туман, что люди на улицах лбами сталкиваются. И все кругом трещит...

— Ну, это зимой, говорю, а летом, летом-то как же?

— Я уже сказал, что грязь такая, что одну ногу вытащишь, другая завязнет.

— А, верно, что медведи по улицам ходят?

— Медведей я не видал. Но...

— Ну, а какая-нибудь культура там есть?

Собеседник мой поднял левую бровь, взглянул на меня одним прищуренным глазом и улыбнулся, как взрослый над ребенком. Только, эту улыбку я, собственно, и понял. Остальное все смешалось в какой-то страшный хаос: лед и бочки, морозы и грязь... Чорт знает что! И я теперь еду в Якутию с тем же неприятным ощущением: еду туда — не знаю куда, увижу то — не знаю что.

II. БЫЛОЕ

Книг у нас о советской Якутии почти нет. В Москве я побывал в довольно солидных библиотеках. И ни одной нужной мне книги не нашел. В некоторых старых, главным образом академических, изданиях рассказывается, что страна, орошаемая рекой Леной, пуста и необитаема. Люди живут длинной полосой только по берегам Лены и притокам, впадающим в нее. Но между правым берегом Лены и Ледовитым океаном залегла ужасная пустыня, покрытая лесистыми горами. Здесь бродит полудикий тунгус со стадом ручных оленей. Здесь живут охотничьи и рыболовные племена: чукчи, юагиры, чуванцы. Здесь же по рекам Лене, Витиму, Олекме, Вилюю и дальше на Восток—по рекам Алдану, Маи, Яне, Индигирке обосновались якуты.

Научных данных о происхождении якутского народа пока тоже нет. Сами же о себе якуты рассказывают такую легенду. Будто бы в незапамятные времена, глава татарского рода, некто Омогой Бай с 150 членами своего рода отделился от своих сородичей и пошел от реки Енисея на Восток. Достигнув Манзурской степи, лежащей между Иркутском и Леной, где кочевали буряты, он расположился тут на жительство. Появление людей неизвестных встревожило бурят. Долго они думали, как поступить с пришельцами, наконец, решено было истребить их. Омогой узнал об этом. Не теряя времени, отправил он несколько человек на реку Лену для постройки плотов и, когда все было готово, ночью беглецы перешли через гору на Лену; погрузились на плоты вместе со своим скотом и пустились вниз по Лене. Достигнув того места, где теперь город Якутск, они остановились опять на жительство.

Спустя некоторое время, приплыл к ним татарский богатырь Элляй. Он быстро завоевал расположение к себе состарившегося Омогоя, женился на его дочери и прижил с нею 12 сыновей. От потомков Элляя образовались роды. К ним приплыли еще забайкальские буряты Хоринского рода, перемешались с ними и составили теперешних якутов—народ, имеющий сходство по языку и нравам с татарами и монголами.

Открытие якутов русскими произошло в 1620 году. Мангазейские казаки, под начальством головы Василия Мартынова, покоров вилюйских тунгусов, узнали от них, что

далее на Восток обитает народ еко (между прочим, от еко произошло екот, а потом и якут).

Казачи с проводниками-тунгусами отправились вниз по течению реки Вилюя и, действительно, вышли на реку Лену. Здесь они и обнаружили якутов.

В 1628 году казачий сотник Василий Бугор, независимо от мангазейских казаков и ничего не зная об их открытии, со своим отрядом поднялся из Енисейска вверх по Ангаре. Он дошел до устья реки Илим. Также от тунгусов узнал он, что Илим вытекает из большой реки Лены. Это известие обрадовало предприимчивого Бугора. Он взял проводников и пошел на ладьях вверх по Илиму бичевою. Тунгус довел его до речки Игирмы, впадающей в Илим. Здесь казаки сделали плоты и поднялись по речке верст на 20 с величайшими усилиями. Отсюда перешли они через гору на речку Тальмышан. Казаки несли на себе провиант, оружие, порох и свинец; но к прискорбию увидели, что речка эта едва ли не хуже Игирмы. Здесь они делали плоты, запружали воду досками, очищали речку от наносного леса, разгребали мели и, наконец, после невероятных трудов и лишений, добрались до небольшой реки Купы. Речку Тальмышан, по которой они прошли, назвали Мукою, в память претерпленных ими мучений. По Купе спустились они в речку Куту, а Кутуо выплыли в реку Лену. Так, почти одновременно (более трехсот лет тому назад), была открыта, никому неведомая до того, одна из величайших рек мира, пересекающая Азию водным путем, протяжением более 4 тысяч километров, почти от самого Иркутска до Ледовитого океана.

А потом уже началось освоение Якутского края.

В 1630 г. была отправлена из Енисейска новая партия казаков под командой атамана Галкина. Галкин заложил Илимский острог (крепость), который назывался тогда „Ленский волок“.

В 1631 году казачий пятидесятник Мартын Васильев основал „Братский острог на велицей реке Лене“, крепость, ставшую основанием возникшего потом города Верхоленска, существующего и поныне.

Затем был построен казаками острог между реками Киренгой и Леной, как бы на острове, образовавшемся при впадении Киренги в Лену, и на этом месте впоследствии возник город Киренск, тоже существующий и поныне.

В 1632 году енисейский казак-сотник Бекетов, выйдя на Лену с реки Куты, проплыл по ней вниз почти до устья реки Алдана и по пути заложил Якутский острог, ставший основанием теперешнего города Якутска.

В 1635 году тем же сотником Бекетовым был построен острог при впадении реки Олекмы в Лену. Острог этот так же, как и другие казацкие крепости, стал основанием возникшего там и поныне существующего города Олекмы, находящегося на расстоянии 600 километров от Якутска.

Река Олекма была военным путем русских на Амур и Дальний Восток, вплоть до Тихого океана.

В 1638 году из Москвы был послан в Якутию первый стольник и воевода Головин. И любопытно: он пробирался в Якутск более двух лет. Можно себе представить, что за это был край и какая была дорога, если царскому стольнику потребовалось два года на проезд из Москвы в Якутск!

С 1-го июня 1640 г. Якутск стал административным и военным центром вновь открытого и завоеванного края. Таким образом, Якутск возник чуть ли не на сто лет раньше Ленинграда. Отсюда казаки организовывали походы на китайцев в Манчжурию, вели с ними войны, разбивали их армии и флот, строили крепости. Причем, добирались они на Дальний Восток на лодках, шли пешие через Яблоновый хребет, потом строили плоты, прокапывали речные пороги, теряли людей, провиант и часто приходили в Даурию с пустыми руками, без оружия и пороха. Известный завоеватель Е. Хабаров, выходец из России (из города Великий Устюг), организовал команду в 150 человек и с нею завоевал Амурский край.

Отсюда, из Якутии, казацкий сотник Дежнев по неизвестному пути, руководствуясь только рассказами местных жителей, на лодке, без компаса спустился по Лене в Ледовитый океан, обогнул Чукотский мыс и открыл Камчатку.

Отсюда русские проникли в Америку, на Аляску, закрепили за собой этот золотоносный край, и только глупое, бездарное самодержавие за ничтожные гроши умудрилось продать Аляску Америке.

Здесь, в Якутии, и Беринг организовал свою знаменитую экспедицию...

* * *

А вот и Омск. Ночь. Тихо входим в сияние огней. Под нами плещущий Иртыш. Он мрачен, буен, могуч. Он ши-

рок, как Волга у Ярославля, но полноводнее ее. Он идет на уровне берегов и кажется готов подняться выше и затопить Омск. Иртыш... Омск... Ермак... Колчак... Омское правительство...

Что здесь было! Сколько крови поглотил Иртыш!.
Но вернемся к таинственной Якутии.

III. КОЛОНИЗАТОРЫ

Казаки, завоевав Сибирь, нашли ее страну богатой пушными зверями. Дань, посланная царю, изумила двор. Пошел слух: „В Сибири соболей бьют палками. Сибирь—золотое дно“.

Чиновные люди, прокутившие свое состояние, забулдыги, рыскуны, бросились в Сибирь. Установилось правительство. В Сибирь посланы были воеводы и стольники. Они разделили все население на сословия. Одну часть называли дворянами, другую—казаками, а третью—посадскими. Воеводы, посылаемые в Сибирь, были такие люди, которым нужно было покормиться: они служили без жалованья. Забравшись, например, в Якутск, они считали себя, по крайней мере, удельными князьями.

При Екатерине II в Сибири открыто было множество городов и учреждены были присутственные места; их нужно было наполнить чиновниками. Состоялся указ, что все, желающие служить в Сибири, получают два чина в награждение. Толпа авантюристов ринулась в Сибирь.

Обман, взятки, утайки, присвоение, запирательство считалось среди них принадлежностью ума и твердости характера. Высшее начальство давало этому пример.

В Охотске начальником был некто коллежский асессор Кох. Этот человек, прославившийся своим изуверством, твердил каждому: „На небе бог, а в Охотске Кох!“

Другой, подобный же ему, властелин говаривал: „На небе Илья, а здесь я!“ Человек, попадавший под суд, обязательно подвергался пытке. Архивные документы вопиют об ужасах. Например, где-то на Лене русский крестьянин, поссорившись со своим братом, в пылу гнева ударил его ножом. Преступник повинился. Все ясно. Нет, до суда его подвергли пытке: несчастному дали полтораста ударов кнутом и три встряски. А встряска—это вот что: человеку связывали обе руки близ ладоней длинной веревкой. Вережкой этой

шривязывали к вороту, подымали к потолку застенка и бросали вниз; падая, человек не доставал пола. Трещали кости, выламывались руки.

Существовал открытый денной грабеж. Воевода заставлял какого-нибудь преступника оговорить богатого купца в соучастии в преступлении. Преступника выводили в гостиный двор, тот указывал на заранее намеченную жертву. Купца, разумеется, хватали, требовали откупа, а если купец молил о справедливости, его подвергали пыткам.

Это, между прочим, подтверждается официальным документом—челобитной торговых и промышленных людей города Якутска на имя царя Михаила Федоровича о насилиях первого воеводы Якутска Головина. В этой челобитной говорится:

„А пытал он нас холопей и сирот твоих и жен наших позорил многими разными пытками в пойма по 2 и по 3 и по 4, а намучивал на товарищов своих, а давал ударов кнутных на одной пытке ста по полутора и больше, и на костре огнем жог, и стряски многие давал, и воду на голову лил со льдом, и пупи жилы клещами горячими тянул, и у рук мышки огнем жог, и голову клячем воротил, и по естеству по тайным удом прутьем стегал, и ребра ломал, и свечами спину жог, и уголье и пепел горячий на спину сыпал, и за ногти спицы колотил¹⁾ и т. д.

Если так воеводы и прочая сволочь расправлялись с русскими крестьянами и промышленными людьми, то что же говорить об отношении их к якутам и другим народам Севера!

Документы свидетельствуют, что существовала форменная торговля людьми. Гнусная разбойничья царская банда во главе с воеводами извлекала, конечно, из этой торговли выгоду. В тех же архивных документах можно прочесть жалобу: „Берут насильно жен, дочерей, детей и продают их промышленным людям за соболей“. Эвенкийских (тунгусских) девушек продавали „за 7 соболей и за 10 листов красных с 4 пластинами собольими“.

Это—воеводы. А чиновники просто останавливали на улицах якутов и снимали меховую одежду, если она кому-нибудь нравилась.

О чем все это говорит? Это говорит о том, что озвере-

1) См. Сборник „Колониальная политика Московского государства в Якутии XVIII в.“. Издание Института народов Севера, Ленинград, 1936 г.

лая свора царских опричников-колонизаторов одинаково была враждебна и ненавистна как якутским, так и русским крестьянам-переселенцам в Якутию. Как русских крестьян и промышленников угнетали, грабили и убивали они, так и якутов и тунгусов. Как якуты и тунгусы ненавидели русских воевод и их подьячих, точно так же ненавидели их и русские простые люди, бежавшие от своих угнетателей в Якутию. А приведенные факты грабежа и насилия лишь доказывают, что русские простые люди, открывшие Сибирь и Якутию, ни в какой степени не могут нести ответственности за разбойничество колонизаторов.

Прошлая жизнь эвенков и якутов являет собою ужасное зрелище.

Вот что рассказывает один путешественник о тунгусах (эвенках).

„Если тунгус вздумает остановиться где-нибудь на житье, которое, впрочем, никогда более двух дней не продолжается, тотчас срубает несколько шестов, ставит их конусом и бока до самого верху покрывает берестою или лосиными кожами, оставя небольшое отверстие для выхода дыма. Береста для сего сшивается конскими волосами в длинные и широкие пласты. Дом его готов! Посреди урасы разводит огонь, и на три камня, воткнутые в землю ставит котел. Вот его кухня! Тунгусы, как и якуты, спят даже зимою раздевшись донага. Прикрыв себя лоскутьями звериных кож, тунгус поворачивает голую спину к огню и засыпает. К утру огонь гаснет, а на спине тунгуса образуется слой инею. Я заглядывал во все юрты: там, кроме лоскутьев звериных кож, ничего не было. Все имение тунгусов помещалось в небольших кожаных ящиках, расставленных в линию перед урасами; на ящиках лежали оленье седла. Дети ползали по траве совершенно нагие; их люльки, похожие на наши кибитки, стояли подле юрт: во время переездов колыбели кладут на оленя, вместе с дитею...

Когда тунгус убьет дикого оленя или лося, то все соседи, если они случатся, извещаются о добыче; все спешат на празднество и олень съедается сразу. Хозяин сохраняет к завтраку только кости, которые, истолокши, варит с водою и ест. Если пища вся вышла, тунгус берет свою винтовку, садится на оленя и едет куда глаза глядят, а жене приказывает со всем богатством перебраться на известную речку и там ожидать его...

Приехав на одно место, — рассказывает путешественник, — мы увидели несколько навьюченных оленей, бродящих по берегу и по реке; приближаясь к ним, услышали детские крики, но людей не заметили. Еще несколько шагов и взорам нашим представилось ужасное зрелище. Тунгуска, только что родившая, лежала от слабости на льду без всякой помощи и призрания; на льду реки Олекмы, может быть при 35 градусах морозу, во время родов!!! Она успела обмыть дитя снегом, перевязать пупок, завернуть в шкурку и положить в люльку; но, ослабев, не могла уже сесть на оленя. Много ли ты проехала верст? — спросил я у нее. — Двадцать! — отвечала тунгуска. Далеко ли тебе ехать? — Верст десять! — Ведь ты знала свое положение, зачем же пустилась в дорогу? — Я думала, что успею еще доехать до места, куда отправился вчера мой муж и велел мне быть непременно сегодня. — Не нужно ли тебе чего? — Нет! Однакож я приказал бывшим с нами казакам дать хотя по сухарю плачущим детям и осмотреть люльки, а одному пожилому и имевшему много детей, исправить все надобности роженицы и дать чего-нибудь поесть. Мы приехали на место ночлега; но сколь велико было наше удивление, когда оставленная нами тунгуска приехала туда же часа через два, сама поставила урасу, расседлала оленей, и начала готовить пищу! Я нарочно послал узнать, не нуждается ли она в чем. — Нет, — отвечала тунгуска, — но если имеете вина, так дайте мне рюмочку!.. Положение ужасное! Разумеется, что одно счастье спасло тунгуску и детей ее от смерти: будь ветер и метель, они бы погибли. Этот пример, впрочем, не редкий: родить на езде и потом опять ехать верхом — дело между тунгусками обыкновенное; но сколько бы ни крепка была их натура, все однакож должны встречаться и смертные случаи в таких обстоятельствах. Что теперь скажем о младенце, из чрева матери вышедшем вдруг на 30 градусном морозе?*

Что можно сказать? Приходится лишь удивляться, как этот народ сохранил себя до нашего времени!

Не лучше жили и якуты. Говорят даже, во время голодовок они ели кротов. Голод там был обычным явлением и на этой почве возникло форменное рабство: богатые якуты одалживали беднякам корову или лошадь и превращали своих должников в вечных работников.

В быту якутов существовали купля и продажа женщин, в форме уплаты калыма. Новорожденных детей бедняки

зачастую клали в корзинку и подвешивали на дерево или охотно отдавали русским, без сожаления, лишь бы избавиться от лишних ртов.

Таким образом, и у якутов была та же картина голода и вымирания. И встает вопрос: что там есть теперь? Мы, ведь, ничего в сущности не знаем. Даже стыдно становится при мысли о том, что Якутия, населенная многими народами, в литературе нашей не показана. Какая действительность откроется передо мной? Изжито ли якутами кошмарное прошлое? Живут ли они такой же полнокровной, радостной жизнью, как живут другие народы нашей необъятной родины?

IV. ШИРОКА СТРАНА МОЯ РОДНАЯ

От удивления даже протираю глаза:—что это такое?! Где я нахожусь?! Все время ехал по Сибири и вдруг, будто, солнечный Ростов-на-Дону раскинулся передо мною.

Такой же большой промышленный город, расположенный по взгорью. У подножия города такая же река, как Дон. Обширная пристань у берега: пароходы, лодки, кувальни и множество людей барахтаются в воде.

День ясный, солнечный, жаркий. Все это до того похоже на Ростов, когда подъезжаешь к нему со стороны Донбасса, что невольно думаешь, не заблудился ли наш экспресс? В Сибирь ли мы едем? Это же настоящий юг, это—полная противоположность сложившемуся представлению о Сибири!

Красивые новые дома сверкают на солнце. Дымят заводские трубы. Глаз уже не охватывает окраин города. Он уже замыкает нас в кольцо домов. Река, точно прислонившись к городу, далеко-далеко сияет на горизонте. Какая она огромная, вероятно, в ширину на километр и тугая какая-то, плотная. Вода в ней идет круто, завитками, будто рвется из-под колес турбины. Полнокровная река!..

Вокзал, и все ясно: Новосибирск... Обь...

Четвертые сутки идет экспресс. Миновали столицу Сибири и мимо нас снова побежали сосны, березы, рожь, овес, луга и даже знакомые цветы. Цветы сопутствуют нам всю дорогу, — лютики, ромашки, незабудки. Растительность все та же, что и в Московской, Калужской, Смоленской, Калининской, Ленинградской областях, такая же, как в Карелии

и в Белоруссии, в Мордовии и в Татарии. А мы находимся от них за четыре—пять тысяч километров!

Только незадолго до Красноярска резко меняется ландшафт: беспредельная равнина переходит в лесные горы. Поезд местами проходит между каменных скал, и снова горы, горы! Зеленые, покрытые травой или темносиние, покрытые лесом, овальные, грушеподобные или прямые высокие хребты вздымаются на горизонте до самого неба.

И среди гор сияет красавец Енисей.

Красноярск сравнительно небольшой, невидный город: мало каменных зданий, много немощеных улиц; маленькие деревянные домики рассыпались по берегам реки. Но Енисей прекрасен. Он гораздо могучее Камы, Иртыша и Оби. Он буен и быстр. Мутная вода идет кругами. Иногда кажется, что ее кто-то подталкивает снизу, и она пучится, разливается вдали широко, на несколько километров. По берегам реки навалена масса леса; сосновые бревна, длинные, ровные, похожие издали на выточенные колонны из красного мрамора. Лес идет от этих гор и направляется к далекому Ледовитому океану.

Этот край еще не освоен нами. Тут лежат нетронутые богатства. А какая сила дремлет в этих горах, в этой могучей реке Енисее! Нам нужно еще много людей, чтобы использовать силу Сибири. Смешно даже, когда вспомнишь разговоры некоторых умников о том, что скоро нам земли не хватит. Хоть всю Европу пересели в Сибирь, и еще много останется свободного пространства.

Страна моя, ну как не любить тебя, как не гордиться твоими просторами, как не восхищаться предвидением той будущей чудесной жизни, когда на свободной земле свободный человек овладеет всеми твоими богатствами!...

Экспресс осторожно перешел, казавшийся бесконечным, железный мост над Енисеем. Впереди раскинулась зеленая долина, Енисей уходит на Север. На горизонте он сияет, как море.

Ухо привыкло к размеренному шуму движения. Из общего хаоса звуков выделяется лишь забавная скороговорка колес: „мы таки-тут, мы таки-тут, мы таки-тут“.

Да, мы тут—все еще мчимся по своей советской земле и всюду чувствуем себя, как дома.

За Красноярском, часа через два езды, кончились горы и перед взором снова раскинулась бескрайняя равнина, из-

резанная оврагами, усыпанная кустарником берез. Кое-где видны пни вырубленного леса, но кругом, насколько хватает глаз, чернеет пахота, засеянная яровыми хлебами. Вот тут уже можно заметить отличие Сибири от центральной полосы Союза. Время—конец июня. Там, в центре, уже созревают хлеба, там сейчас снимают покосы и готовятся к уборке урожая, а здесь только еще посеяны яровые. И другая особенность бросается в глаза: в сибирских деревнях дома, дворы, амбары, бани, крыши—все из крупного леса, покрытые тесом, и выглядят они широкоплечими, приземистыми, как строившие их люди—сибиряки. Нет здесь ни глиняных мазанок, ни крытых соломой хилых крестьянских избышек. Крепко живет здесь народ.

И еще особенность: на всем бесконечном нашем пути почти не встречалось маленьких ручейков, речушек и даже таких рек, как, скажем, река Москва. Тут что ни река, то тебе—Кама, Иртыш, Обь, Енисей. Гиганты! И все здесь кажется крупным, мощным. Уж если равнина, так ей конца, края нет, если горы, так до самого неба, если поезд врзался в лес, то в вагоне непременно сумрак образуется.

... Верхнеудинск. По местному времени 12 ч. ночи, а московские часы показывают семь вечера. Вот уж куда мы махнули! На пять часов во времени опередили Москву.

Ночь. Тепло. Тихо. Сладко пахнут тополя. Хорошо! Как будто ты находишься весной в благодатной Украине.

Города не видно, только огни сияют вокруг станции и веером рассыпались они в тихой темноте.

Взошло солнце. Мы стоим на станции Зима. Небо ясно. Река дымится. Огромный город раскинулся по берегам ее. Дымят заводы тяжелым чернофиолетовым дымом и тут же белый, кудреватый дымок легко подымается из труб домов. Листья берез сверкают зелеными искрами. Сосны, будто облитые золотом, стоят не шелохнув. Ярким пламенем горят далекие окна. И тишина, оглушительная тишина!

Город, но задолго до города простиралась необъятная зеленая долина; и ни людей, ни деревень. На сотни километров лежит нетронутая целина. Только по берегам рек живут в Сибири люди, а остальное пространство ждет к себе других хозяев. Мне вспоминается путь в Ташкент. До Куйбышева более или менее освоена земля. От Куйбышева до Чкалова уже начинаются степи и людей не видно. А от Чкалова до Ташкента лежит ровная тысячекило-

метровая пустыня, которая может быть таит в себе и нефть и уголь, и другие богатства ископаемых. Пустыня эта может быть обработана под посевы хлопка или хлебов, только нужны руки человека.

И вот здесь тоже, еще более грандиозные, еще более богатые и удобные пространства остаются пока зеленой и лесной пустыней, ждущей человека. А земля—чернозем, растительность богатая, такая же и даже лучше, нежели у нас под Москвой. И чего люди теснятся там, чего они жмутся на десятках гектаров каменистой или песчаной почвы, если здесь тысячи гектаров на каждого человека лежат пустыней, не испытав великой своей способности родить.

Земля моя, ты тоскуешь по человеку! Подожди немного, скоро он придет, бросит в твои недра семена и ты вознаградишь его обилием плодов. Скоро, скоро он придет сюда сильный, могучий, достойный тебя человек!

Поезд тронулся и снова закружилось зеленое сибирское пространство с его сияющими березами, лугами, болотцами, что зеркала, и яркими солнечными цветами.

Мы едем пятые сутки. Все ближе и ближе Якутия. И чем ближе она, тем все больше обостряется к ней интерес.

Любопытные цифры. В 1838 году число жителей в Якутии было всего только 89.565 мужчин и 90.076 женщин. А в городе Якутске насчитывалось 353 дома; 1819 мужчин и 1223 женщины. В Олекме—44 дома; 84 мужчины и 68 женщин. В Вилюйске—40 домов; 51 мужчина и 68 женщин. В Верхоянске—38 домов; 258 мужчин и 238 женщин. В Колыме—29 домов; 52 мужчины и 45 женщин.

Эти цифры показывают, что это были за „города“. Кроме городов существовали поселки и волости, состоящие из 1—5 домов и от 2 до 30 жителей в них.

Якутск находится в Приполярье, на 62-й параллели земного меридиана. Расстояние от Москвы до Якутска около 9 тысяч километров.

Путешественники рассказывают, что весна и лето там продолжаются не более двух с половиной месяцев. С первых чисел августа по вечерам начинает подыхивать холодный ветерок, а ночи делаются темными. Вскоре холодный иней истребляет зелень. Все желтеет, листья валяются с деревьев и термометр по утрам показывает уже 5—7 градусов мороза. В конце сентября снег покрывает землю, устанавливается зимняя дорога и по Лене начинает двигаться шуга (лед).

В первых числах октября морозы достигают до 15 градусов. Лена замерзает. Люди готовятся к зиме. В окна вставляют или две рамы, из которых на внутренней, толстой, вмазано два стекла, или пластины льда. Ледяное окно хотя мало пропускает света, зато дешево и держится до самого тепла.

С половины декабря начинаются ужасные морозы: всякий гвоздь или болт в доме промерзает и покрывается инеем. Стекла лопаются, стены трещат, морозный туман наполняет атмосферу, и чем холоднее, тем он гуще; дым из труб стелется над домами и увеличивает мрак. В 11-м часу утра восходит солнце; едва подымается оно на туманный и мрачный горизонт и тотчас закатывается. Оно не светит и не греет, а представляется тусклым фонарем. В самый полдень не нужно подымать головы, чтобы взглянуть на него. Дня почти нет, надобно вечно сидеть дома, о прогулке нельзя и думать. Ни воробья, ни сороки, ни вороны, даже голубей в Якутске нет; только чечетка и черный ворон выдерживают тамошнюю зиму. Термометр беспрерывно стоит на 35, 38 и 40 градусах. В морозы воздух бывает чрезвычайно тих, разве один хиус (тихое течение воздуха) приводит его в движение. При 50 градусах мороза, если дохнуть сильно, то слышно, как замерзает дыхание в воздухе: оно трещит или шумит, как сухая трава.

Зимой в Якутске замерзает ртуть. Ее для продажи рубят топором.

Такова якутская зима. Там, оказывается, зимой можно наблюдать северное сияние. В самом Якутске оно еще не совсем яркое, а дальше, в Колыме, при северном сиянии будто бы можно читать книгу.

Интересная страна!

V. ПРЫЖОК

„Проезд от Иркутска до Якутска—тяжелое и очень рискованное предприятие; труднее, чем какое-нибудь путешествие по внутренней Африке“.

Н. Г. Чернышевский

Иркутск—большой, шумный город на Ангаре. Гигантский каменный мост принимает на себя поток грузовиков, эмочек, автобусов, легковых и ломовых извозчиков и по-

летнему разноцветную толпу людей, стремящихся от вокзала в город. Мост новый, железо-бетонный, такой же широкий, как Москворецкий или Каменный в Москве, только раза в три длиннее их и выше; красивой аркой повис он над голубой рекой.

Уже с моста, в перспективе, открываются улицы, набережные. Далеко где-то возвышается зеленая лесистая гора, а у подножия ее видны новые, высокие дома.

Да, это настоящий город. По размерам своим и внешнему облику он не уступит Туле, Смоленску, Калинин, Чкалову и, пожалуй, Куйбышеву.

В центре города, на месте бывшего собора, образована огромная площадь с трибуной посередине. Площадь для митингов и парадов. Полукольцом ее окружает парк, а на другой стороне—новое обширное здание гостиницы, телеграф, почта. Дальше идут прямые, широкие улицы с высокими каменными домами—улицы большого города с автобусными и таксимоторными остановками, с множеством народа.

Трамвая нет и, видимо, не будет, ибо в Сибири передовой транспорт—автомобильный—опередил трамвай. Гора, что видна еще от вокзала, оказывается, является старым, теперь уже заброшенным, кладбищем, с густо разросшимся на нем лесом. На самом высоком холме—братские могилы сибирских партизан и красноармейцев, погибших в борьбе с колчаковщиной. Выделяется одна могила „дедушки“ Каландаришвили — знаменитого вождя сибирских партизан, предательски убитого в засаде возле Якутска. Оказывается, Иркутск и Якутск—города, спаянные между собой кровью лучших людей советской эпохи. В Иркутске уже чувствуешь Якутск.

С могилы Каландаришвили город весь, со всеми его окраинами, открывается перед тобой. Внизу пестрый рисунок домов, улиц, площадей и базаров. Видны даже движущиеся по улицам потоки людей, а кругом города темно-голубая, сливающаяся с небом, широкая рама Ангары. Город на полуострове. Река делает крутой изгиб, образует несколько островов и голубой дорогой уходит на Север. Могучая, прекрасная река. В отличие от Камы, Иртыша, Оби, Енисея, вода ее прозрачно-хрустальная, холодная, как лед.

Сердитая река. Когда пробежит по ней ветерок, она сразу же хмурится, темнеет. Но если ветер дует всерьез, тогда она злобно вздымает навстречу ему белые гребни волн и кипит, словно хочет подняться вся и в возмущении выйти на берег.

Грозная река. Она не любит людей, не принимает их в объятия свои. Она их мгновенно замораживает. И если пытаются смельчаки окунуться в ее заманчиво-прозрачной воде, мгновенно же выскакивают, как ошпаренные.

В самом городе душно и жарко. В выходной день можно наблюдать необычайную для других городов картину: тысячи людей на грузовиках с песнями, с духовыми и струнными оркестрами мчатся за город, в леса. Вечером они возвращаются домой, и грузовики похожи на огромные букеты ярких солнечных цветов.

Но меня тянет в Якутск. Скорей в Якутск! Отсюда он уже кажется недалеким.

В трех километрах от города аэропорт. Подымаются и опускаются на Ангару тяжелые „гидры“ и легкие, серебристые летающие лодки. В бывшей церкви на берегу реки—штаб аэропорта. Шесть человек нас. Мы оформляем документы, получаем билеты, садимся в моторку, тарахтим по реке к самолету; грузим багаж, залезаем в кабину, устраиваемся в удобных мягких креслах, глядим в круглое стекла иллюминаторов. Мотор взревел. Самолет наш плавно пошел по воде, набирая силу. Вода под нами вскипает, бурлит, пенится; высоко вздымаются, как белые искры, ангарские брызги. И вот мы над водой... Отделились. Идем, все выше и выше. Город уже под нами; река впереди нас разворачивается в широкую голубую ленту. И... прощай, Иркутск! Мы летим на север, в далекую Якутию.

* * *

Ангара осталась в стороне. За Иркутском она разлилась по болотистой равнине, разделилась на несколько рек, текущих между длинными, продолговатыми островами. И от того она стала необычайно широкая, извилистая, похожая на горизонте на сизоголубое море.

Мы летим, но создается впечатление, будто мы повисли в воздухе, привязанные к солнцу золотыми нитями. Мы, слегка покачиваясь от ветра, стоим на месте, а земля под нами медленно-медленно движется. Так далеки горизонты, так широко пространство.

Стая пушистых облаков пролетела под нами. Блеснула река. Берега ее отлоги. Словно отпечатки башмаков великана, видны продолговатые нитки пахоты. Значит, здесь уже поселился человек... Серенький домик, не больше спичечной коробки. Возле домика заметна изгородь, слов-

но муравей сложил ее из былинки. А вот и скот пасется. Коровы, как козявочки, ползают недалеко от дома.

Мы висим на стропах солнечного парашюта. Внизу видны среди гор желтые полосы стоков весенних вод, какие-то неясные тропинки. Иногда среди леса мелькнет зеленая полянка, вдруг снова подымется гора, точно высокая грудь великана; вдруг медленно проплывет болотце, круглое, темносинее, как глаз.

И вот, изогнувшись, блеснула река. Мы знаем, это — Лена. Это та самая великая сибирская река, по которой наши предки проложили путь в Якутию, на Дальний Восток и в Америку. Она, раздвинув горы, идет сплошным потоком, как асфальтовая трасса, обсыпанная по сторонам песком.

И вдруг разлив. Из далеких синих гор, справа от нас, вырвалась другая река. Она сомкнулась с Леной, образовав мысатый полуостров. На нем, почти в кругу воды, раскинулся городок. Это тот самый городок, который построен когда-то казаками... Киренск.

Самолет качнулся, лег на крыло, — и мы кругом пошли вниз, обрывая солнечные стропы. Две-три минуты и под нами закипела вода. Лодка наша на доплавках и на собственном животе подползла к причалу. Ее прикрепили канатами к деревянной пристани, и мы вышли на берег.

Поистине, мы упали с неба. Странно! Земля покрыта густой травой и цветами. Трава и цветы знакомые: пырей и дикий клевер, осока на берегу реки и щавель, а среди них цветы — красные, желтые, голубые, малиновые, фиолетовые... И дома, как всюду, деревянные, со стеклянными окнами, тесовыми или железными крышами. Река блещет и шлет улыбки солнцу, как все реки, какую бы ни увидел. Одним словом, смотришь вокруг себя и думаешь: батюшки, да уж не в Смоленскую ли область я прилетел или не на берег ли Волги я с неба свалился, где-нибудь неподалеку от Жигулей! Река, как Волга, широкая, могучая; и берега крутые и город — не город, а большая волжская деревня. Словом, до того сильна иллюзия центральной полосы России, что трудно даже вначале убедить себя, что ты все-таки находишься за 6 тысяч километров отсюда. Даже температура воздуха настоящего летнего знойного дня на Волге. В самолете было 20 градусов тепла, это на три тысячи метров к небу, а на земле душно, жарко, наверно, градусов тридцать. И такой чистый, паху-

чий воздух, столько красок и блеска, такое солнце, что хочется по-домашнему растянуться на лугу да самоварчик бы поставить, закусочку разложить; выкупаться, стаканчик водочки хлопнуть и... хоть „Вниз по матушке“ запевай.

Мы побродили по берегу, насобирали цветов, выпили по стакану чая в аэропорте, послушали жаворонков, дополняющих своим пением иллюзии родного края, посмотрели на родные березки, сосны (самолет за это время уже заправили работники порта), и забрались в машину. Мотор взревел, брызги, как серебряные монеты, веером разлетелись в стороны. И мы снова в воздухе, снова забираемся выше гор, снова попадаем в золотые стropy солнца и повисаем в воздухе над рекой и горами.

После Киренска Лена значительно расширилась. Кончился ее сплошной поток. Почти на всем своем пути она то отклоняется влево, то вправо, образуя продолговатые острова. Мы как будто стоим в воздухе, только крестообразная тень самолета бабочкой летит внизу по голубой дороге. А горизонт весь синий, как море. Вдруг гора, пестрая, полосатая, точно громадная лягушка под ногами вздулась и хочет прыгнуть. Но вот опять леса, реки, синь. Фиолетовые озера стоят под нами, как будто сама земля глядит на нас темными, громадными своими глазами...

Но что это? Тайга окутана дымом. Блестит огонь. Да, огонь. На солнце, с высоты, он кажется густою дымящейся кровью и деревья облиты ею от корней и до волос. И никто не спасает их, никто не приходит на помощь. Кругом неоглядная пустота. Видно, как огонь разливается все шире и шире. Вот он уже потоком стекает с горы в долину. Здесь такие же зеленые деревья, как будто в ужасе стоят, не шевелясь, а огонь подползает к ним и охватывает вначале ноги, потом платье и кудрявые их волосы. Уже большое пространство образовалось, заваленное в беспорядке черными трупами деревьев. Жаль погибшего леса. Но что поделаешь? Пустота кругом!..

Вдруг перед нами раскинулась широкая долина на левом берегу Лены. Река ушла вправо, а здесь, по всей долине, окруженной горами, видны озера, протоки, сосновый лес и недалеко от леса раскинулся город.

Мы спускаемся на воду. 2.705 километров пройдено над сплошной тайгой. Мы на 62-й параллели земного меридиана. Мы в далеком, неведомом Якутске.

ЯКУТСК

1. ТО, ЧЕГО НИГДЕ НЕТ

Нет, это никак не согласуется с обычным представлением о городе. Это нечто совершенно своеобразное, неповторимое, нигде не могущее быть как только у нас на Севере.

Ты находишься в большом столичном городе. Но есть ли еще другой город в мире, который был бы озеленен березами и соснами? В каком ином городе на всем земном шаре ты будешь, идя по улице, ясно ощущать у себя под ногами колыхание почвы? Можно ли представить себе город, в котором не было бы ни единого камня?

Якутск—город уникам.

Взять хотя бы расстояние до него. В 17 веке царские воеводы от Москвы до Якутска ехали два года. В 18 веке по изведанным и проторенным дорогам и рекам люди добирались сюда за год. В 19 веке, когда уже был положен Сибирский тракт, организованы почтовые станции, на лошадях, плотах, на лодках или карбазах люди ехали сюда полгода. В конце 19-го и в начале 20 века, с постройкой Сибирской магистрали и возникновением на Лене пароходства, на путешествие до Якутска требовалось минимум два месяца.

В настоящее время скорым поездом и на самолете можно добраться до Якутска за 7 дней. Это, если нигде не останавливаться, при абсолютной летной погоде, летом, когда на Севере длинные дни и если при этом в дороге не случится никакой задержки. Это—путь молния. Быстрее пройдет его разве только Коккинаки.

И все-таки требуется семь дней непрерывного экспрессного и самолетного пути, чтобы попасть в Якутск.

В обычном же порядке авиопочта, например, идет из

Москвы до Якутска 10—15 дней. Простая почта доходит за 20—25 дней. Точно такое же время потребуется и пассажиру, если он из Москвы до Иркутска будет ехать поездом, а из Иркутска по Ангаре отправится пароходом, затем на автомобиле с Ангары перевалит через горы на Лену и по Лене снова спустится на пароходе до Якутска. Груз же из Москвы до Якутска идет годами; сделанный, к примеру, костюм на московской фабрике в 1937 году в Якутске поступает в продажу в 1939 г., и прибывают сюда грузы только в летнюю навигацию. Зимой устанавливается ледяной автомобильный путь по рекам, но в течение четырех месяцев в году, весной и осенью, движение транспорта прекращается. Тут уж ни на лошади, ни пешком, ни на автомобиле, ни на самолете—никак не доберешься до Якутска и не выедешь из него. Город и вся Якутия в это время связана с центром только радиотелеграфом. Немудрено поэтому „Правду“ получить в Якутске тридцать—сорок дней спустя после выхода ее в свет в Москве, а письмо из Якутска в Москву идет иногда три месяца.

Далеконько, чорт возьми, Якутск от Москвы! Как-никак, а это уже близко к „краю света“, где зимою солнце исчезает на три месяца, а летом оно не заходит. И тем не менее город живет, растет, развивается.

В 1836 году здесь было всего-навсего три тысячи сто тридцать семь душ обоюго пола и всех возрастов. Восемьдесят лет спустя, в 1917 году, стало жителей в городе семь тысяч триста пятнадцать душ. Следовательно, в год прибавлялось только по 52 человека или по одному человеку в неделю. За последующие девять лет, с 1917 по 1926 г., население в Якутске увеличилось еще на три тысячи двести сорок три человека, т. е. прибавлялось по 360 человек в год или по одному человеку в день. Но зато с 1926 по 1933 г. рост населения выразился в двенадцать с половиной тысяч человек, т. е. прибавлялось около двух тысяч человек в год или пять человек на каждый день. И затем происходит скачок: за шесть лет—1933—1939 гг.—население Якутска увеличилось на тридцать тысяч, или прирост выражался в четырнадцать человек на каждый день, т. е. чуть ли не в три раза больше против предыдущих лет и, значит, в сто раз интенсивнее увеличивалось население по сравнению с дореволюционным временем. В настоящее время в Якутске насчитывается 53 ты-

сячи жителей. Образовался самый большой город на Севере, полный людьми до отказа.

* * *

Вначале, как это всегда бывает в необжитом доме, пока не освоишься, все кажется странным и удивительным. Странно, например, что в городе вы не найдете камня. Ни на улице, ни на тротуаре, даже ни за городом, хоть десятки километров обскочи вокруг, нет камня. Во всем городе всего только тринадцать каменных зданий, в том числе и церковные, но они так разбросаны по различным улицам, что их и не видно.

Идешь по высоким досчатым мосткам, заменяющим тротуар, и всю дорогу вам сопутствуют одноэтажные деревянные домики в два-три окна, с почерневшими тесовыми крышами, с крылечками, со ставнями и резными наличниками на окнах.

В старину, говорят, возле каждого домика стояла юрта, куда люди переходили жить на лето: в земляной юрте, как в погребе, прохладно. Теперь на улицах юрт не видно. Лишь в местной газете можно прочитать объявление Горсовета о продаже той или иной юрты, кое-где они сохранились на задворках.

Говорят, в старину возле каждого дома стояла виселица. Жители с наступлением зимы вывешивали на мороз окорока говядины. Мясо висело до весны, промораживалось, провяливалось, превращалось в черный камень, но зато оно становилось необыкновенно вкусным и люди подавали его на стол, как деликатес.

Виселиц теперь в городе нет и подобный деликатес отошел в область преданий.

Осталась строганина. Промороженную крупную рыбу строгают тонкими пластинками и в сыром виде едят; едят якуты и русские; едят и не нахвалятся. Особенно, если прибавить лучку да уксуса, да стопочку водки. Объедение! Один русский врач, долго живущий в Якутске, когда приезжает в Москву, обязательно угощает своих друзей строганиной. Он просит в гастрономе проморозить рыбу, приносит ее домой во льду, нарезает по-якутски пластинками и москвичи тоже едят и не нахвалятся. Только в Москве разве такой мороз, как в Якутске! Именно якутский мороз делает рыбу вкусной даже в сыром виде. Этот вид рыбьего деликатеса распространен по всей Якутии, и

когда у нас говорят, как о чем-то ужасном, что якуты едят сырую рыбу, забывают при этом добавить, что такая рыба и для русских является лакомством.

В старину женщины и девушки, якутки и русские, любили кататься по городу верхом на быках. Иногда летом на санях бороздили они улицы, пока бык не уставал. Теперь этого спорта тоже нет. Можно видеть лишь крестьянина-якута, приехавшего в город верхом на быке, причем бык впряжен в телегу, к телеге привязана корова, к хвосту коровы привязан теленок, и подобный обоз чинно движется по улицам города.

Но зато поразительно много здесь велосипедистов. Удивляешься даже, как удалось столько их завезти сюда! Ни в одном городе, в том числе и в Москве, не видел я столько велосипедистов. Кажется, нет ни одного человека в Якутске, который не умел бы ездить на этой машине. Девушки, парни, пожилые люди—все ездят на велосипедах. Приятно видеть, как на широких улицах города, по мягкому грунту, словно по проселочной дороге, взад и вперед мчатся велосипедисты. И не только в городе. В далеких якутских колхозах бригадиры, председатели, счетоводы и рядовые колхозники широко пользуются этой машиной. То и дело встречаются по дороге люди, едущие на велосипеде, с подвешенным портфелем на раме, иногда соревнующиеся в быстроте движения с грузовыми автомобилями. И невольно улыбнешься при виде того, как на раму велосипеда, точно на спину лошади, взвоят два-три мешка с зерном, по сторонам идут два человека и, словно коня, ведут они велосипед под уздцы, третий сзади, упираясь в мешки руками, катит груз по дороге.

Но что самое поразительное в Якутске, так это—земная зыбь. Идешь по улице и вдруг чувствуешь—земля под тобою колышется. Как будто ты взошел на туго набитую пухом перину. Итти, правда, хорошо и даже приятно, мягко, но без привычки охватывает оторопь: вроде ты наступил на что-то живое, дышащее у тебя под ногами. Это дает о себе знать вечная мерзлота. Земля в Якутске оттаивает за лето метра на полтора. Образуется подпочвенная вода. Местами она вспучивает оттаявший слой.

Удивительная в Якутске пыль. Ни в одном городе Советского Союза я не видел такой пыли.

Ну, а раз есть пыль, значит, должна быть и грязь. И грязь здесь замечательная. Немощенные якутские улицы

изрыты ухабами, изрезаны глубокими колеями. И вот после сильного дождя, когда люди с наслаждением вдыхают чистый воздух, шоферы в это время вспоминают бога и его пресвятую богородицу. Они, шоферы, не едут по улицам, а словно капитаны, находясь у руля, плывут на катерах по бурному, взволнованному морю. Колес не видно. Автомобиль по самые крылья уходит в грязь. Он буквально похож в этот момент на катер. Разница лишь та, что катер и по волнам, но все-таки движется вперед, автомобиль же, стоя, храпит и буксует. И тут уж полностью оценишь достоинство высоких досчатых тротуаров; идти по доскам после дождя можно без галош, если не надо переходить улицы.

К счастью, в Якутске редко бывают дожди. Здесь сухой, континентальный климат. Поэтому жара здесь бывает превосходная. Ртутного столбика в термометре нехватает. Я как-то выставил градусник на солнце, минут через пять взглянул и своим глазам не поверил: что такое, думаю, обман зрения? Снял, поставил градусник в комнате, в тень, ртутный столбик упал до „30“. Снова выставил на солнце и снова ртуть поднялась.

Ничего не скажешь, жара для Севера подходящая. Но удивительно, то ли потому, что из-за вечной мерзлоты земля здесь никогда не накаляется, то ли потому, что кругом бесконечные леса—якутскую жару переносишь гораздо легче, нежели московскую. В Москве в жару чувствуешь себя, как в печке: душно, нечем дышать. А здесь солнце жжет, но чувствуешь себя легко.

То же самое можно сказать и относительно якутского мороза.

Смеются якутяне, они даже нарочно пугают новичков; говорят им всякую чепуху, вроде того, что плевков на лету превращается в ледяшку, струя воды будто бы становится ледяным столбом, веки смерзаются. Все это вздор, насмешка над испуганным воображением труса.

Да, в Якутии мороз иногда достигает 65 градусов, но это бывает редко и несколько дней. Более продолжительное время температура стоит от 30 до 40 градусов ниже нуля. И это не страшно! Но в том-то и дело, что якутский мороз переносится людьми гораздо легче, нежели тридцатиградусный мороз в Москве. В холодное время года в

Якутии совершенно прекращается движение воздуха. Тихо. Туман. Мороз крепок, но он не пронизывает до костей, не жжет ветром. Люди ходят в обычных валенках, полушубках, пальто, в шапках, так же, как одеваются зимой и москвичи, а некоторые якутяне всю зиму носят тужурку, кепки, сапоги с галошами, женщины носят резиновые ботики. И ничего! Ни ушей, ни носов не отмораживают. Больше того, мужчины и женщины зимой едут на грузовиках по сотни километров, пробираются в тайге на лошадях, оленях, собаках, иногда ночуют в снегу. И не замерзают! И это не только якуты, но и москвичи, и украинцы, и представители кавказских народов.

Не так якутский мороз страшен, как о нем рассказывают некоторые люди с обывательским тоном.

— А как у вас дело обстоит с водой?—спрашивал я, памятуя московские рассказы.

— Летом водовозы доставляют воду с Лены, зимой добываем изо льда.

— Хватает?

— Сколько угодно, и какая вода—хрусталь!

— И в баню можно пойти?

— Пожалуйста! К вашим услугам ванна, душ и все банные прелести.

— Говорят, мерзлота здесь закрывает подпочвенную воду?

— Верно. Но скоро мерзлота будет пробита и Якутск получит водопровод и канализацию. Паровое же отопление в некоторых домах и теперь имеется.

— Вот тебе, думаю, и верь рассказам о Якутии в Москве.

Удивительным и странным кажется Якутск только по первым впечатлениям. А потом, когда освоишься, привыкнешь, разберешься в обстановке, все кажется совершенно естественным в данных условиях, и Якутск встает перед тобой обыкновенным советским городом, полным жизни и творческой энергии.

* * *

Главная улица — Октябрьская — покрыта торцовой мостовой. Это — гордость Якутска — первая мощеная улица. Она тянется километра на три через центральную часть города. Тут Верховный Совет, Совнарком, Обкомы партии и комсомола. Тут Дворец пионеров, наркоматы, Дом союзов и союза писателей, Дом партийного просвещения. Тут

Государственное издательство, техникумы, кино, школы, магазины...

Город, как город! Километров тридцать в окружности будет. Мало каменных домов? Но много ли таких домов в городах, находящихся поблизости от Москвы? Возьмите Каширу, Можайск, Гжатск, Вязьму. А в Карелии есть старинный город Олонецк, так в нем ни одного каменного дома нет. Столичный город Карелии Петрозаводск немногим отличается от Якутска. А возьмите столицу Мордовии — Саранск. Тоже деревянный город! А какой-нибудь Сольвычегодск? Таких городов у нас еще, к сожалению, очень много. И когда идешь по улицам Якутска, видишь мчащиеся комфортабельные ЗИС'ы, уютные Эмочки, грузовики, автобусы, даже забываешь, что ты в далеком, почти заполярном городе. Здесь даже милиционер на перекрестках регулирует транспортное и пешеходное движение.

И так же, как во всех городах, имеются гостиницы, рестораны, кафе, столовые, только нет специальных пивных, но их даже и в Иркутске нет. Зато пиво собственное есть.

Приятно было видеть афишу о демонстрации кинокартины „Ленин в 1918 году“ всего лишь месяц спустя после появления ее на экранах Москвы. Приятно было узнать, что в Якутске имеется шесть республиканских газет, три журнала, своя полиграфическая база.

Приятно было также узнать, что в Якутске имеются: Вечерний, Заочный, Учительский и Педагогический институты, Институт Языка и Культуры, Институт усовершенствования учителей, Гидрометеорологический институт со своей обсерваторией, Ветеринарно-бактериологическая станция и Педагогическое училище. Кроме того десять техникумов, рабфак, три школы ФЗУ, не говоря уже о средних и начальных школах. Имеется в Якутске около пятидесяти предприятий, самое крупное из них кожевенный завод. Всего рабочих в Якутии, не считая грузчиков в Ленском порту и матросов госпароходства, насчитывается свыше 30 тысяч человек.

Если сто лет тому назад в Якутске было всего только 353 дома, а в 1933 году—1414, то теперь уже насчитывается около пяти тысяч домов. Выросли новые пригороды. Имеется красивое каменное здание Центральной электрической станции (ЯЦЭС).

Раньше была в Якутске одна больница и называли ее „домом смерти“. Теперь 23 медицинских учреждения: Республиканская больница, Горамбулатория, Поликлиника, Туберкулезный, Венерологический и Трахоматозный диспансеры, Туберкулезный санаторий „Красная Якутия“, Скорая помощь, Родильный приют, Консультация и т. д. Теперь это — „дома жизни“.

И, наконец, имеются в Якутске два государственных театра: Якутский и Русский; Якутский государственный хор и сотни кружков самодеятельного искусства. Кроме того имеются Республиканская и Городская библиотеки, Областной краеведческий музей, богатейший Государственный архив.

Вот почему, когда освоишься с городом, забываешь, что ты находишься на 62-й параллели земного меридиана.

С Москвой можно разговаривать по телефону, слушать по радио последние новости, в местных газетах на другой же день после опубликования читаешь важнейшие статьи „Правды“ и „Известий“. Общие интересы борьбы, строительства, международных отношений здесь так же остры, как в любом уголке Советского Союза. И люди напряженно живут этими интересами, так же, как москвичи, киевляне, ленинградцы.

На улицах встречаешь преимущественно якутов и русских. Но в городе живут и татары, и евреи, и латыши, и белоруссы, и украинцы, и армяне, и грузины и многие другие.... Много видишь полуякутов, полурусских, особенно среди молодежи. А какой это красивый, сильный народ! Якутская смуглая кожа с нежным русским румянцем, серые русские глаза под темными якутскими бровями. Якутские скулы прекрасно сочетаются с русским открытым лбом; русский высокий рост с якутской худощавостью дают тип стройного, сильного, волевого и страстного человека.

Якутск в сущности многонациональный город и этим он тоже не отличается от других городов советской страны. И потому, освоившись, быстро привыкаешь к городу, живешь такой же напряженной интересной жизнью, какой живут все советские люди во всех городах и селах.

II. Д Е Н Ь

Чудесная бывает в Якутии весна.

Как известно, в Средней Азии начинается она свою благотворную работу в марте. В апреле трудится в Крыму. В мае заканчивает работу по всей европейской части Советского Союза, и постепенно приходит сюда на Север — в Якутию. Приходит и, как заботливая хозяйка, торопясь поскорее привести в порядок последний уголок обширнейшего своего дома, приступает к работе с особенной энергией и жаром.

Она все сразу приводит в движение. Снег сметает мгновенно, взламывает льды, не дожидаясь, когда они оттают от берегов, и за каких-нибудь десять дней после своего прихода уже поля украшает цветами. Замерзшие сосны, березы, лиственницы она сразу же наливает соком; раскрываются почки и благоухание вокруг распространяется такое опьянительно - сладкое, что даже кружится голова.

Она заставляет солнце светить по двадцать часов в сутки, чтобы все, что родит земля, росло в два раза быстрее против обыкновенного. И она добивается таких результатов, что развитие растений и их созревание происходит почти одновременно со всеми растениями на пространстве Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Вечер. Солнце — огромный яркокрасный шар — стоит на горизонте, краем касаясь далеких гор. Оно теперь не жжет, как это было в полдень. Оно скорее походит на диск семафора, указывающего путь движения земли.

На лугу образовались тени. Лена нарядилась в темносинее платье. Высокий густой кустарник на берегу сверкает золотыми искрами.

Вдруг от города к реке в теплом, пахучем воздухе, медленно колыхаясь, поплыли отдаленные звуки духового оркестра. Слышится песня. Мотив ее и слова знакомы: песня о том, как провожала девушка комсомольца на войну.

Песню заглушили барабаны, и вот из города на луг выходит и растягивается в длинную колонну разноцветная толпа людей, едва заметных из травы. Они идут гордо, шагают широко, руками машут во весь размах и поют звонко, от всей души самозабвенно.

В кустарнике, на полянке, на берегу реки образовался огромный разноцветный круг. Все садятся на траву. В круг выходит тетя Аня, руководительница детскими играми во Дворце пионеров. Она рассказывает ребятам смешные сказки... Вдруг вспыхивает костер.

Маленькие якуты и русские, взявшись за руки, пляшут вокруг огненного столба под баян, на котором играет дядя Красильников. Рыжий цыган, классический баянист, побывавший во всех европейских странах со своими гармошками, наигравший десятки пластинок для патефона и радио,—спился, попал в Якутск, женился, обзавелся коровой и домом и теперь добровольно, бесплатно играет на баяне ребятам.

Молодой актер из русского театра организовал при Дворце пионеров детский драмкружок, сам переработал книжку о Павлике Морозове в пьесу. Ребята разучили эту пьесу и здесь, на просторе, на берегу реки зазвучала гневная речь Павлика Морозова против своего отца.

Сцена—скамья. Декорация—зеленый кустарник. Зрители сидят на траве. Они глубоко переживают развертывающуюся перед ними трагедию Павлика, гневом загораются у них глаза, когда кулаки сговариваются Пашку убить. И вдруг трещат горячие аплодисменты, когда убийцу уводят в кустарники—тюрьму.

После спектакля—балет. Тоненькие, изящные, легкие фигурки девочек порхают по траве. Руки у них выгибаются, что крылья у птиц: плавно и грациозно. Откуда, думаешь, у этаких коротышек такое изящество? А виртуозная лезгинка в кавказских костюмах, а буйное „Яблочко“ в белых матросках... Таланты, живые перед глазами сверкают таланты!

Игры и пляски, пуск авиэток, бег и прыжки, волейбол и гонки на велосипедах. Детвора, по-галачьи оглашая луг, свободно и радостно встречает великую труженицу—якутскую весну.

Уже 10 часов, но солнце стоит на горизонте. Река горит пламенем. Звонят песни на лугу. Лютят звуки оркестра... Якутская детвора гуляет!

* * *

Полдень. Огромное яркокрасное солнце раскалило небо добела. На улице жарко. Люди идут с распахнутыми во-

ротниками рубашек, с засученными рукавами, без кепок и шляп.

Тарахтят телеги извозчиков с высокими сидениями посреди возка. Мчатся автомобили, автобусы, грузовики. Толпы людей стоят у газетных киосков. Бойко торгуют мороженщики. Очереди у ларьков с водой и квасом. В магазинах шум и движение. Из открытых учреждений окон несется пулеметный треск пишущих машинок. С улицы видны заседания, совещания или склоненные головы над письменными столами; кто-нибудь беснуется у молчаливого телефона.

На краю города шумит базар. Недалеко от базара широкая протока Лены. Смирные, мелкие якутские лошадки, впряженные в дроги (на дрогах—боченок, на боченке—водовоз), вереницей идут из города и покорно, привычно устремляются в воду по самую седелку. Протока вся усеяна лошадьми, людьми и, словно поплавками, железными боченками. Лошади смирно стоят в воде, ждут, пока водовоз черпаком наполнит водою боченок, а затем, как заводные, оборачиваются, выходят на берег и также неторопливо устремляются в город. В жаркие дни с утра и до вечера действует шумный, крикливый якутский „водопровод“.

Лена ушла от города на два километра. Образовался роскошный луг. Идешь, смотришь... батюшки! Старые знакомые окружают тебя. Вот нежноалые красивые цветы, словно звездочки, мелькают в траве. Вот вездесущий лютик подымает свою желтую ароматную чашечку. Вот ромашка... только здесь она перекрасилась: вместо белого цвета приняла светлосиреневый. Вот клейкий „сонник“, душистая „редька“, в небольших озерах цветет белая лилия... Ну просто не понимаешь, где же кончается Россия и начинается Якутия!! Как будто ты идешь по берегу Волги возле Куйбышева или Казани. Смотришь, и река такая же, как Волга: широкая, ласковая, в пологих берегах. Она так широко разлилась, что, кажется, грудь ее выше земли. А придешь на берег, перед тобою обширные отмели, палевые пляжи, зеленые острова, и тысячи солнц сияют из воды. На желтый песок набегают теплая, светлая, улыбочивая волна. Как не броситься в воду и не побарахтаться, разбрасывая вокруг себя серебристые брызги, как не нырнуть до дна, а затем, отдыхая, не полежать на груди у ласковой реки?!

Ты бросаешься в воду, плывешь далеко-далеко, ложишься навзничь, и Лена тихо и нежно баюкает, целует, ласкает тебя. Смотришь, мимо скользит остроносая лодка якута, он гребет веслом, как на байдарке. В лодке сидит женщина-якутка, окруженная мешками; понятно, они везут какие-либо продукты своего хозяйства в город, на базар.

Следом за лодкой тихо спускается плот. На нем две избушки. Между избушками протянуты веревки и на них разноцветное белье, словно корабельные флаги. По плоту бегают полуголые дети, женщины покрикивают на них, работая по хозяйству. Горит на плоту костер, над костром котелок: варится стерляжья уха. Мужчины стоят у чалок, обнаженные до пояса, загорелые, мускулистые.

Это—отважные люди. Где-то в верховьях Лены две-три семьи сообща сооружают плот и отправляются на тысячи километров вниз по реке. По пути они останавливаются у сел и городов, запасаются хлебом. Лена обильно снабжает их стерлядями, щуками, налимами; кормежка бесплатная и дорога бесплатная, так поплывут они до самого Алдана, а там выгрузятся на берег и пойдут работать на золотые прииски. Лена для таких людей столбовая дорога к счастью.

Обгоняя плот, прошлепает колесами по воде буксир, таща за собою длинный хвост барок и карбазов, груженных товарами. Лена только глубже вздохнет, приподымет тебя на своей груди, колыхнет, крепко поцелует волною в щеку и ослепительно при этом улыбнется. Смотришь из-за острова, словно на крыльях, вылетает стая голубых лодок. Дружные, плавные взмахи весел, серебристые брызги, веселый говор, звонкий девичий смех и, слышишь, песня раздается на реке.

На горячих палевых пляжах все больше и больше накапливаются группы обнаженных людей. Они звездами располагаются на песке, лежат в одиночку, парочками. К ним подкатывают велосипедисты. Смотришь, и автомобиль появился на берегу. Значит, время около четырех часов дня. В учреждениях кончилась работа и люди спешат на реку, на пляж, загорать под горячими лучами огромного якутского солнца. На берегу слышится хохот, визг, плеск; река усеяна черными пупыришками голов... Якутск кончил свой трудовой день и до заката солнца целых восемь часов еще люди будут отдыхать на Лене.

Противоположной стороной своей от Лены Якутск соприкасается с низкорослым сосенником. Небольшое озеро в черте города. За озером—стадион. В сосеннике—Парк культуры и отдыха. Здесь имеются: кинотеатр, читальня, книжный павильон, танцевальная площадка, крокетное поле, музыкальная раковина, обширная клумба цветов, скамейки, аллеи в лесу; почти непрерывно громыхает оркестр.

Вечереет... Впрочем, трудно назвать вечером время, когда еще светит солнце, так же, как облачный день нельзя назвать ночью. Здесь круглые сутки светло. В 12 часов ночи можно читать книгу, как днем. Время здесь определяется не по признакам смены света и тени, а по часам.

Каждый день часов с девяти к парку идет народ. Там уже слышится музыка, шум толпы.

Люди одеты прекрасно. Женщины в разноцветных шелковых платьях последней моды, цветные туфельки, белые носочки. У мужчин преобладают добротные серые костюмы, вышитые украинские рубашки, белые брюки, белые ботинки. Московский франт в толпе выделяться не будет.

Молодежь и пожилые люди парочками гуляют по сосновым аллеям, наслаждаются мороженым, читают газеты и книги, igraют в крокет.

Якуты и якутки, чокружившись в фокстроте, идут к карусели и там, на широкой лесной площадке, начинают знаменитый национальный свой танец „Осуокай“. Они крепко берутся за руки, плечом к плечу, образуют широкий круг и запеваля, находящийся тут же, в общем ряду, начинает выкрикивать:

Осуокайдыр—осуокай,
Эсиекэйдир—эсиекэй!

Все при этом начинают двигаться по кругу и громко подпевать: „Осуокай, эсиекэй“! По-русски это звучит „Охгокай“, „эхгекэй“.

При каждом выкрике этих слов человек выбрасывает одну ногу вперед и назад, на другой в этот момент подпрыгивает, затем делает то же самое другой ногой и снова выкрикивает „охгокай“, „эхгекэй!“ Когда это делают десятки людей в один и тот же момент, получается ритмичная пляска под песню одного запеваля, причем „охгокай“, „эхгекэй“ являются только аккомпаниментом к песенке.

Суть этого якутского хороводного танца заключается в песенке импровизатора. Он мгновенно слагает любовную, политическую или сатирическую песенку, как это делают русские, сочиняя частушки, люди ему аккомпанируют, подплясывают, смеются удачным островам. В этом смак игры.

Со стороны смотреть кажется странным, что за интерес топтаться на месте, двигаясь по кругу и выкрикивать одни и те же слова? Если сравнить русский хоровод, там широта, простор движений, там хор, соло, там демонстрируется сила, голос и искусство пения. Там тоже есть запеваля, но он потому запеваля, что у него сильный голос и он артистически им владеет. Там чувство выражается в песне. В русском хороводе может участвовать и человек равнодушный или тоскующий, вялый. Он будет ходить по кругу, петь себе под нос или вовсе не петь. В якутском хороводе это исключено. Тут надо не только аккомпанировать, но и плясать, не только двигаться, но и чувствовать локоть товарища. Тут равнодушным или грустным быть нельзя. Даже со стороны заметно, когда человек из толпы втискивается в круг танцоров, у него уже весельем горят глаза, он уже смеется, он чувствует себя радостным и только хочет радость свою разделить с коллективом в общей пляске и криках.

Якутский хоровод возник из особенностей быта якутского народа. Легко представить себе разбросанные по тайге одинокие юрты. Люди редко встречаются. Живут одинокими семьями. Но вот наступает весенний праздник — ысыах. Якуты съезжаются в одно какое-либо место. Что, как не радость охватывает их при встрече? Что чувствуют они, как не желание выразить свою радость в совместной песне и пляске, в тесном единении друг с другом, плечом к плечу? В этом суть якутского хоровода.

* * *

Наконец, солнце скрылось в зеленую тайгу. Наступили полярные сумерки. Ослабла континентальная жара. Пыль теплым сизым слоем улеглась на улицах. В город возвращается народ: кто с Лены, кто из парка, кто из театра. Слышится веселый говор, сдержанный смех. Тихо проскользит машина, как бы не желая подымать улегшуюся

пыль. Скрипнет калитка, залает или радостно завизжит собака, встречая хозяина. Наступает тишина. Гулко отдаются шаги на досках тротуара.

После дневной работы люди успели вдоволь понаслаждаться купаньем на Лене, потанцевать и поплясать в парке, посмеяться над плутнями Скэпена в театре. Теперь они идут по домам, чтобы спать и завтра снова начать свой трудовой день.

Весенняя полярная ночь незаметно переходит в утро. Светло... И не поймешь: то ли это ночь, то ли это утро.

Но город спит. Только слышится разноголосый лай собак, и сотни петухов хором извещают о наступлении утра.

III. СО ВСЕХ СТОРОН

Земля, на которой расположен Якутск, была руслом Лены. Когда-то, в незапамятные времена, текла она здесь, распространяясь на восемь километров к западу. Там были высокие, крутые берега, покрытые вековечным лесом. Теперь эти берега видны из Якутска темносиними горами; они, как тучи, нависли на горизонте. Лена ушла от них на восток, освободила абсолютно ровную долину километров на сорок в длину и на восемь в ширину. Эту долину и заселили люди. Есть пункт, с которого можно обозреть все пространство вокруг Якутска. Этот пункт—горный холм Чучур-Муран.

Дорога к нему пролегает среди соснового леса. В лесу настоящие подмосковные дачи: с верандами, цветами, качелями, гамаками.

Сухо. Запах сосны. Густая тень. На полянках среди леса трава и цветы. За лесом—широкая долина озер, цепью уходящих к подножию гор. Густая осока, полоски берез и, укрывшись в траве, дикие утки, как домашние, стаями плавают по зеркалу вод. Озера глубокие, рыбные. Дачники купаются, ловят рыбу, стреляют уток.

В кругу озер обширное поле. На нем колосится пшеница, зеленеет картофель и удивительно!—большая, яркая полоса цветущих подсолнухов. Смотришь и диву даешься: совсем как на полях Украины! Впрочем, не в обиду будь сказано украинцам, здесь даже лучше. Там нет соснового

леса, нет озер, нет гор. А тут тебе и лес, и цветы, и луга, и озера, и рыба, и утки, и высокие горы, покрытые тайгой. А в тайге сплошная брусника, черника, малина, дикий виноград и, словно кролики в питомнике, зайцы. Что еще надо!

У подножия гор прелестной бледноалой каймою цветет шиповник. За ним густой, широкий тальник (ива), дальше зеленая осока и темнофиолетовая поверхность озера Ытык-Кель (по-якутски „Священное озеро“). Оно узкое и длинное, слегка изогнутое, как бровь. Над озером возвышается Чучур-Муран.

Он виден с любой точки Якутской долины. Как только выходишь из города и взглянешь через лес на горы, уже торчит в небе его остроконечная верхушка, похожая на овальный конус яйца. И обратно, с вершины Чучур-Мурана невооруженным глазом просматривается вся долина.

Впереди—Якутск. Видны белые здания бывших церквей. Чуть белеет двухэтажный каменный дом Верховного Совета, заметен Пединститут, на горизонте высится серая башня электростанции. Вдали голубеет Лена. За Леной опять ровное пространство, а дальше, километрах в двадцати пяти, вновь встают темносиние горы противоположного берега. Лена течет посреди широкой ровной долины и потому она разливается на четырнадцать километров вширь, образуя бесчисленные острова.

Голубое небо, белые облака, таежная синь за горою, а внизу озерки, луга, сосновый лес. На берегу озера Дом отдыха профсоюзов—красивый домик с зеленой крышей, будто нарисованный акварелью на фоне озера, зелени, леса. Вправо—Дом отдыха партийного актива, а дальше, за лесом, равнинные луга, вспаханные и засеянные поля, селения; прозрачно голубая дымка над всею долиной, сияние озер, тишина и покой под горячим якутским солнцем.

Можно ли было подумать, что в далекой, страшной по рассказам, Якутии увидишь такое, что достойно поэзии.

Вспоминаются строчки из стихотворения якутского поэта Элляя, посвященные Чучур-Мурану:

„Когда ласка весенних лучей
Вдруг касалась твоей головы,
Ты пучком золотистых кудрей
Расцветал над простором тайги.

И сиял ты, нарядный, живой,
По утрам улыбалась заря...
Лена лежала перед тобой,
Как невеста на руках богатыря.

В час заката любил я бывать
На вершине высокой твоей,
Чтобы, сидя там, думать, мечтать
О грядущем якутских полей“.

* * *

В полночь небо было серое, как в пасмурный день, но звезды сияли.

Вдруг, словно молния осветила горизонт. Звезды мгновенно погасли и небо стало ослепительно белым. Кто видел когда-нибудь белое небо?

Я выбежал во двор и замер в изумлении. Белый цвет сменился розовым. Как будто где-то за горизонтом был пожар и по небу разливались его отблески. Мгновение, и по сторонам обозначились столбы. Вначале они были бледные, колеблющиеся, затем, словно огромные стеклянные колбы, стали наливаться красками: синие, желтые, оранжевые, голубоватозеленые, красные, светлорозовые. И, вдруг, столбы исчезли. Снова полнеба залил белый цвет и стало светло без солнца. Но вот опять бледнеет небо, белый цвет тает, переходит в синий, фиолетовый, нежно-розовый. Опять встают столбы. Теперь они движутся по горизонту, подобно лучам прожектора, только разноцветные, красивые, радужные. На небе образовался гигантский веер из таких столбов, которые, переливаясь всеми тонами красок, дрожат, сжимаются и вновь раскидываются по горизонту, создавая феерически прекрасное зрелище. Поражает именно то, что как будто кто-то живой, непостижимо могучий, какими-то особыми средствами за горизонтом земли играет огнем и по собственной прихоти создает радужную окраску неба.

Я долго смотрел и не понимал: что это такое?! Утром прочитал в газете: „Сегодня ночью над Якутском наблюдалось сильное северное сияние, продолжавшееся более четырех часов, с переменной яркостью“.

Что за чудесная страна—Якутия! Ведь это тоже достойно поэзии.

О том, что я видел на якутском базаре, стихов, конечно, никто не напишет. Но я не менее, чем северным сиянием, был поражен и восхищен виденным мною здесь. Навязчивая мысль о вечной мерзлоте не дает возможности реально представить себе Якутию.

Мерзлота. Тайга. Холодный Север...

И воображение уже рисует оленей, собак, мертвую тундру.

И вдруг перед тобою кучи салата, редиски, моркови, репы, русской и китайской капусты, лука, зеленых огурцов. И, батюшки! да тут же есть и помидоры красные, крупные, сочные, не хуже, чем на Украине. И уже совсем обалдеваешь, когда видишь перед собой свеженький, хрустящий, с собственную твою голову арбуз! Колхозники средней полосы России до недавнего времени не знали, что такое помидоры. Не сажали их, не разводили, а во многих центральных областях и сейчас не сажают помидор. А тут, в Якутии, пожалуйста, колхозник-якут предлагает тебе и помидоры, и огурцы, и арбузы, и всякую иную овощную снедь. Это именно удивляет и восхищает. Окажется, все овощи, кроме арбуза, произрастают и созревают здесь в открытом грунте под лучами могучего якутского солнца. Только с арбузом проводится своего рода „яровизация“. Семена сажают в теплицах, а когда наступает жара, выносят в открытый грунт и со временем уже получают настоящие арбузы.

Правда, цена высока, но не это важно. Важно то, что, стало быть, можно овощи и арбузы выращивать здесь, в полюсе вечной мерзлоты, несмотря на суровую и долгую зиму. А цены высоки потому, что дело это только еще развивается.

Что же касается остальных продуктов, то тут вам мясо, масло, сметана, творог, яйцо, дичь—все, что хотите!

Вот тебе и ледяная Якутия!

Государственная центральная библиотека в городе Якутске является одновременно и памятником прошлой дикости и зеркалом современной культуры жителей города. Библиотека была организована политссыльными в

1886 году. Но за 12 лет, с 1886 по 1898 г. выдано было книг всего только 2.719. Постоянных посетителей библиотеки зарегистрировано 31 человек, т. е., очевидно, это были те же политссыльные. Купцы, чиновники и прочие обыватели города книг, стало быть, не читали.

За 17 последующих лет, с 1898 по 1915 год, постоянных читателей увеличилось до 605 человек. Это уже выросла, значит, своя, чиновная и купеческая интеллигенция на базе высшего городского училища, которое возникло за эти годы с разрешения губернатора.

Теперь библиотека насчитывает в своих книгохранилищах около 400 тысяч томов.

Литература имеется на 56 языках народов Советского Союза и на 10 языках главнейших иностранных государств.

Тут имеются сочинения Вольтера, изданные в 1809 году, „Сибирский вестник“ за 1819 г., „Всемирная история“ Шлоссера в обработке Чернышевского. Тут все русские журналы за XIX век. Имеется вся классическая литература— русская и иностранная: художественная, научно публицистическая, марксистская. Тут все советские журналы, вышедшие за 20 лет на территории РСФСР, все карты, иллюстративный материал, газеты, техническая литература.

Одно из лучших в Якутске зданий—двухэтажное, каменное—занимает библиотека. В ней имеется большой читальный зал, кабинеты для индивидуальной работы, справочники по литературе, энциклопедии—все, что необходимо для научной работы.

Якутяне широко пользуются библиотекой. За 1938 год было постоянных читателей 3.929 человек, работали в читальном зале и кабинетах 45.772 человека; выдано читателям за год более 80 тысяч книг. Если к этому прибавить еще около 50 тысяч книг, выданных читателям Городской библиотекой, то получится, что 53 тысячи жителей города Якутска прочитали за год 130 тысяч томов, не считая книг индивидуальных, учрежденческих, школьных, институтских, партийных и комсомольских библиотек. Вот тебе и далекий город Якутск. Ну, можно ли после этого сказать, что жители Якутска отстают от жизни из-за дальности расстояния от центра? А не опережают ли они жителей кое-каких других наших городов?

* * *

Назову их просто по именам: Тамара, Сергей, Екате-

рина, Николай со своей шестнадцатилетней дочерью, три подруги дочери, такого же возраста, и Евграф Александрович пригласили меня поехать с ними под выходной день на ночь за город.

Километрах в восьми от города, на берегу озера, в лесу выбрали удобную полянку, натянули две палатки, наложили в подстилку березовых веток, развели костер и принялись жарить шашлык.

Изумительный вечер! Запахи березы, лиственницы, сосны вперемешку с запахами терпкого дыма. Небо, усыпанное звездами, красные отблески огня на лицах и на деревьях. Над костром повисли гроздь жареного мяса. Ведро чаю с молоком, пенящегося над пламенем. На тарелках свежие огурцы, колбаса, рыбные консервы, стаканы, наполненные разведенным спиртом. Под сосною играет патефон: Барсова заменяет соловья, и звуки ее переливчатого пения далеко разносятся по лесу.

Шашлык готов. Запах его щекочет ноздри. Мы садимся возле костра, и начинается веселое пиршество.

Много ли человеку надо! Немножко воздуха, кусочек неба, побольше музыки и звезд, глоток вина, костер, и сами собой рождаются песни.

Даже старушка наша, Екатерина Тимофеевна, сидит на лавке и радостно улыбается, глядя на своих детей и внуков. А девушки, внучки ее, в светлых платьях, тоненькие, легкие, воздушные, в блеске костра, точно феи ночные, кружатся среди деревьев под звуки „Танго“.

Мы, мужчины, лежа на траве, до утра ночную окрестность оглашали песнями.

Много ль человеку надо!

* * *

Несколько дней провел я в Доме отдыха партийного актива. Сюда приезжают работники далеких районов: коммунисты и комсомольцы.

Большой, двухэтажный, деревянный дом. Цветник: астры, пионы, „львиная грива“, белый табак.

Сосновый лес плотным кругом обступает дом. В двадцати шагах — озеро, дальше еще озеро, зеленая долина и таежные горы. Воздух пахучий, терпкий, пропитанный запахами смолы и цветов. В комнатах мягкие, белоснежные кровати, кресла, чистые столики, цветы—все блестит и благоухает.

Просторная гостиная обставлена мягкой мебелью. На стенах картины южных пейзажей. В шкафу музыкальные инструменты: гармошка, гитара, мандолина, балалайка, а в углу стоит пианино.

Пианино и мягкая мебель прибыли сюда за 9 тысяч километров по железной дороге, на автомобиле, по воде на барже или повозке. В далеком северном крае, о котором в Москве рассказывают сказки, вдруг попадаешь в обстановку южного берега Крыма или богатого подмосковного дома отдыха!

И разве не радостно видеть, например, девушку-якутку, комсомолку, играющую на гитаре, когда знаешь, что раньше у якутского народа никогда не было никаких музыкальных инструментов, кроме скрипучего хомуса? Разве не приятно слушать, как якутка играет и поет под гитару русские и свои народные песни, когда ты знаешь, что раньше якутской женщине было не до песен.

Во втором этаже, наверху, в таком же просторном и прекрасно обставленном зале на столе лежат „Правда“, „Известия“, „Комсомольская правда“, центральные и якутские газеты, московские журналы от „Большевика“ до „Работницы“.

Просматриваешь журналы и газеты, встречаешь знакомые имена артистов, писателей, общественных деятелей и стирается грань между Москвой и Якутском. Как будто ты пришел в обыкновенную московскую „читалку“.

Приехала в дом отдыха бригада Союзкинохроники. Москвичи, они, ко всему относились с московской предвзятостью. Не рассчитывали увидеть здесь достойное кинохроники. Приехали и удивились:

—Смотрите, да нам и приезжать сюда незачем было. Можно было бы в Москве найти якутов, доставить их в один из лучших подмосковных домов отдыха, заснять и на картине написать: „Дом отдыха в Якутске“. —Боюсь, —говорил режиссер, —москвичи эту нашу картину так и воспримут. Какая же это, скажут, Якутия? Подавай нам медведей, оленей, ледяную тундру и ездовых собак!

Все же засняли натуру, как она есть, и истинно обрадовались, когда среди цветов вдруг появилась еврашка (суслик). Присев на задние лапки, она с любопытством рассматривала диковинные аппараты. Зверька моментально засняли.

Вот этого уж под Москвою не встретишь. Это оригинал.

нальный якутский „кадр“. Это взамен медведя. А таких „медведей“ в тайге и на полях больше, чем под Москвою кротов.

Остальное кинооператорам уже было неинтересно. Живут здесь люди так же, как живут в домах отдыха под Москвой, в Крыму или на Кавказе. Одни и те же у них культурные запросы, один и тот же уровень удовлетворения их; одни идеи владеют ими, и живут они одними мыслями. И, как в Москве, Крыму или на Кавказе, люди эти, находясь в доме отдыха, принимают солнечные и воздушные ванны, занимаются физкультурой, купаются, танцуют, поют, играют в шахматы и волейбол, совершают экскурсии в горы, собирают цветы.

Кто из москвичей, киевлян, ленинградцев откажется от подобного отдыха?!

ЯКУТИЯ КАК ОНА ЕСТЬ

I. ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ

Чтобы ясно представить себе пространство Якутии, сравним ее с большими и малыми странами мира.

Англия, Франция, Испания, Италия, Япония, вместе взятые, занимают 1 миллион 961 тыс. квадратных километров земной поверхности.

Болгария, Венгрия, Бельгия, Голландия, Греция, Дания, Румыния, Португалия, Югославия занимают пространство 1 миллион 20 тысяч кв. километров. Вместе же взятые эти большие и малые страны охватывают территорию в 2 миллиона 981 тыс. кв. километров.

А наша Якутия? Какое она занимает на земле пространство? С какой страной ее можно сравнить: с большой или маленькой?

Гордись, читатель! Одна наша Якутия занимает пространство в три с половиной миллиона квадратных километров. То-есть, она одна больше, чем все четырнадцать выше перечисленных стран больших и малых, вместе взятых! Приходится еще прибавить огромных по территории стран, занимающих 715 т. кв. километров, как Албания и Афганистан, и только тогда все эти шестнадцать стран больших и малых будут равняться одной нашей Якутии.

Пространства ее таковы: если вы будете находиться в Якутске, то один из близких районных центров—Амга—в двухстах километрах. Алдан, куда зимой на автомобиле можно доехать за сутки, а летом на пароходе дней за пятнадцать,—600 километров. А дальше идут районы: Верхоянский от Якутска—1101 километр, Жиганский—1.135, Булунский—1.800, Средне-Колымский—2.669, Усть-Янский—2.650 и Нижне-Колымский—3.154 километров по прямой!

Ничего себе расстоянья! Ице от центра республики до

района! Ведь это дальше, чем от Москвы до Челябинска, от Москвы до Ташкента и от Москвы на запад до Варшавы, Берлина, Парижа, Лондона.

И что ни район Якутии, то по территории целое огромное государство. Один, например, Булунский район превосходит Ирландию, Голландию и Бельгию, вместе взятых. Эти государства составляют 187 тысяч квадратных километров, а Булунский район—199 тысяч. Один колхоз в Булунском районе по занимаемой территории равен седьмой части Японии.

Если разрезать Якутию пополам от Витима до бухты Тикси, то линия разреза протянется свыше четырех тысяч километров. Вот почему пятнадцать европейских государств и плюс Япония вмещаются на территории Якутии.

Но этого мало. Якутия обращена к Ледовитому океану. И перед ее лицом открываются пространства двух морей: моря Лаптевых и Восточно-Сибирское море. Они, эти моря, простираются от 108 до 164 градусов северной широты. То-есть, примерно, одна треть великого Северного морского пути проходит возле берегов Якутии. На ее морском пространстве находятся: заливы—Хатангский и Оленекский; острова—Медвежьи и Ляховские; бухты—Амбарчик, Тикси и мыса Нордвик.

Если от Москвы до Иркутска насчитывается 5110 километров, то от Иркутска—через Якутск—до Нижне-Колымска расстояние исчисляется в 6156 километрах. Одним словом, Якутия в продольном своем разрезе простирается от города Витима до бухты Тикси, а в поперечном — от границ Красноярского края почти до Охотского моря и Камчатки.

Такова эта далекая, мало кому известная Советская Якутия!

В Якутске часто удивляют люди: если нужно пройти километр пешком:—„О,—говорят они,—это очень далеко! Машину бы попросить“. И если нет под руками ни машины, ни лошади, ни велосипеда, тогда только, досадливо махнув рукой, идут пешком. Но когда речь идет о поездке в район, а в районе нужно добраться до какого-нибудь наслега (Оленекский наслег, например, находится от своего районного центра в 630 километрах), тогда говорят—„Ну, это пустыки, за неделю на лошади доскачешь“.

Транспорт в Якутии разнообразнее, чем где бы то ни было во всем свете. Здесь люди передвигаются на само-

летах, на паромов, на карбазах, на лодках, на грузовиках и легковых автомобилях, на быках, на лошадях, на оленях и, наконец, на собаках.

И вот, пользуясь таким транспортом, люди определяют расстояние не километрами, а временами.

До Амги, например, требуется для проезда на автомобиле—один-два дня. До города Олекминска на пароходе—трое суток. До Верхоянска, примерно, месяц, а в Нижнюю Колыму из Якутска люди добираются, иногда, за полгода.

Между крупными центрами за последнее время пробиты в тайге автомобильные, следовательно, и конные дороги. Но полной грудью вздохнет Якутия, когда будет проложена железная дорога. И она скоро будет проложена. До сих пор основными магистралями служили и будут еще служить многоводные якутские реки: Хатанга, Анабар, Витим, Вилюй, Алдан, Яна, Амга, Колыма, Оленек, Индигирка, Алазея и тысячи мелких притоков Лены, дающих в общей сложности 2.000 квадратных километров водяного зеркала.

Главная же магистраль Якутии, конечно, Лена. Она лежит столбовой дорогой от Ледовитого океана до Иркутска.

Если взглянуть на экономическую карту Якутии, то сразу же бросится в глаза поразительная картина. Лена—точно гигантское дерево растет посреди Якутии. В устье она разливается на тридцать километров вширь и бесчисленными притоками своими, как дерево корнями, вращается в Ледовитый океан. Выше, по стволу, отделяются от нее и идут в разные стороны ветви (реки, притоки), на которых рукою географов нарисованы желтые кружочки промышленных районов, похожие на зрелые плоды.

Но что это за плоды? Чем богата Якутия?

II. ЗОЛОТО

В шестистах километрах от Якутска на восток была таежная пустыня. На огромном участке, в 40 тысяч квадратных километров, никто не жил. Изредка лишь сюда приходили кочующие эвенки, стреляли дичь и пушного зверя и уходили дальше, к Охотскому морю. Тайга оставалась нетронутой: дремучая, молчаливая, таинственная. Никто не знал, что хранится под густым таежным мхом и лесным валежником. Протекает здесь большая река. Она начинается в горах, почти у самого Охотского моря и впа-

дает в Лену. Но и река эта не работала на человека. Праздно катила она свои воды в Ледовитый океан.

Только в 1923 году поднялась по этой реке первая поисковая партия. Она сразу же обнаружила золото.

Хлынули старатели. Начались разработки. Возник первый старательский поселок. Назвали его „Незаметный“.

Началось строительство и, как все у нас в Советском Союзе, сразу в большом масштабе. Кроме россыпного золота, добываемого ручным способом, начали искать глубинное, строили рудники.

Появились драги, экскаваторы, гидромониторы, водопроводы, промывочное механическое устройство. Старатели стали промышленными рабочими.

Но открывались все новые и новые месторождения золота. Закладывались новые рудники. За первую пятилетку вырос промышленный город. Теперь по добыче золота здесь действуют уже драги, бегунная фабрика, дробящая золотоносную породу; введены в работу гидравлика и электричество.

Вокруг города разрабатывается тайга. Возникает земледелие, огородничество. Разводится скот. Прокладываются автомобильные дороги с выходом к Амурской магистрали. Освоено на реке судоходство. Если в то время, когда только что было открыто золото, люди сюда шли, главным образом, пешком, ехали на лошадях, на оленях, преодолевая тысячекилометровый путь, то теперь уже гудят в тайге автомобили, пароходы.

В 1925 году на прииски была доставлена первая почта на оленях.

В 1929 году пришла первая грузовая машина.

В 1936 году работали сотни автомашин и пассажирских автобусов.

В 1940 году—это уже настоящий промышленный город с десятками тысяч жителей. Возникли школы, техникумы, больницы, библиотеки, свой настоящий театр, своя районная большая газета. Сложилась своя многочисленная интеллигенция. Образовался постоянный состав рабочих. Появились среди них замечательные стахановцы—якуты, эвенки, русские.

Эвенки, покончив с кочевым образом жизни, перешли на оседлость. Возле города возникли скотоводческие совхозы с десятками тысяч голов рогатого скота. Тысячи гек-

тар земли вспахано тракторами: свой хлеб, свои — мясо, масло, молоко, овощи.

Теперь это — большой золотопромышленный район, известный всему миру, — Алдан!

Недалеко от Алдана, в 650 километрах от Якутска и в 400 километрах от Охотского моря, на реке Аллах-Юнь, открыто новое месторождение золота.

До 1932 года здесь стояла одинокая таежная избушка. Место это славилось богатой охотой. Тут привольно жили медведям. Тут много водилось сохатых. Тут не было числа лисицам, горностаям, белкам. Была здесь таежная пустыня, населенная зверями и дичью. Десятки речек и ручейков, звня по камням, прорезывали ее.

В 1932 году пришли сюда первые следопыты. На дне речек и ручейков они увидели блестящие искры. Золото, промытое водой, лежало на поверхности земли.

За первой партией пришли другие. Тайга огласилась песнями людей. Зазвенели удары топоров. Зашумели, падая, деревья. В тайге вырос город из трехсот домов. Он стал районным центром. Вокруг него возникли шесть приисковых поселков и четыре сельских населенных пункта. Люди обжили тайгу: вместо медведей и сохатых появились лошади, коровы, свиньи, куры; в тайге зазеленели хлеба и овощи.

Поселки осветились электричеством. Открылись клубы. Заговорило и запело радио. Каждое утро почтальоны разносят газету. Вечерами шумят собрания. В безмолвном окружении тайги кипит советская жизнь.

Со всех сторон стремятся сюда люди, за ними по рекам плывут машины и товары, на автомобилях доставляется строительный материал. Растет город на золоте!

На очереди предстоит разработка золотых земель за Полярным кругом. Там, на реках: Колыме, Индигирке, Яне, на Верхоянском хребте и на западе в Вилюйской долине золото ждет человека. Оно открыто. Уже известно сорок еще не освоенных месторождений, кроме шестнадцати разрабатываемых. А разведчики находят все новые и новые золотоносные районы, и трудно пока сказать, какие золотые запасы таятся в якутской тайге. По добыче золота Якутия выходит на одно из первых мест в Союзе.

Тайга охотно открыла советскому человеку свои кладовые с золотом, и он черпает его не только руками, но и гигантскими машинами — драгами.

III. ОЛОВО

У нас не было олова. Товарищ Орджоникидзе говорил: „Мы должны найти во что бы то ни стало месторождение олова и начать его производство у нас. До сих пор мы его целиком ввозили“.

Это было сказано в 1932 году. А в 1933 году уже были пущены оловокомбинаты в Забайкалье и Казахстане, которые дают теперь олова в год больше, чем в царской России добыто было его за 100 лет.

Одновременно производились разведки на олово в Якутии, и обнаружилось, что здесь имеются запасы олова мирового порядка. Эти месторождения находятся в горных хребтах Верхоянском, Куларском, Колбинском, в бассейне судоходной реки Яны, покрывающие значительную территорию в северо-восточной части Якутии.

Разведки продолжают, обнаруживаются новые месторождения олова, а вместе с ним—серебра, свинца, меди, цинка, мышьяка, вольфрама, сурьмы и т. д.

Якутия и в отношении полиметаллов является неисчерпаемой кладовой нашей родины.

IV. ЖЕЛЕЗО

В 120-ти километрах от Якутска, по правому берегу горной реки Ботомы, природа образовала железнорудные месторождения. В народном якутском эпосе сохранились сказания об этом железе.

С незапамятных времен приходили сюда еще кочевники—якуты и самым примитивным способом, лопатой и руками добывали руду. Кузнецы плавил из нее железо, делали ружья и топоры, примитивные сошники для пахоты земли и даже „самовары“. Недаром якуты кузнецов своих считали волшебниками.

По преданию, здесь был организован „завод“, снабдивший железом экспедицию Беринга. По рассказам живых людей, „в старину“, т. е. до революции местные якуты в примитивных печах выплавляли в течение нескольких месяцев по 75 пудов мягкого поделочного железа.

До революции в Якутии все было примитивно. Натуральный быт не требовал много железа. Тайга (дерево, пушной зверь, рыба) и скот составляли материальную основу жизни.

Железо требовалось только для личного пользования человека.

Настали новые времена. Якутия строится, развивается, как промышленная страна. Растет индустрия, растет потребность на железо. Но, чтобы доставить из центра готовое железо, надо заплатить за один только перевоз 1.000 — 1 200 рублей за тонну, исключая стоимость самого металла. При таком положении с железом индустриализация Якутии, в полном смысле этого слова, невозможна.

Надо добывать свое железо.

Начались геологические разведки. К данному времени выявлено, что в районе реки Ботомы, на пространстве в 220 квадратных километров, в 20 километрах от Лены и почти рядом с Якутском, залегает около 90 миллионов тонн руды. И какая руда! И как залегает! Руда эта дает 60 процентов чистого железа и залегает она по горизонтали пластами средней мощностью в 2 метра. Она представляет собой вид куриного помета, насыпанного в земле, и слившегося в куски килограммов по пять, по десять весом. Она лежит на полметра от поверхности земли, и человек, вскрыв таежную мшистую землю, обыкновенной лопатой, ломом или кайлом выламывает эти куски и кладет их возле себя штабелями. Вот и весь процесс добычи руды.

Горнякам железнорудных бассейнов и рабочим черной металлургии такая добыча руды покажется сказкой. Ведь это будто и не руда, а прямо готовый скраб лежит пластом в два метра толщиной. Вскрывай его, отламывай куски, бросай на конвейер и прямо заваливай в домну!

Я не знаю, где еще есть такая руда и такая возможность ее добывать. Кажется, нигде в мире этого нет.

Говоря о 90 миллионах тонн руды, надо добавить, что это только данные предварительной разведки по поверхности земли. Что кроется в глубине гор реки Ботомы, — это еще неизвестно. Быть может, там лежат другие такие же пласты руды и простираются они не на 220 квадратных километров, а гораздо дальше. Можно, стало быть, уже теперь приступить к созданию на Ботоме своей металлургической базы, как основы индустриализации далекого Севера и Заполярного круга.

А в перспективе предстоит разработка руды на реке Вилюе, на западе от Якутска, где также обнаружены, но еще недостаточно исследованы ее запасы.

Имеется железная руда в Нюрбинском районе, в Верхне-Колымске и на золотом Алдане. В Якутии есть из чего строить заводы, прокатывать рельсы, прокладывать железнодорожные пути, отсутствие которых тормозит промышленное развитие республики. Здесь железа хватит не только для самой Якутии. Современем эта страна станет резервуаром металлургии всего Советского Союза.

УГОЛЬ

Территория Якутии исследована геологоразведкой пока всего только на пять процентов. Еще имеются огромные пространства, где не ступала нога человека: там бродят только звери да дикие олени. Можно поэтому сказать, что все, что мы знаем о богатствах Якутии, представляет только одну пятую их долю. Эта пятая доля открыта без больших затрат, просто наглаз, с помощью лопаты и собирания материалов, рассыпанных на поверхности земли.

Вот—уголь. Кажется, уж ему-то полагалось бы лежать в земле. И следовало бы много затратить усилий и средств на рытье хотя бы шурфов для проходки вглубь земли, чтобы там обнаружить уголь. Но здесь, в Якутии, уголь выходит на поверхность. Достаточно сесть на пароход и отъехать 50 километров от Якутска вниз по Лене, и, пожалуйста, прямо с парохода можно видеть уголь. Он выходит из крутого берега Лены пластом метра в два толщиной, черные потеки его, размываемые дождями, грязнят желтовато-серую каменистую гору.

Гора эта называется Кангаласским камнем. Здесь Лена, оставляя влево Якутскую долину, снова подходит непосредственно к старому своему берегу, течет у подножия горы. Примерно, из середины горы черным своим оком глядит на вас уголь.

Недавно начали этот уголь разрабатывать. На берегу Лены возвед на бревенчатая эстакада. В гору пробит туннель. С фонарем „летучая мышь“ходишь в прохладное подземелье, будто в погреб. По сторонам бревенчатые стойки и перекрытия. Камень-известняк неподвижен и особых закреплений не требует. Штрек квадратный, довольно просторен, с узкими рельсами под ногами. Идешь и ясно представляешь себе, что тыходишь во внутрь горы; оглянешься и видишь позади тебя солнце глядит в отверстие штрека. Сотня метров расстояния, и перед тобой

встает черная, сверкающая стена угля. Высота ее 3,5 метра. Поражает мощь угольного пласта и его доступность.

Запальщик закладывает бурки. Взрывает. Навальщики лопатами грузят в вагонетки блестящие глыбы. Откатчики выкатывают их на эстакаду и опрокидывают прямо в баржу.

Вот и весь процесс добычи и погрузки угля. Пока еще нет электричества, но стоит только поставить двигатель, протянуть от эстакады к забою транспортер и можно прямо у забоя грузить уголь на ленту: он потечет непрерывным потоком в баржу.

Вспоминаются горняки Донбасса. Они за углем идут на сотни метров вглубь земли, пробираются до забоев по длинным, узким штрекам, работают на пластах в 60—70—100 сантиметров, строят под землею электростанции, электровозные гаражи, конюшни, склады; создают сложную систему мероприятий по охране труда, вплоть до устройства подземных медицинских пунктов. Могут ли они поверить, что здесь добывают уголь без всяких приспособлений, имея лишь динамит, топор и лопату?

Тут нет ни врубовых машин, ни отбойных молотков, ни электровозной откатки, ни подъема на гору, ни промывки угля. Никакой здесь опасности для жизни! В угольном погребе этом можно курить, так как газа нет. Не нужна и баня, так как пыли нет. Можно не раздеваться, так как в забое прохладно.

Но это только кангаласский уголь, который уже начали разрабатывать. Якутск живет дровами. В 1939 году правительство Якутии решило перевести на угольное топливо больницы, школы и некоторые государственные учреждения. Но это связано с громаднейшими трудностями. Парового отопления в городе нет; в домах обычные голландские печи. Значит, надо переделывать топки. А самое главное, надо создавать на Лене угольные базы, пристани, развозить этот уголь по реке на тысячи километров. Смешно наблюдать, как прекрасный, волжского типа, пассажирский пароход по пути своего следования останавливается у пустынного берега Лены, где зимою были заготовлены дрова, начинает грузить дрова. Часа четыре-пять идет эта погрузка. Наконец, — свисток, и пароход следует дальше, до очередного запаса дров.

Странно! Но такова действительность. Еще не развернулась полная индустриализация Якутии. Прогресс пока еще выражается в том, что раньше по Лене спускались

только карбаза, а вверх люди шли тысячи километров пешком или впрягали лошадей и тянули по берегу лодки.

Затем появились маленькие буксиры. Теперь уже ходят комфортабельные пассажирские и мощные грузовые пароходы. Но снабжение их топливом пока еще остается примитивным. Можно лишь твердо сказать, что теперь это не надолго.

* * *

Километров за 500 от Якутска вниз по Лене, на север, имеется другой угольный бассейн—Сангарский. Пароход идет мимо высоких сопок, покрытых сосной и лиственницей. Обрывы скал, точно стены гигантской крепости, поднимаются к небу. Верхушки гор причудливыми башнями встают над Леной. А Лена, приняв в свои берега Алдан, расширилась вдвое, стала бурная, стремительная. Пароход несется на крутой и острый береговой выступ, и сразу же за выступом открывается широкая долина и мореподобный Сангарский залив.

Правый берег Лены отрывист. У самой воды длинная дамба с каменным углем. Здесь, так же, как и на Кангалассах, уголь прямо из горы глядит на вас черными глазами. Здесь тоже нет ни высоких надшахтных зданий, ни глубоких стволов, ни подъемных машин. Добывают уголь тоже лишь динамитом и лопатой, и точно также запасы угля полностью еще не разведаны. Известны пока два основных пласта мощностью 1,8 метра и свыше 3,5 метра. Поражает эта высокая, черная, искрящаяся стена.

Люди прямо с горы входят в созданный самой природой угольный этот амбар, выгребают из него „черное золото“ и осыпают у берега реки.

Сангарские копи—первые в Якутии по времени разработки и по количеству добываемого угля. Открыты они были в 1929 году.

Весь этот уголь по Лене сплавляется в бухту Тикси, и там он двигает пароходы по Ледовитому океану, обеспечивая успешность навигации на великом Северном морском пути. Громаднейшее экономическое значение имеет тот факт, что почти весь арктический флот работает на углях сангарских (Лена), нарымских (Енисей), зырянских (Колыма). Арктика уже не требует угля из центра, освобождает морской и железнодорожный транспорт от доставки его

на далекий Север, развивая здесь собственные угольные бассейны.

Когда подъезжаешь к Сангарам, прямо с парохода видно, как люди с зажженными лампочками по крутому берегу спускаются к шахте, подходя к туннелю, идущему в гору, и, точно муравьи, исчезают в гигантском своем муравейнике. Смотришь на этих людей, думаешь о значении их труда для нашей родины, об условиях работы пионеров Арктики, и говоришь себе: „Герои! Они осваивают страну, которая является неисчерпаемой резервной кладовой нашей родины“.

Со стороны Сангарского залива открывается чудесный вид на вновь возникший у подножия Верхоянского хребта шахтерский город. С одной стороны его окружает залив, как море, с другой — высокие таежные сопки. Над городом и заливом зыблется горячее солнечное марево, а далеко на севере встают вечно покрытые снегом вершины Верхоянских гор.

Что-то кавказское есть в пейзаже: море, снежные вершины горы и континентальная жара.

За последние три года шахтерский городок вырос в три раза. Новые, жилые двухэтажные дома, как грибы, растут на берегу залива. На противоположной стороне города раскинулись два обширных озера; рыбы в озерах и в Лене, и дичи в тайге и сопках — тьма!

Богат и щедр советский Север.

Сангары и Кангалассы уже существуют, как угольные бассейны. Но уголь есть и на Алдане, и в Витиме, и на Ботоме, и в Булуне, на Верхней Колыме и на побережье Ледовитого океана. Известны пока 25 угольных месторождений — это при начальной стадии геологоразведки, а что будет найдено потом — покажет будущее.

Можно лишь с уверенностью сказать, что недалеко то время, когда в узловых пунктах реки Лены и на ее главнейших притоках возникнут угольные базы, вокруг которых будет развиваться промышленность, земледелие, железные дороги, речной и океанский транспорт, новые города, новая индустриальная жизнь.

Скоро ли это будет?

Якутяне утверждают, что это будет лет через пятнадцать. Что ж, в нашу героическую эпоху это неудивительно. Если учесть темпы освоения Севера за последние

десять лет, то вполне можно допустить, что в течение пятнадцати лет советские люди осуществят, в основном, индустриализацию советской Якутии. Тем более, что все необходимое для этого имеется на месте.

VI. НЕФТЬ

XVIII съезд партии дал директиву: „Превратить к концу третьей пятилетки Северный морской путь в нормально действующую водную магистраль, обеспечивающую регулярную связь с Дальним Востоком“.

Стало быть, выполнение только одной этой задачи вызывает необходимость быстрой индустриализации Якутии.

Мало построить Северный торговый и ледокольный флот; необходимо создать еще угольные и нефтяные базы для него на всем протяжении великого пути. А так как Якутия занимает решающее место на побережье Ледовитого океана, значит, на ее долю падает решающая роль в выполнении поставленной партией задачи.

Якутия должна обеспечить Северный морской флот углем и нефтью.

Относительно угля, как мы видели, беспокойства быть не может. Но как обстоит дело с нефтью? Имеется ли она в Якутии?

В 1804 году якутский мещанин Бельков сообщил царю Александру I о найденной им нефти между Хатангским и Анабарским заливами, на берегу моря Лаптевых, вблизи мыса Нордвик. Разумеется, это сообщение осталось только историческим документом.

На долю советских геологов выпала честь открывать, а советским инженерам и рабочим осваивать нефтяные богатства Якутии.

Советские геологи, инженеры и рабочие успешно выполняют поставленную перед ними почетную задачу.

В том районе, о котором сообщал царю мещанин Бельков, была заложена скважина, пройдено 620 метров и, действительно, обнаружен целый ряд газоносных и нефтяных горизонтов.

Другое месторождение нефти вскрыто в Амгинском районе, в 200 километрах от Якутска. Скважиной № 1 на глубине в 323 метра пройдены битуминозные известняки, а на три метра глубже нашли известняки, содержащие полно-

ценную якутскую нефть. Здесь точно также возник промышленный поселок, который современем превратится в город на нефти.

Таким образом, в пределах еще только пятипроцентной геологоразведки уже найдена буровая нефть, а кроме того, она проявляет себя, видимая наглаз, на реках Лене, Мае, Вилюе, Мархе, Толбе, Амге. Это пространство относится к западной части Якутии—Ленско-Вилюйскому водоразделу. Но нефть обнаружена и на востоке Якутии, между верховьями рек Чоны и Нью, Ботомы и Кемпендяи, Чебыды и Синеи. И, наконец, нефть имеется непосредственно у берегов Ледовитого океана по рекам Оленек и Нижняя Тунгуска.

Данные геологической науки показывают, что на территории Якутии нефти неизмеримо больше, нежели в нефтеносных районах Волги и Приуралья, где теперь создается „Второе Баку“.

Некоторые геологи утверждают, что якутская нефть по своей геологической структуре сходна с наиболее мощными нефтеносными районами Канады и Америки. Расположенная по судоходным рекам, якутская нефть может быть обеспечена дешевой водной транспортировкой: на Дальний Восток—через Охотское море, в Сибирь—по Лене—Ангаре—Енисею—Северным морским путем до Ленинграда и Москвы.

Кроме того, якутская нефть вместе с углем согреют и вдохнут индустриальную жизнь в Заполярье.

Такая перспектива вполне реальна. И она открывает перед нами грандиозную картину будущих работ, будущих великих технико-экономических свершений.

А что резервы эти будут освоены и в самом недалеком будущем, об этом говорит начальник Главсевморпути И.Д. Папанин. В одной из своих статей об арктической навигации он прямо писал:

„Мы имеем все основания заявить, что в ближайшие годы на трассе Северного морского пути вырастут крупные индустриальные—угольные и нефтяные—предприятия, которые дадут топливо не только кораблям арктического флота, но и нашим индустриальным центрам, новым городам и поселкам, возникающим на побережье Северного Ледовитого океана. Тогда мы уже не будем ввозить уголь

и нефть в Арктику. Арктика раскроет свои богатства, и мы сможем вывозить из Арктики уголь, нефть и редкие металлы для нашей социалистической индустрии“.

VII. БУХТА ТИКСИ

В свете этих перспектив исключительное значение приобретает бухта Тикси.

Трудно переоценить значение этого порта для Якутии. Это—Шанхай для Китая, Ливерпуль для Англии, Гамбург для Германии, Ленинград для Советского Союза. Это—выход Якутии в море и самый удобный и дешевый обратный путь в нее.

При развитии индустриализации именно через бухту Тикси в Якутию будут поступать товары и промышленные грузы, а обратно пойдут все те сырьевые богатства, которыми Якутия так полна.

Между прочим, ясно вырисовывается, помимо всех прочих выгод, гигантское экономическое значение Севморпути для всего Советского Союза. Это не только дешевый и неуязвимый коммерческий путь от Мурманска до Владивостока, но это одновременно и выход Севера на континент со всеми его огромными промышленными сырьевыми ресурсами. Бухта Тикси будет играть решающую роль в технико-экономической взаимосвязи центра с полярной и приполярной Якутией.

И теперь у причалов порта Тикси останавливаются десятки арктических кораблей.

Вот что рассказывает Н. Макаров в газете „Социалистическая Якутия“ о жизни в бухте Тикси и о прохождении через этот порт различных грузов и людей.

„В порт Тикси в этом году прибыло из центра 18 тысяч тонн потребительских товаров и различного оборудования для новостроек, причем это была самая скорая, самая сохранная и дешевая доставка грузов для Якутии.

Любопытен ассортимент прибывших товаров, показывающий, что приобретают и чем живут теперь отсталые в прошлом народы Севера, которые раньше зачастую даже не имели хлеба и не знали, что такое промышленные изделия.

Пароход „Урицкий“, например, доставил 2600 тонн различных грузов для якутских торговых организаций.

Так, в адрес Якутторга разгружено 129 тонн макарон, 112 тонн животного масла, 186 тонн сахара, 80 тонн различных консервов, 80 тонн кондитерских изделий, 10 тонн подсолнечного масла, 208 тонн муки, 58 тонн швейных изделий и трикотажа, 15 тонн хромовой обуви, 7 тонн швейных машин, 10 штук пианино, 6 тонн музыкальных инструментов, 23 тонны оконного стекла и другие товары“.

Как видим, якуты, эвенки, одулы, луораветланы (чукчи) теперь снабжаются так же, как и другие народы Советского Союза.

Как бы в ответ на это, навстречу пароходам, идущим с моря вверх по рекам Якутии с промышленными и потребительскими товарами, идут обратно пароходы, груженные углем и лесом. Свыше 40 тысяч тонн груза вывезли пароходы за одну навигацию из Якутии. И все это прошло через бухту Тикси.

Как в любом порту во время навигации, здесь такое же оживление и напряженная работа.

На рейде, недалеко от берега, стоят морские корабли. От них к причалам снуют быстрые катера: они подводят баржи к пароходам под погрузку, отводят груженные.

С барж перебрасывают грузы на речные пароходы или прикрепляют их к буксиру и отправляют вверх по Лене.

Раздаются пароходные гудки, звонки, слышатся крики грузчиков. В воздухе гудят моторы самолетов, прилетающих из Якутска или с ледовой разведки и улетающих обратно.

И в то же время идет лихорадочная стройка порта. Люди стараются освоить ассигнованные правительством средства. Уже выстроен поселок из добротных восьмиквартирных домов, и на берегу залива образовалась первая и единственная пока улица. В будущем их будет, конечно, много. Построены полярная станция, контора порта, радиостанция, клуб, складские помещения. Установлена в порту громадная жилая брандвахта с паровым отоплением и со столовой на 220 человек.

Существует лучшая на Севере больница с высококвалифицированным медперсоналом.

Ведь Тикси является уже довольно крупным центром. Сюда прибывают не только грузы, но и пассажиры. Они через бухту Тикси отправляются на Яну, в Анабар, в Колыму осваивать богатство северного края.

За навигацию прибыли сюда и отправились дальше свыше тысячи человек: геологи, научные работники, строители, инженеры, врачи, механики.

Бухта Тикси—это уже не просто наименование географической точки, это живой, необычайно быстро растущий советский арктический порт и будущий заполярный портовый город.

Из Мурманска прибыли сюда погрузо-разгрузочные машины, трактора, дерик и другое оборудование для порта. Уже действует конвейер на погрузочных работах. Уже имеется механическая мастерская с полным набором необходимых станков и механизмов для ремонта пароходов.

За летнюю навигацию 1939 года Якутия заготовила и сплавилась в Тикси 10.500 кубометров строительного леса. Это был необычайный, впервые примененный сплав леса пароходной тягой по Лене, а затем морем до бухты. Плот был длиною в четверть километра. Люди шли на громадные трудности, риск и прямую опасность быть застигнутыми на плоту в открытом море непогодой, бурей. Все же 50 рабочих-строителей Тикси, во главе с опытным сплащиком Хонтиным, рискнули, и плот этот был доставлен благополучно.

Кроме того, сюда едут советские патриоты, горящие желанием отдать свои силы на осуществление великой задачи освоения Севера.

Какой здесь творческий размах для всякого, кто хочет создавать новое, небывалое еще в этом крае! А тут все—новое, небывалое!

Обычно, к началу навигации люди эти, едущие со всех концов Советского Союза, постепенно накапливаются в Якутске и отсюда с караваном судов отправляются в Тикси...

* * *

Белая ночь. Тишину прорезал гудок парохода. Через несколько минут заработала лебедка, выбирая якорь. Пароход „Петровский“ взял курс на Север.

По величайей Лене, мимо высоких берегов, пароход тянет Ленский лихтер № 1, брандвахту и 16 барж. На караване едет 500 грузчиков, 367 человек рабочих Якутстроа, работники по переписи населения и другие. В трюмах лихтера и барж десятки тысяч тонн различных грузов: уголь, бензин, кирпич, сено, лесоматериалы, печатные машины, автомобили и оборудование для Якутолово.

Бескрайняя зелень тайги правого берега смотрится в полноводную Лену, причудливо извивающуюся между скал.

Плывём день и ночь, — повествует Макаров. — Караван — это пловучий город. В нем две тысячи жителей из Москвы, Одессы, Казани, Иркутска и других городов. За время пути шестеро родилось, четверо поженились.

День начался на кухне. Там кипятилась вода, жарились пироги, готовился завтрак. На баржах пели петухи, кудахтали куры, мычали коровы, хрюкали поросята, лаяли собаки. Затем воздух оглашался звуком патефонных пластинок. Десятки патефонов перекликались между собой. От них не было покоя ни днем, ни ночью. В красном уголке „сражались“ в домино. На носу брандвахты играли в бильярд. Несколько человек, укрывшись от солнца, читали к иги Шекспира, Пушкина, Горького, Виктора Гюго. Шкаф библиотеки был пуст. Книг нехватало.

На шканце моряки из Одессы, едущие в порт Тикси, вели разговор о том, как лучше и быстрее освоить морской путь.

Были и любители природы. Они много стояли у борта барж и любовались прекрасными видами. На севере краски ровнее, листва деревьев мягче, цветы душистей, травы сочнее.

Больше всего волновались фотографы. Они щелкали лейкой без разбора. Количество снятой пленки могло равняться длине Лены.

Когда-то одинокие охотники да золотоискатели молча пробирались по угрюмым тропам. Тайга не знала детей.

Наступили новые времена. Много изменилось. В тайге слышится веселый смех советских ребятишек, зазвучал оркестр. Полилась музыка Шуберта, Бетховена, Глазунова, Дунаевского.

Обычная жизнь на брандвахте была нарушена приездом бригады артистов политотдела Главсевморпути. Мгновенно столовая превратилась в театральный зал. Собрались люди. „Заядлые“ бильярдисты прекратили спор об очереди на игру и спешили занять лучшие места. Повара сократили огонь в плите: они пришли также послушать концерт. Было тесно, люди сидели на полу, на табуретках, на столах. Некоторые просунули головы со шканца.

За окном темно-зеленая стена хвойных лесов изгибом тянулась по обоим берегам реки. Шумел ветер. Плескались волны. Где-то вдли гудел самолет.

Зрители, затаив дыхание, слушали скрипичный квартет

Грига. Музыка у черты полярного круга! Север разбужен большевиками!

Люди внимательно слушают музыку. Слышатся громкие аплодисменты. Бригадир грузчиков замечает, что первая скрипка два раза сфальшивила. Случайна ли такая музыкальная грамотность грузчика? Нет, не случайна.

Север индустриализируется. Растут и увеличиваются поселки. Проезжаем Сангары, Жиганск, Булун. Привычным элементом ландшафта стали мачты радиостанций, клубы. Улучшение жизни сказалось на росте населения Крайнего Севера. Оно за последнее время утроилось.

В этом году лед долго держится в море и не пускает караваны в порт Тикси. „Пятилетка“ получает радиосводки. В них каждый раз встречается слово — лед. Поэтому караван не спешит. Гористые берега покрыты бесконечным девственным лесом. Кругом суровые, резкие краски. Утром пересекли полярный круг. С реки подымается туман. Из серого он превращается в перламутровый. Брызнули лучи солнца. Туман дрогнул и раз рвался в клочья. Лес, река, горы, лощины, все свежеет. Ослепительно светит солнце. Играют краски. Оживает лес, чувствуется просыпающаяся жизнь. На водопой идут дикие олени. Мягко ступая огромными лапами, выходит из тайги медведь.

— За полярным кругом, а термометр показывает 32 градуса жары, — говорит Прибытков, уполномоченный порта Тикси. — Я не первый раз еду сюда и каждый раз Лена для меня представляется новой. Здесь, на Севере, есть немало исключительных по красоте и климату уголков. Ни снега, ни морозы не пугают меня, зато привлекают яркое солнце, которое светит круглые сутки, ровные теплые летние дни, голубые озера, стремительные реки и молчаливые леса...

На шканце брандвахты и на баржах люди в трусах загорали. На короткой остановке каравана сотни людей купались в реке. Трудно было поверить, что караван находится не на юге, а за полярным кругом, где, несмотря на конец июля, еще белели островки снега.

Берега постепенно теряют растительность. Суровые скалы сдерживают полноводную Лену. Она становится шире и временами теряется в туманной дали. Берега Лены видали отважных путешественников и мореплавателей. У Оленекской протоки находится могила Де-Лонга, трагически погибшего на пути в Булун.

На судах Ленского каравана развернулось соревнование за красное знамя. „Партизан Щетинкин“ и „Петровский“ стараются отобрать знамя у теплохода „Первая Пятилетка“. Быстрому продвижению мешают туманы. Постепенно север дает чувствовать себя. Стало холодно.

В заливе Неелова баржи зачалены в кильватерную колонну. Теплоход ведет караван длиною в полтора километра.

У Быкова мыса встретилась морская качка. Несколько слабых женщин укачало. От крена в кухне разбилась посуда. Караван вошел в морской пролив. Люди с нетерпением всматриваются вдаль, стараясь разглядеть Тикси.

Небольшие горы в тумане. Льет сильный дождь. Монотонный, наскучивший плеск волны о баржи навевает сон, но многие не ложатся спать. Люди ходят возбужденные, радостные, вглядываясь в неизвестную даль. Где-то, за этим или другим поворотом, должны показаться постройки Тикси.

Люди возились в каютах и на нарах, скручивая постели, убирая вещи, замыкая чемоданы, завязывая узлы. Вдруг прямо у подошвы холмистой гряды явственно стали видны пароходы, постройки, самолеты.

— Вот и бухта Тикси,—спокойно сказал шкипер брандвахты.

VIII. СОЛЬ

Нам, людям европейской части Союза, трудно даже представить себе, какое важное народнохозяйственное значение имеет здесь самая обыкновенная поваренная соль.

Обычно у себя дома мы о соли не думаем. Она всегда у нас имеется: дешевая, лучшего качества. Но что бы мы делали, если бы вдруг у нас не оказалось соли? Какую пищу мы стали бы есть? Какое глубокое потрясение человеческого организма вызвало бы прекращение потребления соли? И не только человеческого организма. История рассказывает нам о „соляных бунтах“...

На севере часто не бывает соли. Якуты, ламуты, эвенки, находящиеся вдали от крупных районных центров, раньше совсем не потребляли соли. Теперь ее завозят, как хлеб, но бывают перебои, тогда людям приходится есть мясо и рыбу без соли.

Недостаток соли тормозит развитие рыбо-консервной промышленности, из-за соли отсутствует овоще-грибное соление.

До революции Якутия потребляла соли 2—8 килограммов в год на душу населения, против 12 кг. в среднем по России.

Соль на севере поистине драгоценный продукт.

До последнего времени в Якутию соль доставляли из Мурманска, в Колыму — из Владивостока. Но в Мурманск соль поступает из Артемовска (Донбасс). Она, таким образом, путешествует по железной дороге и морем десятки тысяч километров; много раз подвергается перегрузке, и когда, наконец, поступает в Якутию, а затем в тот или иной район или наслег к потребителю, стоимость ее подымается до 1.000 рублей за тонну.

Но в таком положении находится не только Якутия. Дальний Восток получает соль по железной дороге из Павлодара (6.950 километров) и Усолья—4.200 км. Наконец, чтобы разгрузить железнодорожный транспорт, начали отправлять сюда соль морским путем из Артемовска. А это значит, соль пошла путешествовать из Артемовска до Азовского моря 250 км. и дальше вокруг света—17.000 километров—Мариуполь—Владивосток. А затем уже из Владивостока поступает она в Колыму и на Камчатку. Если учесть, что районам, примыкающим к магистрали Северного морского пути, требуется до 500.000 тонн соли в год, а с развитием рыбной промышленности, заселением Севера и подъемом его общей культуры, соли потребуется и больше, то понятно, какое важное народнохозяйственное значение имеет для всего Севера и Дальнего Востока соляная проблема. Важное не только с точки зрения стоимости соли и развития пищевой промышленности, но и с точки зрения освобождения железнодорожного и водного транспорта от перевозки миллионов тонн тяжелого груза.

То-ариш Куйбышев еще на XVII партконференции назвал „экономическим абсурдом“ то, что „соль приходится возить морем из Крыма через все океаны во Владивосток“.

В самом деле, неужели на Севере, в частности, в Якутии и на Дальнем Востоке, нет своей соли?

Более 300 лет назад тот самый Ерофей Хабаров, который завоевал Амур, до похода своего из Якутии в Даурию, открыл солеваренный завод в верховьях реки Лены, при впа-

дении в нее реки Кут. Здесь и до сих пор бьют соляные источники. Кроме Усть-Кутских, имеются соляные источники и залежи каменной соли на реках Кемпендяй, Пеледуй, Олекма, Вилюй. Речка Юрдюк Тит Арыта не замерзает зимою, а вода в ней соленая. Соленая вода и в речке Тонго. В нескольких местах этого района прямо на поверхность выступают солончаки. Это в западной части Якутии, ближе к Сибири. Но соль имеется и на востоке, и на севере Якутии.

На полуострове Урюнг Тумус (Нордвик) вскрыта целая „Соляная сопка“, на которой уже добывается соль.

Вообще, в Якутии не диво, если идешь по дороге и видишь, что земля у тебя под ногами покрыта солью. Она выступает на поверхность тонким серым слоем, как выступает соль на рубашке у человека после тяжелой физической работы.

Агрономы жалуются, что почва в Якутии местами настолько солончаковая, что она даже непригодна для посева. Плывая по Лене, соль можно видеть с парохода: белые соляные ручьи льются с берега в реку.

Следовательно, соляная проблема Севера и Дальнего Востока целиком упирается в создание соляной промышленности в Якутии. А когда будет создана и эта отрасль промышленности, соль пойдет не из Мурманска в Якутию, а наоборот—из Якутии в Мурманск, не из Владивостока в Колыму и на Камчатку, а наоборот—из бухты Тикси или Нордвика в Колыму, на Камчатку и во Владивосток. И это будет самый близкий, самый дешевый ее путь по побережью Ледовитого океана.

С установлением нормально действующей Северной морской магистрали и с проведением железной дороги в Якутию, солью могут быть и будут снабжены не только промышленность и население на всем гигантском пространстве от Мурманска до Владивостока, но и вся Сибирь.

Так что, с какой стороны ни подойти к Якутии,—все в ней можно найти и в размерах, неподдающихся исчислению.

IX. КИРПИЧ И МРАМОР

Почему вся Якутия „деревянная“? Разве потому лишь, что леса много?

Нет. Строевой лес имеется только в верховьях Лены. А чем дальше на север, тем мельчает тайга и постепенно переходит в тундру. Даже возле самого Якутска строевого леса нет. Даже дрова заготавливают за 20—30 километров от города. Можно и теперь видеть на берегах рек и ее протоках громадные обсохшие плоты. Это—сплавленный лес на топливо для города. Строить деревянные дома в Якутске—не такое уж простое и дешевое дело.

Почему же, все-таки, строят дома деревянные, а не кирпичные? Разве в Якутии глины нет?

Глины чертова пропасть, но кирпич стоил дороже шоколада: двенадцать рублей за каждую штуку!

И люди платили деньги?

Не свои, разумеется, но платили, доставляя в Якутию кирпич из Москвы.

Нелепость!

Да, но это факт.

Ну, а теперь?

Теперь в восьмидесяти километрах от Якутска уже действует кирпичный завод. В 1939 году в самом городе Якутске построена двухэтажная каменная школа. Уже существует проект строительства громадного здания правительственных учреждений. Вновь строящийся Якутск теперь уже будет каменным. И можно твердо сказать, что навсегда покончено с доставкой кирпича в Якутию из центра.

Больше того, теперь строятся кирпичные заводы на крайнем Севере, вплоть до тундры. Раньше, например, из Якутска завозили кирпич в Саскылах на расстояние 2.500 километров, и каждая тысяча кирпича стоила 7—8 тысяч рублей. В 1939 году в Саскылах построен свой кирпичный завод, и в течение одного только лета он дал уже 40 тысяч штук кирпича.

Кирпичные заводы построены в Дружине, Верхоянске, Сангарах и даже в самом северном и самом отдаленном месте—в устье реки Индигирки, неподалеку от Полярного моря—в поселке Чокурдах. Легко себе представить, какую революцию внесет кирпичная стройка в быт якутов, юкагиров, эвенков, которые не знали раньше иных домов, кроме земляных юрт, оленьих „тордох“ и берестяных „ураса“.

Но это только начало культурного строительства. Якутия богата всеми видами цемента, гипса, природного шлака. А из соединения цемента со шлаком получается отличный бетон. Из гипса можно вырабатывать сухую штукатурку. Из шлако-бетона можно делать искусственные блоки. Уже началось строительство завода шлако-бетонных камней. Уже строятся первые опытные шлако-бетонные дома.

Горами лежат здесь мергеля—сырье для выработки портланд-цемента. Горы известняка, пригодные для производства извести. Горы мраморного камня всевозможных расцветок. Так что не только будут строиться каменные дома, но они будут облицованы мрамором. Из якутского мрамора можно вырабатывать, начиная от лестничных ступенек, умывальников, письменных приборов, до выделки запонок и брошек.

Все это богатство лежит открыто. Пользоваться им можно без особого труда. Запасы бесконечны. Только бери и строй любые здания и украшай их, как тебе захочется.

Была Якутия земляная, кожаная, берестяная, деревянная. Была... Теперь можно употреблять слово „была“, ибо она уже становится каменной. А пройдут еще одно-два десятилетия, и в современных якутских городах и во вновь возникающих индустриальных центрах образуются широкие асфальтовые улицы с домами, облицованными мрамором.

Будут здесь и водопроводы, и электричество, и паровое отопление, и ванны, и угольный газ. И не страшен людям станет северный мороз. Забудут о своих холодных юртах и урасах якуты, эвенки и юкагиры. Будут они жить так же, как живут люди во всех благоустроенных городах.

Скоро, скоро в Якутии засияет мрамор!

Х. ЗАВОД В ТАЙГЕ

Возник этот завод совсем недавно. О нем мало знают якуты. Но будущность ему предстоит громадная.

Сейчас, в Якутске, придете вы в ресторан пообедать, перед вами поставят тарелки, сделанные на Дулевском заводе под Москвой. Ножи и вилки подадут с клеймом тульских или павловских кустарей. Чаю вам принесут в эмалированных кружках. Столовых сервизов нет. Стаканы—хрупкое это изделие—опять-таки привезены из центра. Стекло, самое обыкновенное стекло, везут из-под Москвы чуть ли

не десять тысяч километров, и, конечно, к месту назначения часто прибывает стеклянная каша. Недаром до сих пор еще якуты в юртах своих на зиму вместо стекол вставляют в окна глыбы льда.

В чем же дело? Разве нельзя снабжать население стеклом и домашней посудой своего производства? Конечно, можно. Кварцевого песка для выработки стекла в Якутии сколько угодно. Сырье для производства домашней посуды можно встретить на каждом шагу. Только надо работать.

В тайге открылся первый в Якутии керамический завод, и он начинает работать.

Пока здесь все еще по-таежному. Недалеко от печей— маленький деревянный домик; в нем контора и квартира директора. Возле домика зеленеют грядки с морковью, огурцами и помидорами. Бродят куры. Заклятый куриный враг— ястреб прибит гвоздем к сосне. Под сосною глиняная плита, а на ней рядком выстроились котелки и чайники. Костер дымит, спасая людей от мошкары. Люди спят на топчанах в бараках, а вокруг бараков голубым ковром стелются незабудки. Кучи пиленых дров и груды хвороста окружены цветами.

Тишина и покой. Только что прошел дождь. Листья берез блестят, словно покрытые свежим лаком. Сосновые ветки, густые и длинные, раскинулись по поднебесью. Капельки дождя, повисшие на хвое, сияют тысячами маленьких солнц. Лохматые, темносиние лиственницы— северные эти кипарисы— высоко подняли остроконечные верхушки свои, искрящиеся золотом.

Местами видны черные стволы обуглившихся деревьев, упавших крест-накрест. Здесь был пожар. Но там, где прошел губительный огонь, буйно полонили землю густая трава и высокие красные цветы. И так стало хорошо в тайге, так просторно, столько воздуха, такие опьяняющие запахи, что, прямо, не жалко погибших деревьев. Они лишь освободили пространство для другой— не звериной, а человеческой жизни; они дали простор солнцу и людям, и мертвая тайга ожила.

Невидимые в зеленых ветвях щебечут птички, гулко стучит по дереву дятел, вдруг совсем близко закуковала кукушка. Это так неожиданно (в тайге кукушка!), и так становится радостно!

И тут же дымят широкие квадратные печи. Они закупорены наглухо. Огня не видно. Только пахучий древесный дымок среди леса струится к небу и сизой пеленой расплывается над поляной.

В лесу раздаются голоса рабочих. На деревянных „козах“ вручную подвозят они дрова к печам.

В стороне от печей, в глубоких карьерах, другие рабочие орудуют лопатами. Они выбрасывают на поверхность серую мягкую глину. По цвету и свойству глина эта удивительно похожа на тесто. Возьмешь в руку, скатаешь комок, можешь придать ему любую форму. И рука при этом остается чистой. Вот бы скульпторам такую глину!

На тачках ее отвозят в бревенчатый сруб, там — ручная глиномялка. Трое рабочих делают в день 3,5 тысячи штук кирпича. Месячная программа у них 90 тысяч. За лето они полностью удовлетворяют потребность Ленского речного пароходства в огнеупорах для футеровки паровых котлов.

И тут же, возле карьеров, другое производство. В глубокой яме сделана печь. Она похожа на громадный кувшин. Внутри ряды колосников, расположенные горизонтально один над другим. Отапливается эта печь тоже дровами. Здесь обжигают тарелки, горшки, цветочные вазы, чашки. Посуда получается крепкая, звонкая, точно фарфоровая.

Пока это только начало. Но когда начнут в Якутии плавить железо, здесь будут производить огнеупоры для мартеновских и доменных печей. Когда засияют в тайге электростанции, здесь начнут вырабатывать фарфоровые изоляторы и электрическую арматуру.

Черепица опробована. Домашняя посуда уже поступает на колхозный рынок.

Тут же, возле завода, обнаружены богатые залежи кварцевого песка. Еще немного и запыхают стеклоплавильные печи. Лед из окон исчезнет. В новых каменных домах у якутов заблестят фарфор и стеклянные изделия.

В тайге, среди леса и цветов, скоро вырастет промышленный комбинат по выработке фарфоро-фаянсовых, стеклянных, керамических, огнеупорных и иных еще невиданных якутами предметов.

Очаровательна весной якутская тайга, но когда увидишь ее богатства, она становится еще более пленительной.

ХІ. ЧУДЕСА

Знакомый мой геолог Калашников позвонил по телефону:

— Я еду в Кангалассы, не хотите ли со мной прокатиться?

— А что там такое?

— О, вы там увидите чудеса!

Минут через пятнадцать он заехал за мной на автомобиле, и мы помчались смотреть чудеса.

У ног Калашникова я заметил пустой мешок и железную лопату.

— А это зачем?—спрашиваю.

Он усмехнулся:

— Потом узнаете!

Мы мчались по ровному якутскому плато среди посевов овса и пшеницы. По пути нам встречались озера, луга, заросли ивы и березняка. Колхозные стада коров и табуны коней бродили по полям без надзора.

Слева у нас—горы и тайга, справа—Лена.

Возле одной из гор, Калашников остановил автомобиль.

— Подымаемся,—указал он рукой на вершину,—там есть любопытные вещи.

Мы поднялись по крутому скату горы. Ни травы, ни цветов, ни кустарника. Гора будто выбрита. Но с другой ее стороны открылись красные склоны. Они блестят. Достаточно отковырнуть кусочек, и он заискрится на изломе. В огненнокрасной каменной массе видны фиолетовые, розовые, синие прожилки. Кто-то уже пробовал рвать эти скалы; кругом куча разноцветного щебня.

Калашников, выбирая и внимательно рассматривая камни, говорил:

— В этой горе было много угля. Воспламенился он, начался пожар, и верхний слой камня превратился в шлак—прекрасный материал для шлако-бетонных блоков. Одной этой горы хватит на строительство целого города.

— А теперь дальше,—продолжал он,—я покажу вам еще одно любопытное место.

Мы тронулись дальше. Кружили по болотам, перебирались по кочкам, попали в русскую деревню, с паровой мельницей и тракторами возле нее. За деревней Калашников снова остановил машину, взял лопату и таинственно произнес.

— Пойдемте!

Он привел меня на такую же бритую гору, дал в руки лопату и предложил:

— А ну, ковырните разок!

Я ковырнул раз, другой, снял тонкий слой дерна и вдруг увидел перед собой радугу красок: розовые, желтые, белые, голубоватые.

Глазам своим не поверил. Отбросил лопату и начал копать руками, руки оказались в краске. Снова схватил лопату, начал копать глубже, сделал разрез и увидел, что эти краски лежат одна над другой слоями.

— Позвольте, что же это, целая гора натуральной краски?

Калашников смотрел на меня и смеялся:

— Чу до

— Конечно! Гора краски... и прямо нагребай лопатой!— говорю я.

— Да, нагребай, на солнце просушивай, просеивай насыпай в мешки, вези в город и начинай красить дома.

— Так ведь тут столько краски, что можно всю Якутию вместе с Сибирью выкрасить!

Калашников весело произнес:

— Это еще не все! Поедьте дальше.

И мы поехали дальше.

Километрах в сорока от Якутска горы вплотную придвинулись к Лене. Якутская долина осталась позади. Перед нами узкий, обрывистый берег. На автомобиле уже не проехать. Мы оставили машину внизу, а сами по крутому склону, поросшему мхом и лесом, пошли на вершину горы.

Среди деревьев показалась парусиновая палатка. В огневище сверкают угли. Чайник висит над углями. Под сосною—скамейка. Ведро с водой. Картофельная шелуха у костра. Трава примята. В палатке—куча одежды. Пахнет шильем.

Метрах в двадцати от палатки копошатся люди. Увидели нас, поднялись, приветливо встретили Калашникова.

— Ну, как дела?—спросил он, здоровываясь.

— Деньги готовь, Александр Тимофеевич, а за нами дело не станет!

— Сколько сделали?

— Да уже пять тонн!—указал старик рукою на штабель

ящиков, в какие обычно упаковывают кондитерские изделия.

Я слушал их, смотрел по сторонам и ничего не понимал.

Кругом тайга. Мы находимся на одном из горных отрогов. Площадка, примерно, в гектар. Дальше—спуск к реке, откуда мы только что поднялись. Над нами вершина горы. Березы и сосны плотной толпой поднимаются вверх. Синее небо. Огромный коршун, распластав неподвижные крылья, планером кружится над нами. Большое гнездо на сосне, над палаткой. Густой и высокий мох плотно устилает землю. Над мхом поднимается трава, пестреют цветы.

Прямо в склоне горы—небольшая яма. Метров на десять от нее на ровной площадке—другая. Возле ящиков—бочки, наполненные водой. Одна из бочек на деревянном помосте возвышается над остальными. Дальше досчатый стеллаж, вроде пола для будущей избы. Железные ведра, лопаты, топоры, кайла валяются на земле.

Двое взрослых мужчин и два мальчика живут и работают здесь. Но я не понимаю, что они делают. Калашников, поговорив с рабочими, вернулся ко мне.

— Ну, каково наше предприятие?

— А что это за предприятие?—спрашиваю я.

— „Завод“ по добыче охры,—смеется Калашников.— Охру добываем, как старатели золото. Вот смотрите...

Он подвел меня к яме.

— Егор Иванович, покажите-ка товарищу охру!

Егор Иванович, по обличью не то якут, не то татарин, прыгнул в яму (она глубиной ему по пояс), взял лопату, смахнул с горного выступа пыль, и перед нами блеснула яркожелтая глина.

— Вот вам охра золотистого тона,—пояснил Калашников.— А теперь загляните в другую яму...

В ней работал старик. Он отвернул пластами мох и верхний черный слой перегноя, и выбросил на доски жирную, сочную, точно замазку, белую глину.

— Это—белила,—сказал Калашников,—А вот, не хотите ли полюбоваться черной краской?

Третья, только что вскрытая, маленькая яма оказалась с черным дном.

— Этой краской мы снабдим типографию, будем печатать газеты и книги. А вот охра цвета бордо!—продолжал водить меня по площадке Калашников.

А взгляните-ка вот сюда!..

Я заглянул в полуметровую квадратную ямку и увидел — каменный уголь... Так близко от поверхности земли! Уголь, разноцветная охра, белила, типографская краска...

Меня охватило неистовство.

— Послушайте, кричу, Александр Тимофеевич, это же безобразие, это, чорт знает, что такое! Так нигде не бывает. Это же нахальство — на площадке в сотню квадратных метров понапихать добра невпроворот! Дайте в другие места. У вас тут работают пять человек, а там будут работать тысячи! У вас добыто пять тонн охры, а там ее добудут тысячи тонн! Ведь охры нехватает на стройках. Ее трудно достать в Москве. А уголь...

Калашников хохотал:

— Однако, завистливый вы человек! Не ожидал. Вам обидно, что здесь так много богатства?

— Не обидно, а досадно, что оно еще мертвое, что лежит оно бесполезно; поскорей бы его пустить в пользу!

— Ладно, хоть пять тонн да есть. Это ведь только в нынешнем году начали добывать здесь краску. В прошлом году, и вообще в прошлом, этого не было. По двести и триста тонн краски в год привозили из Москвы. Она и сейчас лежит на складах. А если бы вы знали с каким трудом удалось разбить косность и неверия в пригодность этой охры для окраски домов и квартир! Если бы вы знали, сколько потребовалось времени, чтобы выхлопотать 700 рублей для найма пятерых рабочих и открытия вот этого предприятия! И то рабочие требуют заработка, а у меня нет денег. Предлагаю Якутторгу краску, а мне говорят: „у нас завезенной из Москвы некуда девать“. В Снабсбыте кило краски стоит 4 р. 50 к., а эта 95 копеек обходится и не берут. Придется прямо на базар, в ларьки отправлять. Но это достижение. Все-таки доказано, что краска у нас есть, и теперь уже едва ли будут ее привозить из центра. Ну, а потом и завод построим и уголь здесь начнем добывать. Все будет, не беспокойтесь!

Калашников пошел осматривать ящики с охрой, говоря, что он завтра пришлет грузовики для доставки ее в город. А я смотрел на эту удивительную якутскую землю, любовался сочной золотистой глиной, вспомнил о золоте, о сангарском и кангаласском угле, о железе на Ботоме, о нефти на Толбе и Амге; о газифицирующих и незамерзающих реках в Вилюйске, о кирпичных заводах в тундре,

о фарфоре в тайге,—и в воображении моем рисовалась чудесная, фантастическая и в то же время реальная, в сущности, только что открываемая нами Золотая земля—Эльдорадо.

ХII. ЯКУТСКАЯ ОСЕНЬ

По радио из Москвы сообщили, что с 10-го августа наступило похолодание, температура упала до 10° тепла, а в Архангельске и других северных районах появились заморозки.

Странно! Где же я нахожусь, на юге? Вот что изо дня в день показывает мой Цельсий:

6 августа, 12 ч. ночи + 16°

7 августа, 5 ч. утра + 13°

Эти дни я купался в Лене. Вода совершенно теплая.

8 августа, 1 ч. ночи + 16°

5 ч. утра + 20°

9 ч. вечера + 25°

9 августа, 6 ч. утра + 16°

10 августа, 9 ч. утра + 23°

11 августа, 12 ч. дня + 25°, в тени.

12 августа, 6 ч. вечера + 24°

13 августа, 7 ч. вечера + 30°, в комнате.

Довольно! Пускай где-то наступают холода, пусть москвичи ежатся от холода, а мы в Заполярье будем бегать в трусиках и купаться в Лене.

* * *

Наступил сентябрь. Ясные чистые утра. Солнце. Хрусткий свежий воздух румянит щеки. По траве пробежала сень. Чуть-чуть прихватило корочку земли; земля похрустывает и трава шуршит. Значит, наступила осень. Желтеют березы. В лесу звонко и пламенно-ярко. Грибы, цветы и брусника повяли. Только буйный, пахучий богульник остается попрежнему зеленым. Маленькие травянистые лепестки черничника и еще каких-то таежных растений стали совершенно красными, и от этого по земле будто разлита кровь. Но днем температура—градусов двадцать. В costume жарко. Люди ходят по-летнему, в рубашках и продолжают купаться в Лене.

Двадцатого сентября был первый настоящий заморозок...

Припудренная морозом трава, легкий шумок под ногами, тонкая, затвердевшая пленка земли; местами, где нет травы, она будто посыпана солью. А утро чудесное. Воздух льется в грудь, как холодный нарзан—и так светло, приятно.

Склоны гор желты. Кусты шиповника похожи на очаги огня. Мелкий лиственный кустарник покрылся багрянцем, будто само солнце опустилось на склоны гор.

В долине туман. Он движется с севера на юг и, клубясь, подымается и тает в бездонной синеве неба.

Приятно было выбежать из дома в трусиках, в майке, добежать до озера, проделать гимнастику, окатить тело морозцем, окунувшись в холодную обжигающую воду, вымыть голову, лицо и, подплясывая, вытереться докрасна. Тело становится тугим, хрустящим; холодно? Нет, только бодрость, как вино, разливается в крови. И хочется кричать, петь славу первому якутскому морозцу, приветствуя солнце и пламенную якутскую осень.

ЛЕДЯНАЯ ЗЕМЛЯ

I. КОНТРАСТЫ

Наука насчитывает на всем земном шаре сто сорок миллионов квадратных километров суши. Из них тридцать миллионов покрыты вечно мерзлым грунтом. Одна треть, т. е. десять миллионов квадратных километров вечной мерзлоты находится у нас в Советском Союзе. Это составляет около 47 процентов всей территории Союза. Причем, одна треть этого гигантского ледяного пространства падает на Якутию. Так что Якутия не только в отношении минералогии, геологии, гидрологии, но и почвоведении является страной необычайной: она сплошь покрыта вечной мерзлотой.

Исключительное место занимает Якутия и в отношении холода. Известно, что именно здесь, в Верхоянске и в последнее время в Оймяконе, находится полюс мирового холода.

Что же этот холод собой представляет?

Академик А. Ф. Миддендорф, путешествовавший по Якутии, рассказывает о якутских морозах следующее:

„Тяжелое впечатление, какое производит господство страшной стужи под открытым небом, невозможно передать словами; надобно испытать что-нибудь подобное, чтобы понять это впечатление. Ртуть давно оцепенела, и из нее можно лить пули, ее можно рубить и ковать, как свинец. Железо становится хрупким и при ударе брызжет обломками, как стекло... Далеко слышен скрип каждого шага по хрупкому снегу; с сильным треском лопаются одно за другим могучие деревья векового леса; им отвечает, как гром пушек отдаленных батарей, глухо раздающийся подземный гул, потрясающий землю; этот гул издают расселины ледяного покрова и промерзшей почвы.

Не верится, что бы при всем этом растения и животные могли безвредно выносить это страшное лишение тепла.

И как бы отвечая Миддендорфу, в книге своей „Геоботаническое и почвенное описание Лено-Вилуйской равнины“, Р. И. Аболин пишет:

„Ледянящая шестидесятиградусная стужа зимой и томящая тридцатипятиградусная жара летом. Шестьдесят второй градус северной широты, с сопровождающей его угрюмой таежной обстановкой, и тут же бок о бок ковыльные и типчакова-разнотравные луго-степи, свойственные гораздо более южным широтам... Почти непрерывная ночь в январе, с ее мертвящим покоем и поспевающие под ярким солнцем арбузы в августе. Все это как будто забавная сказка из „Тысячи и одной ночи“, а вместе с тем это живая действительность, зафиксированная фактами“.

Местами земля здесь в течение лета оттаивает до двух с половиной метров—это на открытом песчаном грунте, в большинстве же своем деятельный, продуктивный слой земли в Якутии не превышает полуметра. Глубже начинается лед.

Толщина его под городом Якутском измеряется двумястами метрами, а на побережье Ледовитого океана доходит до четырехсот и до пятисот метров. Там, например, на мысе Быковом, образовались целые ледяные горы, слегка прикрытые мхом и лишайниковой растительностью. Там можно встретить громадные ледяные катакомбы, размытые водой. Там люди используют эти сделанные самой природой ледяные туннели и пещеры в качестве складов для хранения выловленной в море рыбы. Мерзлотный слой сохраняет в себе вечный холод от десяти до двенадцати градусов, являясь чрезвычайно удобным естественным погребом. Ледяная земля мало впитывает в себя атмосферной влаги. Весной, обычно, снег тает быстро и вода скатывается в реки и озера, не проникая в недра. В результате, в Якутии бывают сокрушительные половодья. Мелкие реки промерзают до дна. Лед образуется толщиной до двух метров. Поднятый водою, он не успевает раскрошиться, идет мощными полями. Происходят „заторы“, вода подымается до 30—40 метров, и тогда лед идет над берегами, сокрушая перед собою все, что попадает на его пути.

Освободившаяся от снега земля быстро высыхает на жарком якутском солнце, но мерзлотный холод все еще дает себя знать: всходы семян появляются на 16—20 дней,

вместо 6—8 дней в центральной полосе Союза. Дождей же в Якутии чрезвычайно мало. Если в центральной полосе Союза атмосферных осадков выпадает в год в среднем от 500 до 600 миллиметров, то в Якутии бывает осадков за год в среднем 189 миллиметров. А наука доказывает, что те области, где осадков выпадает меньше 200 миллиметров, представляют собою пустыни или полупустыни.

Следовательно, Якутия должна была бы быть пустыней. Но тут, страшная на первый взгляд, вечная мерзлота неожиданно оборачивается благодетельной, всеоживляющей своей стороной. Не было бы в Якутии ни лесов, ни трав, ни пастбищ, представляла бы она собой горную каменистую пустыню, если бы не сохранилась летом подпочвенная мерзлотная влага. Вечная мерзлота, восполняя недостаток атмосферной влаги, дает вечную зелень—богатый растительный и животный мир.

У жителя европейской части СССР сложилось представление об Якутии, как о стране лютого холода, стране тундровой, где живут только звери да охотники.

Но, оказывается, и это покажется чудом, что Якутия может быть и уже становится страной высокопроизводительного сельского хозяйства, страной богатой не только золотом и прочими минералами, но и хлебом, и плодовоовощами и животноводческими продуктами.

* * *

До прихода русских, т. е. до первой половины XVII века якуты не знали, что такое хлеб; они питались молоком и мясом. За последующие 200 лет в Якутии совершенно не развивалось земледелие. И только с 1829 года в районах Олекминска и Якутска русские поселенцы начали пахать землю, сеять ячмень, озимую и яровую рожь. До этого даже русские занимались исключительно ловлей соболей и прочего пушного зверя.

В 1835 году в окрестностях Якутска было посеяно 331 пуд яровой пшеницы, ячменя, овса, простого и гималайского (черного).

В сороковых годах рассевали до четырех с половиною тысяч пудов и собирали урожай до четырнадцати тысяч пудов различного зерна. С этого времени начали заниматься земледелием, большей частью по принуждению, и якуты.

В 1889 году в Якутии всей пахоты было 12.200 десятин. Урожай сам 2—3 считался убыточным, сам 5—плохим, сам

8—10—средним, сам 12—15—хорошим, сам 20—редким. Но бывали урожай и сам 40—50. В отдельных случаях и у отдельных лиц яровая пшеница давала с десятины 240 пудов зерна.

Повторяю, земледелием занимались преимущественно русские: политические ссыльные, скопцы, сосланные сюда царским правительством, потомки казаков-завоевателей Якутии и беглые крестьяне из центральных районов тогдашней России. С ними вместе появился такой невиданный ранее в Якутии „зверь“, как кошка (по-якутски—маска), которая якутам очень понравилась. Появились куры, домашние утки, гуси, голуби и даже свиньи, которых якуты тоже не знали. Появились сохи и плуги (преимущественно сибирские сабаны—разновидность сохи и плуга) и колесные телеги, а впоследствии даже молотилки, сеялки и веялки (главным образом у скопцов):

Кроме хлеба сеялись: конопля, картофель, капуста серая и цветная, репа, редька, редиска, репчатый лук, свекла, морковь, горох, огурцы, арбузы и дыни. Все это, разумеется, выращивалось в микроскопических количествах, но русские люди, переселившись в Якутию, приносили в этот край свою культуру.

В холодные, долгие зимы они жили вместе со скотом и птицей; скот был отгорожен жердями, а утки, голуби и гуси бегали за людьми, как собачки: они вместе с людьми жили, вместе с ними грелись у камелька. Некоторые поселенцы заводили даже у себя овец и коз.

Царское правительство принуждало якутов заниматься земледелием. Отголоски этого принуждения сохранились в записях Серошевского в его известном этнографическом исследовании „Якуты“. Вот некоторые высказывания якутов того времени:

„Раньше росло... и как еще росло... А только мы были глупые! Приказали, помню, делать якутам огороды... Посадили картошку, репу... Репа уродилась величиною с человеческую голову, картошка—в кулак. Между тем якуты на собраниях решили все съесть и показать, что ничего не уродилось. Так и сделали“. (Намский улус 1890 г.)

„Теперь за семена большие деньги платим, а когда впервые приказали сеять хлеб и раздали по фунту семян на душу, то якуты ворчали: что за мука, заставляют без толку работать“. Все думали, что сам царь пользоваться хочет... Сильно ворчали... То же самое, когда приказали ко-

сить литовкою, говорили: „что-за глупость, и работать-то не дают.“ Наступило большое мучение... а оказалось хорошо“. (Намский улус 1888 г.)

„В старину хлеб сеяли так: вскопают кое-как землю лопатой—только бы чернела, разбросают семя, затем возьмут суковатую, раскидистую ветвь за конец и волочат по пашне... Вот и заборонили. Все семя наверху. Прилетят птицы и половину съедят“. (Намский улус 1890 г.)

Политссыльный Майнов земледелие якутов описывал так:

„Выйдет якут сеять, захватит с собой турсучек (берестяное ведро) зерна, ходит по пашне согнувшись и посыпает зернышками, словно курочек кормит... А со жнитвом прямо комедия... ножичками жнут по крошечной горсточке“.

Известный исследователь Якутии Маак в 1855 году о Вилюйском округе писал:

„Вся обработка почвы здесь заключается в том, что ковыряют землю на $1/4$ и на $1/3$ вершка железной лопатой, называемую хорур. Ковыряние это начинается 9 мая, когда земля несколько растает, работа такая называется сирдэ хаһыах (копание). Удобрение из конского или коровьего навоза кладут только в таких местах, где не взошел хлеб и остались плешки. Дней через пять или десять приступают к посеву. Для этого деревянной лопатой (усаты кюрдьэх) отгребают несколько сверху землю, бросают зернышко и той же лопатой набрасывают землю обратно. Такая операция продолжается до тех пор, пока высеют все семена (посев якутски—бурдук ысыта). Во второй половине августа, когда хлеб созреет, что якуты определяют по тому, насколько он побелел, приступают к уборке. Если нет каких-либо занятий, и времени достаточно, то срывают колосья по одному руками. Но если есть другие занятия и, стало быть, время дорого, то хлеб на корню собирают руками в пучки и связывают тальниковым (ивовым) лыком в двух местах, под самыми колосьями и внизу, а затем срезают пучки в виде снопов у самой земли ножом. Снопы эти не имеют особенного названия и отличаются от наших тем, что у нас сперва жнут, а потом вяжут, а здесь сперва вяжут, а затем уже сжинают.

При первом из описанных способов уборки, собранные колосья кладут в берестяные лотки, называемые атыяк, при втором—снопы кладут на лиственничную кору, рассти-

лаемую на земле. Собранные в атыяки колосья сушат на солнце и потом разминают руками для отделения зерна от пленок. Операция эта заменяет молотьбу. Снятый таким образом хлеб просеивают (отвеивают при помощи тех же атыяков через простое подбрасывание смятой массы вверх, при этом берут конец атыяка, быстро поднимая другой, от чего мякина улетает, а зерна падают обратно в атыяк).

Высушенные при втором способе уборки снопы обиваются над атыяком таким образом, чтобы достигалось удаление колосьев от соломы, потом снопы развязываются и опять обиваются для отделения колосьев и семян, которые могли остаться внутри, а затем просеивают семена, как выше описано.*)

Сорок лет спустя, после Маака, Серошевский от себя добавляет:

„И сейчас можно видеть в разных глухих углах Якутской области подобные земледельческие приемы. В Баягантайском улусе, среди тамошних микроскопических нив, я не раз видел в жаркие августовские дни голых якутских жниц и жнецов (одежды из ткани не было, а в шкурах жарко) на низеньких стульчиках. Обыкновенно это были старики или дети и редко их было более трех на одном поле. Они степенно захватывали стебли хлеба горстью левой руки, а правой подрезали их на некотором расстоянии от земли. Жали они небольшим самодельным серпом или чаще всего ножом. Случалось видеть, срезали только колосья. Колосья эти сушат перед огнем, мнут в руках или толкут в ступе. Отвеивают так же, как описал Маак“.

Размеры посевов в то время определялись у якутов фунтами семян: три фунта, пять фунтов, десять фунтов. Но в 90-х годах прошлого века не только в скотоводстве, но и в земледелии уже стали возникать кулацкие хозяйства. Богачи-якуты захватывали себе лучшие земли, засеивали до 15 десятин, нанимали хамначитов (батраков), продавали хлеб или давали в долг пуд на пуд, тем самым закабалили бедняков, превращая их в почти бесплатных работников. В это время появились „сабаны“ и пахота начинает производиться быками.

Сеяли якуты преимущественно ячмень. Из 24.000 четвертей, высеянных якутами за три года (1888—89—90 гг.),

*) Маак. „Вилуйский округ.“ Часть III, стр. 166.

на ячмень приходилось 80 проц., на ярицу 13 проц., на пшеницу 5 проц., овес 2 проц.

Огородничеством якуты почти не занимались. Поливка, прополка, окапывание требуют много труда и средств, у якутов же, вследствие массового вымирания женщин и детей, рабочих рук нехватало, необходимых орудий труда не было. В натуральном хозяйстве якута железная лопата и та являлась величайшей ценностью; за нее надо платить деньги, а где якут мог взять денег? Кроме того, при отсутствии почвенной воды (колодцев), благодаря вечной мерзлоте, организовать поливку огорода дело нелегкое (воду надо возить из реки или озера) и, наконец, сам этот труд непривычный был для якута. Полукочевой же образ жизни в кругу своего стада не требовал больших физических усилий и, конечно, бродить за скотом и жить за счет скота было якуту привычнее, легче и приятнее, нежели обрабатывать землю.

Немаловажное значение имел и тот факт, что организм якута, развившийся исключительно на мясе и молочных продуктах, с трудом осваивал растительную пищу: от ячменных лепешек даже, как говорят исследователи старых времен, якуты вначале тяжело страдали животами. По всем этим причинам и „ворчали якуты... сильно ворчали“, когда их принуждали заниматься хлебопашеством и огородничеством.

II. В КОЛХОЗЕ

В жаркий августовский день отправился я в тот самый Намский улус, где некогда жил Серошевский, описавший якутское земледелие. Новенький М №1 легко и быстро катился по пыльной дороге от Якутска в тайгу. Миновали большое скопческое село Марха и врезались мы с шофером в горы.

Желтая, вся в рытвинах, дорога круто пошла вверх. Иногда мы сползали с горы и обходили ее полукругом или прямо брали высоту в лоб и карабкались будто на четвереньках. Мотор выл, ревел. Бедная наша Эмочка, ныряя по колдобинам аж крикала и, казалось, лязгала зубами; слышно было, как по животу ее гремели комья ссохшейся глины. Таково уж здесь свойство почвы: дождь—надмерзлотный слой земли расплзается под колесами, жара—гли-

нистая земля, обожженная пятидесятиградусным солнцем, затвердевает камнем.

Восемьдесят километров ползли и кувыркались мы по тайге, делая иногда остановки, наслаждаясь таежной прохладой, тишиной и густым ароматом цветов и леса. Мелкий березняк, осинник, ельник образовали зеленые непроглядные и непроходимые стены. Над ними, как древние башни, возвышаются огромные мохнатые лиственницы. У дороги незабудки и, словно солдаты в малиновых фуражках, стоят высокие Иван-чай. По сторонам вырыты канавы, кое-где еще валяется спиленый лес, возведены мосты через мокрые впадины; дорога обозначена, но она такая странная, как будто едешь по взбаломоченному когда-то, но теперь высохшему, болоту. Навстречу грохочат колхозные полуратонки; им горя мало, подпрыгивая и звеня на выбоинах, ломают они вздыбившиеся хребты сухой земли, разбрызгивая грязь, попадая в лужи, и мчатся безостановочно, как будто для них эта самая подходящая дорога. Шоферы при встречах улыбаются, галантно машут друг другу ладошками и, нажимая на педали, лихо дают газ.

Тайга гудит. Разбуженная советскими людьми, она оглашается гулом моторов, ревом сирен, а иногда и песнями колхозников, едущих на автомобилях в столицу Якутии. Расступилась дремучая тайга перед советским человеком, образовав от Якутска до самого районного центра Намцы широкую, цветистую, зеленую дорогу.

В трех километрах от Намцев показались первые колхозные постройки. Это — беспорядочно расставленные новые русские дома и юрты: контора правления колхоза, жилища сторожа, счетовода, агронома. Кругом зеленое поле; вдали грядами тянется лес, за лесом сияет Лена, разделенная островами и широкими полосами желтого песка.

Солнце еще стояло высоко, когда мы с председателем колхоза на велосипедах отправились осматривать поля.

Было странно, необычно. Колхоз, но никакого, собственно, колхоза не видно. Чтобы увидеть работающих в поле людей надо ехать на велосипеде, иначе до ночи к ним не доберешься. Поля тоже странные: то долина, то крутой спуск, лес, гора и опять долина. Земля то глинистая, то сизая, как зола, то черная, то песок. Лес тоже разнообразный: вдали на горизонте синяя тайга, а здесь на болотцах хохолки корявого кустарника. Или громадная ольха или тоненькие березки и осинник. Или куча сосен, елок и рядом по склону

горы стелется шиповник. Солнце жжет немилосердно, но под тобою мерзлота. В воображении рисуются вычитанные из книг голые якуты, ножичками подрезающие пшеницу, а рядом с тобой председатель колхоза—якут, в чистой белой рубашке с галстуком, в серых брюках, превосходно владеет велосипедом.

— У нас земли хватает, — говорит он по-русски, — 2000 гектар пахотной, 1675 гектар покосов, 2141 гектар пастбища и 2523 гектара леса. Десять на восемь километров простирается земля нашего колхоза.

— А сколько людей?—спрашиваю я.

— Двести семейств: 362 человека трудоспособных, 32 старика, 36 подростков и 187 ребят. По пятнадцать гектар земли на каждого человека приходится.

— И всю пахотную землю обрабатываете?

— А как же!

— Но, говорят, раньше якуты не хотели заниматься земледелием?

— Мало ли что было раньше. Вон, смотрите..

Мы поднялись на пригорок, и перед нами, как на картине, открылась огромная долина, окаймленная лесом, выпуклая, будто выгнутая изнутри. Края ее опускаются в лесные низины, середина поднимается выше леса и по этой возвышенности движутся один за другим тракторы, самые настоящие советские тракторы: один—колесный, другой—гусеничный.

Над полем переливалось марево. Жарко сияло солнце. В лесу щебетали птицы. Ястреб парил в зените. Суслики, (по-здешнему евращки), вскидывая хвостики, перебегали в норки. Гулко отдавался в лесу рокот моторов. Поднятая тракторными плугами земля взметывалась широкими бурыми пластами. Ну, прямо Украина! Теперь уже странно именно то, что так это все знакомо: и тракторы, и суслики, и лес, и солнце, и сверкающее марево над землей, и ястреб в небе. Забываешь о мерзлоте, забываешь о Якутии, забываешь рассказы о прошлом, смотришь, перед тобою все то же летнее солнце, тот же лес, такое же поле и на нем такие знакомые и всюду теперь уже привычные тракторы.

Бригадиром трактористов оказалась Соловьева Мария Евсеевна—якутка, тридцатипятилетняя женщина.

Якутия... Тракторы... Женщина-якутка бригадир трактористов... Это же невероятно! И в то же время перед тобой живая, реальная, советская действительность.

Мария Евсеевна—низкорослая, коренастая, сильная женщина, с бронзовым лицом и черными, упорными глазами. Она ходила вокруг гусеничного трактора с ключем в руке, что-то подвинчивала, постукивала, заглядывала в карбюратор, поглаживала рукой мотор.

Сменные трактористы—два молодых парня-якута, еще с помятыми лицами после сна в майках и трусиках, загорелые (кожа у них, как у индейцев, лоснилась на солнце) яростно гоняли самодельными палками крупные подшипниковые шарики по сделанному из досок и укрепленному на одном столбе бильярдному столу.

— Чорт его знает, но древняя земляная якутская юрта полевого стана и возле нее бильярд, тракторы на якутской вечной мерзлоте и трактористы—якуты, особенно Мария Евсеевна с ее ласковым поглаживанием машин, несказанно меня волновали. Все это было как будто действительность и как будто сон.

Председатель, переговорив о чем-то по-якутски с Соловьевой и трактористами, вскочил на велосипед, и мы помчались дальше, в лес, на другое колхозное поле.

За лесом открылись посевы. Мы ехали по пыльной дороге среди спелой яровой пшеницы. Потом началась озимая рожь, за рожью—ячмень, за ячменем—овес, за овсом—картофель. Огромное, богатое поле хлебов! И все тот же пейзаж: сосны, березы, осины, вдали желтые волны пшеницы, цветы и дымчатое знойное небо.

До слуха донесся рокот мотора, ржание лошади, говор и крик людей. Мы выехали на картофельное поле, обогнули кусты, и я чуть не вскрикнул:

— Комбайны! У вас есть и комбайны!

— Как видите,—ответил председатель со спокойной гордостью и, затем, как будто отрапортовал:— у нас имеется шесть тракторов, два комбайна, две тракторных молотилки, двадцать семь конных косилок, двадцать двое конных грабель, шесть сноповязалок, двенадцать самоскидок, тридцать две пары борон зиг-заг, семнадцать сеялок, три триера и один грузовой автомобиль.

— Вот так Якутия!—подумал я, слушая председателя и наблюдая за работой комбайнеров, которые с шумом и рокотом моторов плавали по желтому морю.

Где вы, Серошевский и прочие исследователи Якутии, видевшие в поле голых якутов, лопатами вскапывающих землю, по зернышку сеявших хлеб, „ножичком жнущих по

крошечной горсточке“, пальцами разминавших колосья, по одному зернышку собиравших урожай?

Как странны теперь ваши записи! Как будто прошло с тех пор тысячи лет.

— А как у вас дело обстоит с агротехникой?—спросил я у председателя.

— Вы только что видели осеннюю пахоту, зимою вывозим навоз, проводим снегозадержание, весной боронуем и снова пашем, применяем химические удобрения, яровизируем семена.

— И какой урожай?

— В среднем двенадцать центнеров с га.

— Позвольте, ведь это средний урожай Украины?

— А мы не хотим отставать!—с добродушной улыбкой ответил председатель.

Он остановил машину, направился, разминая ноги, к пожилому якуту (должно быть бригадиру), о чем-то поговорил с ним, указывая рукой на небо и на спелую рожь (видимо, поторапливал уборку урожая), вернулся ко мне, и мы снова отправились в путь. Дорога пошла теперь по целине. Чаше стали попадаться озераки с какой-то странной темнофиолетовой водой, заросшие по краям осокой. Между озерами тянулись лощины с высокой травой и цветами, гуще становился кустарник и крупнее лес. Проскочив одну из таких лесных полос, мы выехали на пастбище. Огромное стадо коров паслось на лугу. Пастухов не было видно. Председатель затормозил велосипед, привстал на педалях, крикнул. Из лесу, как эхо, ему ответил голос и затем показался человек.

— То-то же,—проворчал председатель.

— Это ваше стадо?

— Чье же тут еще будет,—наше, колхозное. И, как бы предупреждая возможные с моей стороны вопросы, продолжал:

— Колхозных лошадей у нас—девятьсот пятьдесят семь, коров—восемьсот девяносто четыре.

— Куда же молоко идет? В город возите?

— Ну кто же за восемьдесят километров по такой дороге повезет в город молоко? И на чем возить его? На грузовике? Горючее дороже стоит. Все идет колхозникам. За прошлый год от колхозных коров получили сто сорок четыре тонны молока и все пошло колхозникам. Якуты любят молоко. Без молока и масла они жить не могут. Это

наша традиционная пища. Каждый наш колхозник за трудодень получил от колхоза 45 граммов масла, 91 грамм мяса, 5 килограммов 121 грамм зерна и 91 копейку деньгами.—А? Что?—переспросил председатель, не расслышав моего бормотания.—По-вашему, мало? Но ведь они же еще имеют и молоко, и масло, и мясо от своего скота. Хлеба тоже достаточно. Деньги тоже есть. Я вам могу сказать, что, например, одинокий наш колхозник Васильев (коневод) получил от колхоза масла сорок килограммов, мяса сто двадцать два килограмма, хлеба более сорока четырех центнеров и семьсот девяносто три рубля деньгами. По-вашему, мало? Или вот одинокая колхозница Яковлева Дарья, свинарка. Она получила мяса двадцать килограммов, масла пятнадцать килограммов, хлеба шестнадцать центнеров и денег триста два рубля. Для одинокой женщины, я считаю, этого вполне достаточно. Есть у нас семьи, которые получили по шестьдесят и семьдесят центнеров хлеба, по тысяче и по две тысячи рублей деньгами, по пяти и десяти пудов масла, не говоря уже о мясе и о других молочных продуктах, которые они получают от колхозного и собственного скота. Может, это и мало,—продолжал вслух размышлять он,—но мы из года в год увеличиваем свое хозяйство. Приезжайте к нам годика через три, к двадцатилетию Якутской республики, не то увидите. Может быть, и вот эту целину распашем, и лес выкорчуем, и столицу нашу снабдим своим хлебом, мясом и маслом. Через три года. О! У нас будет в два раза больше машин, может быть, до Якутска шоссе проложим, тогда утром завел грузовик, наложил продуктов, махнул в Якутск, к обеду вернулся с городскими товарами. Тогда будет совсем хорошо!—мечтательно воскликнул председатель.

Я вспомнил рассказы о прошлом якутов и никак не мог реально представить себе того голодного, нищего, полудикого якута, о котором лечалились Чернышевский, Короленко, Петр Алексеев и многие другие политические ссыльные. Рядом со мною ехал на велосипеде хорошо одетый, культурный, сытый, мечтательный и деловитый советский якут.

* * *

Впереди показались постройки. Это были низкие, длинные сараеобразные здания из бревен, покрытые тесом. Не-

далеко от этих построек куча юрт, тут же ^нновый, русского типа, дом. А дальше, в стороне, просто тесовые навесы на столбах. Метрах в двадцати от поселка блестит довольно обширное озеро. Высоко в небе стоят без движения крылья ветряного насоса. Это — скотоводческая ферма.

В длинных зданиях (хотонах), где зимой стоят коровы (летом они все время находятся на пастбище), под тесовыми навесами толпятся лошади. Лошади пасутся без пастухов и без загона, бродят по лугам как им заблагорассудится. В жару, спасаясь от мошкеры и оводов, табуном они прибегают к человеческому жилью и здесь отстаиваются, а жеребята отлеживаются под навесом. Спадет жара, тогда они снова уходят на пастбище, в тайгу.

Удивительное, между прочим, создание северной природы — это якутская лошадь. Она низкорослая, преимущественно белой масти, есть даже белоглазые. Силы она большой не имеет, более приспособлена к верховой езде, нежели к перевозке тяжестей. Скачет плохо, но рысью сделает 80—100 километров в сутки без расседывания, без ночевки, почти без кормежки. С вьюком на спине в 7—8 пудов или под седоком она пройдет тысячи километров на подножном корму. Она не остановится перед болотом, переберется через невероятную горную крутизну, спустится по россыпям скал, перейдет бушующие горные потоки и широкие реки. Пробивая грудью борозду, идет она 3—4, иногда и 10 километров без перерыва по болоту, несет всадника или вьюк, стонет, храпит, пошатывается, но идет не останавливаясь, понимая, что остановка — это гибель. Осенью, когда снега еще нет, а вода покрылась льдом, якутская лошадь сама себе добывает воду: она копытом пробивает лед, иногда до дюйма толщиной. Причем, чаще всего делают они это коллективно. Табун приходит на озеро. Вожак начинает долбить лед, устанет или до боли отобьет копыта, отходит в сторону, на его место выходит другая лошадь, и тоже начинает долбить, если устала она, выступает третья и так дальше, пока не добьются воды. Также коллективно добывают они себе зиму из-под снега корм. Вожак начинает копытить снег, его сменяет другая лошадь, третья; пробивают борозды, уступают их жеребяткам, а сами пробивают дальше. Если на табун нападает волк, вожак-жеребец сгоняет кобылиц и жеребят в круг, а сам вступает с врагом в единоборство. Якутские лошади волков не боятся, а к собакам относятся презрительно. Если табун встретится с другим табуном,

вожаки вступают в драку: они бьют друг друга грудью, копытами, грызут зубами, победитель отгоняет противника от его табуна и гонит кобылиц в свое стадо.

Если приближается к табуну незнакомый человек, вожак бросится прежде всего к своим кобылицам, соберет их в кучу, отгонит в лес, а затем, прижав уши, выгнув шею, мчится навстречу незваному гостю. Если человек проезжает или проходит мимо, вожак, пригнув голову к земле, храпя и поглядывая сверкающими глазами на этого человека, провожает его за версту и больше, пока уже минует всякая опасность для табуна. Вожак-жеребец является защитником и пастухом своего лошадиного стада.

В былое время в хозяйстве якута лошадь занимала главенствующее место. Для кочевого якута лошадь была не только рабочая сила, но и источник питания: якуты ели лошадиное мясо и пили молоко, выделявая из него кумыс. Отсюда у якутов существовал культ лошади, поклонение черепу кобылицы, развешивание лошадиных, костей на сучьях деревьев, как дар духам. Столбы коновязи возле юрт признавались священными. Даже, например, считалось, что назвать человека кобылой или жеребцом можно, и это не было обидным, но коровой назвать нельзя: позорно.

Прошли века, пока в хозяйстве якута лошадь уступила первое место корове. В 1891 году в Якутии насчитывалось 131.978 лошадей и 241.669 коров. Это означало, что у якутов завершился в основном длительный процесс перехода от кочевого к оседлому образу жизни, ибо корове зимой нужна защита от холода, нужен корм, нужно подготавливать для нее сено, стало быть, нужно жить на одном месте.

Теперь якуты живут не только оседло, но и проводят поселкование; не только занимаются скотоводством, но, как видно, быстро развивают сельское хозяйство, механизацию, агротехнику. Они, таким образом, незаметно для самих себя, совершают великий, небывалый в истории человечества переход от первобытного кочевого и полукочевого образа жизни прямо в коммунистическое общество, минуя капитализм.

Подтверждается на практике гениальная мысль Ленина, высказанная им на II-м конгрессе Коминтерна о том, что „...неправильно предполагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей... С помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через опреде-

ленные ступени развития—к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития.“ *)

Завершается великая задача, поставленная перед нами Сталиным в 1921 году, сказавшим на X-м съезде партии, что „суть национального вопроса в РСФСР состоит в том, чтобы уничтожить ту отсталость (хозяйственную, политическую, культурную) национальностей, которую мы унаследовали от прошлого, чтобы дать возможность отсталым народам догнать центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношениях“.

Это видишь теперь наглядно здесь, в Якутии, видишь и не можешь не восхищаться прозорливостью наших вождей тем, что идеи их стали реальной жизнью, воплотились, например, вот в рядом со мною едущем на велосипеде председателе, тракторах и комбайнах, которые мы только что видели, в таежных колхозных полях, обильных хлебом, в обобщественных стадах коров и лошадей и в этой молочно-товарной ферме, куда мы только что прибыли.

Спутник мой постучал в дверь юрты.

На стук вышла средних лет женщина-якутка, широкоплечая, круглолицая, с удивительно ласковыми, черными глазами. Председатель сказал ей несколько слов, кивком головы она выразила согласие, и мы втроем пошли к низким и длинным зданиям.

Это был обыкновенный, по-русски говоря, колхозный скотный двор. Но чтобы увидеть в этой обыкновенной и такой прозаической постройке необыкновенное и, можно сказать, величественное, отражающее новую эпоху в развитии якутского народа, надо знать, что никогда у якутов не было таких построек.

Испокон веков жили якуты вместе со скотом. Юрта имела пристройку под одной крышей, отгороженную от человеческого жилья простою изгородью. Посреди юрты—глиняный очаг (камелек), вокруг которого грелись и ютились люди, за изгородью стоял скот. Подстилки у скота не было, так как соломы у якутов не было, а сена жалко, да и нехватало его. Обычно, подстилку заменяли бревна, под ними выкапывали яму для стока навозной жижи. Скот стоял и лежал на бревнах. Яма за зиму наполнялась доверху аммиачной жидкостью. Все это растекалось и расплывалось по юрте. Скот валялся в ядовитой грязи. Шерсть

*) Ленин, Соч. т. XXV, стр. 354.

на боках и на ногах облезала. Быки и коровы становились голыми. Люди и скот дышали одним воздухом. Те и другие заболели туберкулезом. У коров не было молока. Якуты-бедняки питались сосновой и лиственничной корой.

Хотон в юрте—это есть символ первобытной культуры, страшной нищеты, голода и вымирания.

И вот перед нами обыкновенный колхозный скотный двор. Стеклопанные окна. Длинный коридор и сухой досчатый пол. По сторонам кабинки. Свины лежат в сухой соломе. Свины! Никогда у якутов раньше не было свиней, не знали они такой породы животных.

Сопровождавшая нас женщина-якутка любовно поглаживала свиней, почесывала их за ушами и без умолку, быстро говорила что-то председателю. Радость и гордость светились в ее глазах.

Позже я узнал, что эта была Евдокия Ивановна Федорова— заведующая фермой, член правления колхоза, депутат Верховного Совета Якутской АССР.

Она провела нас по всем отделениям скотного двора. Показала, где стоят коровы, где находятся телята, где быки, показывала кормушки, с ласковой улыбкой обращала наше внимание на чистый пол и радовалась, радовалась открыто, искренне, как может радоваться человек собственному счастью. Быть может, она вспомнила при этом былую свою юрту и хотон...

III. УКРАИНА И ЯКУТИЯ

Что может быть общего между двумя этими полярно-противоположными краями нашей великой родины?

Украина!.. И в воображении встают белые мазанки, вишневые сады, серебристые тополя, бескрайние, цветущие степи.

Якутия!.. И перед тобою встает тысячекилометровая тайга, сплошные горы, тундра, шестидесятиградусный мороз и вечная мерзлота.

Украина — веселая, солнечная, красивая и ласковая страна.

Якутия — темное от леса, суровое, гигантское, почти незаселенное, ледяное пространство.

Такое, примерно, существует контрастное представление у человека средней полосы Союза об Украине и Якутии.

И, казалось бы, величайшей нелепостью будет в какой

бы то ни было степени сравнить эти два советских края. Юг и Север — солнце и лед. Но вот удивительные факты!

В 1939 году колхозы и совхозы Украины собрали урожай в среднем 13,5 центнеров зерновых с гектара, причем в своем обращении к товарищу Сталину украинские колхозники заявили, что такого высокого среднего урожая они еще никогда не знали.

В Якутии, в том же 1939 году, колхоз „Пламя Октября“ Хорулинского нассвета Нюрбинского района собрал средний урожай зерновых 15,1 центнера с гектара.

Колхоз „Итиех“ Таттинского района получил урожай овса и ячменя по 22,53 центнера с гектара.

Колхоз им. Молотова Орджоникидзевского района собрал зерновых 13,04 центнера с гектара. Колхоз им. 17 комсомольцев Вилюйского района собрал средний урожай зерновых 14,45 центнера с гектара.

Колхоз „Красный трактор“ Мегино-Кангаласского района получил урожай зерновых 21 центнер с гектара.

Колхоз имени Сталина Олекминского района получил средний урожай зерновых за два года по 10 центнеров с площади в 540 га, а пшеницы по 16,5 центнеров с площади в 58 га.

Некоторые передовые полеводческие бригады различных колхозов Якутской республики добиваются урожая по 48 и больше центнеров зерновых с гектара.

Правда, это показатели передовых колхозов Якутии и передовых ее людей; но это есть реальные показатели возможностей урожая на ледяной земле, это то, что дает право пользоваться сравнением Украины с Якутией.

Украинские колхозники в упомянутом своем обращении к Сталину взяли на себя обязательство добиться в 1940 году следующих показателей погектарного урожая огородных культур:

- 150 центнеров картофеля,
- 150 центнеров капусты,
- 120 центнеров огурцов,
- 120 центнеров столовой моркови,
- 205 центнеров столовой свеклы,
- 150 центнеров лука.

Ну, а что могут сказать на это колхозники ледяной Якутии?

В 1939 году бригадир огородной бригады колхоза „Итиех“ собрал 200 центнеров огурцов и 300 центнеров картофеля с гектара.

Товарищ Бедулкина—огородница колхоза „Комбайн“ получила капусты 419 центнеров с гектара.

Товарищ Федоров—бригадир огородной бригады колхоза „Красная огородница“ Якутского района получил урожай картофеля 235 центнеров, капусты 440 центнеров, моркови 247 центнеров и столовой свеклы 215 центнеров с гектара.

А известная в Якутии огородница Ефимова А. И.—бригадир огородной бригады колхоза им. Орджоникидзе, вырастившая собственные семена капусты „Ефимовку“, сняла урожай огурцов 374,9 центнера и капусты 541,8 центнера с гектара.

Обудкова Екатерина Федоровна—огородница колхоза имени СТАЛИНА получила урожай картофеля 203 центнера и капусты 669 центнеров с гектара.

На далеком золотом Алдане средний урожай картофеля снимают 80 центнеров с гектара, а отдельные бригады, как, например, бригада Колодеевой из совхоза имени ЛЕНИНА, получают картофеля по 180 центнеров с гектара.

Урожай капусты здесь достигает 600—700 центнеров. Звенева колхоза им. ИЛЬИЧА т. Астапенко добилась неслыханно-рекордного урожая капусты—1010 центнеров.

Это на 58 параллели, где зимой морозы достигают шестидесяти градусов по Цельсию. Там в парниках выращивают зеленый лук, огурцы, редиску. В марте, например, когда холод стоит 20—30 градусов, на золотом Алдане люди имеют в столовых свежие овощи.

Мастера закрытого грунта т.т. Циплин и Сосновская из совхоза „Ударник“ на один квадратный метр выращивают 20 и больше килограммов огурцов. Тов. Циплин за зиму вырастил огурцов, помидор и луку 23 тонны. В рабочих столовых всегда имеются свежие помидоры, а огурцы и редиска в неограниченном количестве поступают в магазины для продажи населению.

На камнях, обросших мхом, на вечной мерзлоте, отвоеванной у тайги, растут не только картофель, огурцы, капуста, морковь, но как и на Украине под открытым небом созревают помидоры, тыквы и даже арбузы. Больше того, здесь обильно растет в диком состоянии „Алданский

виноград“ — замечательная, вкусная, сочная ягода, которой занимался Мичурин (он придавал ей большое значение для дальнего Севера). В южных районах Якутии на огромных пространствах тайги растут красная и черная смородина, земляника (клубника), малина, голубица, брусника, черемуха, иначе говоря, „Якутская рябина“. И все это в таком изобилии, что прямо хоть сейчас строй заводы для переработки этого дарового природного богатства. О грибах уже и говорить не приходится. Грибов в тайге — тьма.

Скотоводство в Якутии по отношению к числу населения чрезвычайно богато и оно имеет неограниченные возможности для дальнейшего своего развития.

Надо лишь сказать, что якутский скот в значительной своей степени выродился. Суровый климат, примитивный уход (подледное поило на страшном морозе, недостаточный зимою корм, отсутствие солей, сохранившееся кочевническое отношение к корове) и племенная однокровность привели к тому, что якутская корова мелка ростом и малоудойна.

Надо при этом сказать, что в Якутии телят не отнимают от маток. За все время годовой молочной продуктивности теленок сосет корову после того, как доярка ее подоит. Отсталость, но это факт. Но и то, даже при существующих отсталых формах животноводства, передовые животноводы и доярки добиваются поразительных успехов.

Украинские колхозницы поставили перед собой задачу добиться среднего удоя молока от каждой фуражной коровы 2000 литров.

В Якутии средний удой от фуражной коровы выражается по республике в 400—500 литров молока.

Но вот, например, в колхозе „Тутул“ Орджоникидзевского района, в среднем, от одной коровы получают 1158 литров молока.

А в колхозе „Ударник“ на Алдане добились, в среднем, удоя от коровы уже 2800 литров. Причем, доярка-стахановка Марченко со своей бригадой берет от каждой коровы по 3574 литра молока, доярка Шерикалова — по 3585 литров, а Дербешева добилась якутского рекорда — 4012 литров среднего удоя молока.

Это показывает, что при развитии метизации якутского скота и улучшения за ним ухода, при необъятных своих

пространствах, безграничных пастбищах и громадных покосных угодьях Якутия может стать и по животноводству ровень с Украиной. Вот вам и ледяная земля!

* * *

К вечеру, когда солнце ушло за горы и над землею разлился белый сумрак, мы вернулись в главный поселок колхоза, граничащий с районным центром—Намцы. Колхозники с полей вернулись домой. С виду, это большое русское село из новых деревянных домов с дранковыми крышами. Только дома расставлены очень уж далеко один от другого; у людей, видимо, здесь огромный строительный размах. Места хватает! И что ни дом, то вокруг него деляя зеленая площадь.

И вечер, и обстановка села напоминают нечто знакомое, много раз виденное в центральной полосе Союза. Березы поблескивают голубыми искорками, несмотря на август; листья их зеленые, сочные, словно только что распустились. Оглушающая деревенская тишина. Огоньки в окнах. Говор и смех, доносящиеся откуда-то издалека. Коровы бродят по улицам, собаки изредка лают. Громко звучит радио. С шумом по песчаной дороге прокатываются на велосипедах парни. Одеты они все отлично: шелковые с галстуками рубашки, из дорогого материала брюки, почти у каждого часы на руке.

Но вот беда, это даже на глазах заметно, девушек мало. В колхозе 191 мужчина и 135 женщин. Эти цифры отбрасывают нас в прошлое якутского народа. В юрте с хотоном больше всего страдала женщина. Она почти безвыходно находилась в ней. Она чаще заболела туберкулезом. Она больше подвергалась опасности заболеть от простуды. А потом роды в жутких, антисанитарных условиях, без медицинской помощи. Дети, хозяйство, полностью лежавшее на плечах женщины, патриархальный быт, накладывавший на женщину тяжкий мужнин гнет (у якутов женщина была рабою мужа), общая нищета, грязь, безкультурие и, наконец, социальный гнет приводили к тому, что, вопреки законам природы, женщин оставалось в живых меньше, нежели мужчин. Это сказывается и до сих пор. Но мы видим и отрадную картину. В колхозе подростков, мальчиков и девочек, от 14 лет насчитывается всего только 36 человек. Эти люди родились до коллек-

тивизации, они еще испытали на себе юрту с хотоном и немногие остались в живых. Но вот растет уже новое поколение, появившееся на свет в эпоху ломки старого быта и победы колхозного строя. Эти люди едва ли будут помнить юрту с хотоном, скорее в памяти у них останутся теперешние дома, поля, тракторы и комбайны, радио и велосипеды, и таких людей в колхозе насчитывается 180 человек против 36 подростков. Вот она—действительность! Вот живое воплощение ленинско-сталинских идей, вот будущее якутского народа! А пока молодым парням не хватает девушек, зато есть у них все, что имеет молодежь Советского Союза. В колхозе постоянно работает кинопередвижка, все дома радиофицированы. Важнейшие колхозные пункты телефонизированы. Построены своя колхозная школа, клуб, красный уголок. У многих парней имеются балалайки, гитары, мандолины, гармошки. У якутов никогда не было подобных инструментов. Создан свой оркестр, устраиваются танцевальные вечера. И девушки и парни после работы, вечерами под гитары и гармошки расппевают песни, танцуют и в клубе собственными силами ставят спектакли. Колхоз получает 100 экземпляров газет якутских и русских и, в том числе: „Правду“, „Известия“, „Комсомольскую правду“; журналы „Огонек“, „Крокодил“, „Новый мир“, „Красную новь“, „Октябрь“, „Молодую гвардию“. Имеется своя библиотека. Выросла и растет своя интеллигенция. Колхоз дал Якутии 8 учителей, 9 советских служащих, одного зоотехника, три молодых колхозника—аспиранты в Москве. Душу и мозг колхоза составляют 101 человек ударников, 11 стахановцев, среди них 18 комсомольцев, 3 члена партии и 6 кандидатов.

Таковы живые силы, такова теперь культура в якутском колхозе.

Все эти сведения дал мне председатель данного колхоза. Когда мы пришли к нему в дом, он открыл передо мною колхозные книги. Пока я выписывал цифры, жена его с дочерью готовили нам обед. Вскоре появился перед нами парящий самовар, а за ним тарелки и чашки с молоком, яйцами, сливками, мясом, с пышными белыми оладьями в топленом коровьем масле, белый хлеб, творог, перетертый со сливками. Я смотрел на это изобилие и в воображении моем встали только что виденные поля с пшеницей, стада и вычитанные из книги цифры доходов колхозников.

Стол, заваленный такой роскошной пищей, являлся наглядным подтверждением цифр.

Спали мы в юрте. Она стоит рядом с домом, в нее ведет прямая дверь, но юрта теперь служит погребом. В ней летом прохладно. Хотона нет. Земляной пол чисто подметается. Сохранился камелек. В углу лежат жернова. Это орудие былой пытки женщины: женщина-якутка обычно молола этими жерновами хлеб. Тут же лежат отшлифованные в труде деревянные орудия, которыми опять-таки якутские женщины выделывали коровьи и телячьи кожи и шили из них мужу, себе и детям одежду. Это была почти единственная и главная одежда якута. На полках стояли берестяные кувшины, ведра, деревянные самодельные уродливые чашки, сохранились железные вертела, на которых женщины пекли прямо на огне знаменитые якутские ячменные лепешки. Все это походило на музей древности, но, видимо, эти древние орудия труда и быта так еще близки были якутской женщине, что даже колхознице, жене коммуниста, трудно было с ними расстаться. Они — все эти предметы юрты сейчас не употребляются. Вместо железного чайника имеется самовар, берестяную посуду заменили алюминиевые и эмалированные кувшины и ведра, вместо деревянных самодельных чашек и ложек на столе фабричные тарелки, ножи и вилки, рядом с жерновами стоит сепаратор. Два мира, две эпохи овеществленными стоят перед тобой. Смотришь на вещи первобытной культуры и спрашиваешь себя: неужто люди так жили всего лишь десять—пятнадцать лет тому назад? Какой надо было им совершить прыжок, как быстро надо было заново переродиться, чтобы из патриархального родового общества прийти к коммунизму и стать в нем полноправными хозяевами! Какая могучая и животворящая сила коммунизма, которая вырвала людей из тьмы жизни докапиталистической эпохи и подняла их сразу до себя. И, главное, все это видишь перед собой, в живых формах, в людях, в вещах...

Спали мы на оронах (бревенчатые навечно закрепленные скамьи возле стен юрты). Матрацами служили одеяла из заячьих шкур, покрывались белоснежными простынями, под головой пуховые подушки. Чистые полотенца лежали перед каждым на табуретке.

Спали мы хорошо, прохладно. На утро председатель сел на велосипед и опять покатил в поле, а я отправился на Лену купаться. Теплая вода в августе, горячий сыпучий

песок по берегам, зеленые острова вдали и, казалось, бескрайняя река, несущая свои воды в Ледовитый океан — все это дополняло удивительные контрасты Якутии.

Я шел по роскошному лугу, собирая цветы, смотрел как якуты-колхозники копнили сено, подтаскивая его к стогам на саях, на впряженной лошади (работали они дружно, быстро), видел как, играя, плескались огромные рыбы в Лене. Из кустов нечаянно выгнал зайца, и он в пяти шагах от меня сел и, казалось, с удивлением посмотрел на меня: „что это, мол, за пугало бродит тут, мешает мне спокойно спать?“.

В 11 часов я возвращался в поселок. Людей не было видно. Тишина. Огромное якутское солнце уже поднялось к зениту. Наступила жара. Вдруг могучий голос из радиорупора, укрепленного на фронтоне колхозного клуба, оглушал меня:

— Говорит Москва... Говорит Москва...

А затем рейзеновский бас, подхваченный хором, далеко разнес по особому здесь звучащие слова:

Широка страна моя родная...

Я даже вздрогнул: значит, в Москве пять часов утра, там еще сумрачно. Там люди спят. А здесь заканчивают полудневную работу.

О, великая, прекрасная моя страна!

Могучая песня, как волна, подхватила меня, и я слил свой голос с хором, вторя словам:

...Н—н—не знаю,
Где так вольно дышит человек!

В КРУГУ ОЛЕНЕЙ И ПЕСЦОВ

І. КОЛХОЗЫ В ЗАПОЛЯРЬЕ

На далекий Север, в Анабар, в тысяча девятьсот тридцать девятом году были завезены лошади. Местные жители впервые увидели лошадь. До этого они знали только оленей.

Олень здесь—средство передвижения по тундре и тягловая сила для перевозки грузов. Олень—почта. Олень—защита от холода: одежда и крыша юрты. Олень—питание: мясо, молоко, масло.

В Булунском оленесовхозе за полтора месяца от двухсот важенок (оленематки) надоили полторы тонны молока и набили сто семьдесят семь килограммов масла.

Оленье молоко, как сливки: двух чайных ложек на стакан довольно.

Оленя человек не кормит, хлева ему не делает, пойло не готовит. Олень от человека ничего не требует, а все ему дает.

Размножается олень быстрее, чем корова. Потери туготов (телят) ничтожны. За год оленье стадо увеличивается от десяти до двадцати процентов.

Оленьи стада огромные, не в пример коровьим: от тысячи до четырех тысяч голов в каждом колхозе.

Всего ручных оленей в Заполярной Якутии—в колхозах и совхозах—насчитывается двести тысяч голов. Это—основное и главное богатство людей, живущих в тундре.

В Якутии много оленей диких. На них охотятся, их бьют, питаются их мясом и пользуются шкурами. Это—дополнительный источник существования человека тундры.

В том же тысяча девятьсот тридцать девятом году на далекий Север русские привезли с собою кошек. Местные жители впервые увидели кошку. До этого они знали только песцов.

Песец—это деньги—расчет за товары, доставленные с Большой земли Северным морским путем: хлеб, оружие, порох, фабричная одежда, чай и сахар, овощные и фруктовые консервы, печенье, конфекты, колбаса.

Олень для жителя тундры—источник жизни, песец—культура.

Если до сих пор мы говорили о жизни и о культуре в районах и городах Якутии, посмотрим теперь, как живут люди за четыреста—пятьсот километров от районных центров, за двести—триста километров от селений, в пустынной тундре, у ледяного моря, в кругу оленей и песцов.

Современная историография говорит, что, например, эвенки (тунгусы) появились на территории Якутской республики несколько сот лет тому назад, ранее якутов.

Оттесняя на Север находившиеся здесь дикие азиатские племена курилов, юкагиров, чуванцев, ительменцев, ходынцев и коряков, эвенки вначале селились по берегам великой реки Лены.

Затем пришли сюда якуты. Это был народ более сильный, он обладал более высокой культурой. Якуты умели вязать рыболовные сети из конского волоса, добывать железо, делать железные стрелы, топоры, ножи, домашнюю посуду; знали они и серебро. Эвенки же сохраняли культуру каменного века.

Якуты, как более сильный народ, в свою очередь, начали теснить эвенков далее на Север, к берегам Ледовитого океана.

В зоне полярной тундры, на безлесной, болотистой равнине, на море и реках занимались эвенки рыбной ловлей, добычей песца и охотой на диких оленей.

За сотни лет пребывания этого народа в суровых полярных условиях культура и быт его оставались „замороженными“ вплоть до Октябрьской революции.

... Туманная холодная тундра. Весна начинается в июне, а в сентябре наступает зима. Растительность—желтый, стручкообразный мох, лишайник, осока и мелкий ивник, как трава. Ни гор, ни леса. Многочисленные озера, реки и безбрежное море вдали. В течение всего лета температура не превышает восемнадцати градусов тепла, средняя годовая—семь-восемь градусов холода. Люди в это время

выходили на рыбную ловлю в море и на охоту за дикими оленями. Оленей били вручную. Выслеженное стадо старались загнать в озеро или в реку и при выходе оленей из воды кололи их рогастиной. Диких гусей и лебедей убивали стрелами. Выловленную рыбу оставляли на берегу моря до зимы, чтобы потом санным путем на собаках доставить ее в наслег (поселок). Из прирученных животных у эвенков были только собаки.

В ноябре наступает полярная ночь. Длится она до конца февраля. Одинокий человек в это время выходит на промысел за песцом. Мороз временами достигает шестидесяти градусов. Дуют ветры десять—пятнадцать дней беспрерывно. Человек от холода и ветра спасается в деревянном чуме, заваленном дерном, возле костра. В лунные ночи охотник проверяет настояренные пасти (орудие для ловли песца), не попался ли на приманку драгоценный зверек?

Удачная охота,—эвенк белые пушистые шкурки обменяет на хлеб, на дробь для кремневого ружья, приобретает даже несколько аршин ситца жене. Пройдет мимо пастей песец,—живет эвенк с женой и детьми круглый год питаясь только рыбой. Но часто и удачная охота ускользала из рук. Заболеет ребенок—эвенк обращается к шаману. Тот за колдовство свое требует песца.

Родовой князь от имени русской царской власти творил среди эвенков суд и расправу и при всяком удобном случае протягивал лапы к песцу. Кулак давал иногда в долг эвенку плитку чая, пуд муки, дрови и за все это без всякой цены получал драгоценную пушнину. Наконец, выступал на арену русский купец. Вместе с товарами обязательно привозил он бочку со спиртом. И уходил песец из рук темного, забитого эвенка, оставляя по себе лишь тяжелое, голодное похмелье.

За купцами следом шли жулики разных мастей. Они ничего не привозили с собой. В руках у них были только карты. И в долгие зимние ночи в юртах у камельков забирали они последнее, что только можно было взять и без того у ограбленного человека.

Так жил этот народ до революции.

Колхозник Атласов Николай Семенович, член эвенкийского промыслового колхоза „Соревнование“, рассказывает: — Было,—говорит он,—до революции у нас на мысе Быковом всего только десять хозяйств, в том числе и наша семья. Жили мы в якутских юртах-балаганах. Домов

русского типа у нас не было. Я имел тридцать песцовых кулем (приспособление для ловли песка), которые расставлял на острове Чернока, в районе пролива Трофимовского, что километров за сто от нашего поселка. Капканов и пастей у меня не было. Ружье имел кремневое—малопульку и одноствольную шомполку—дробовую.

Промысловые участки распределял между нами князь. Лучшие участки, наиболее богатые зверем, отдавал он, конечно, зажиточным хозяйствам. Нам доставались наиболее отдаленные и пустые, и платил я налог за такой участок от трех до шести рублей в год. Сумма как будто бы и маленькая кажется теперь, но если сказать вам, что я добывал в год не более десяти песцов, то понятно, что значил для меня тогда этот налог.

Песцов начинали добывать с первых чисел сентября и кончали по весенней распутице, в начале июня. Осматривали мы кулемы один раз в месяц в период полнолуния. Жили все это время вдали от семьи в промысловом голоме (чум). Печки не было, отапливалось и освещалось голомо костром. Был также тордох (переносный чум) из шкур дикого оленя. В этих жилищах мы и спасались от снежных бурь и от холода. Добываемая пушнина была очень низкого качества. Много песцов, попавшихся в кулемы, но своевременно не вынутых нами, поедали живые песцы или мыши. Или, бывало, из-за преждевременной установки и позднего опускания кулем, попадались песцы негодные для продажи.

Диких оленей колот рогатиной, а при случае, убивал из кремневки. Гусей редко стреляли из ружей, приходилось экономить порох и дробь, больше убивали стрелами. Сетей рыболовных у меня было восемь штук и никаких других снастей я не имел. В год я вылавливал рыбы до ста пятидесяти пудов. Оленей добывал до пятнадцати голов, гусей до семидесяти штук. Это и было нашим питанием. Собак имел я всего только одну упряжку, пять—семь голов. На стороне продавал только пушнину. Годовой денежный доход моего хозяйства от продажи песцов составлял не более семидесяти рублей. Из них надо было или песцом, или деньгами уплатить князю налог, надо было купить пороху и дроби. Ну и оставалось у меня каких-нибудь рублей сорок—пятьдесят на круглый год. Покупал я иногда жене аршин десять мануфактуры, пуда полтора муки, фунта три сахару, фунтов пять растительного масла, ну и табаку

фунта три. Сами видите теперь, чем и как мы питались. Из-за недостатка денег часто приходилось батрачить у купца Торгенсена Ивана Ивановича—это бывший матрос экспедиции Норденшельда, который остался у нас и стал торгашом. Работал я у него летом на неводьбе, а зимой на подледном лове рыбы. За летний сезон купец платил мне пятнадцать рублей, за зимний—пятьдесят рублей. Больше и самостоятельным промыслом я не зарабатывал. Так что и то и другое одинаково обрекало семью мою на голод. Дети мои заболели туберкулезом и умирали, жена и сам я болели трахомой. Много народу тогда нашего повымирало.

Медицинской помощи, конечно, не было. Шаман колдовал над больными. Верили мы тогда шаману, что поделаешь, о грамоте ведь у нас и понятия не было.

Юрта моя была низкая, маленькая, темная. Снаружи для тепла была она завалена дерном, внутри колья наставлены конусом, у стен нары из круглых кольев, посреди якутский камелек, на котором беспрерывно горел огонь, обогревая и освещая юрту в долгие полярные ночи. Окна были маленькие, зимой в них вместо стекла вставлялся прозрачный лед, летом окна обтягивал я рыбьей кожей.

Посуды почти не было. Имел я один только медный котел и один, тоже медный, чайник. Вот и все богатство мое было, нажитое до революции. Стульев или табуреток у меня не было, их заменяли деревянные чурки. Стол был сделан из вытесанных топором досок, укрепленных на четырех кольях, вбитых в землю.

Постельные принадлежности и одежда состояли из оленьих шкур. В зимнее время распространена была картежная игра на деньги. Все приезжавшие и местные купцы, помимо спаивания водкой, обыгрывали нас в карты. Часто и я проигрывал всю свою зимнюю пушную добычу.

—Рыба, только рыба, была человечьим и собачьим питанием,—закончил свой рассказ Атласов Николай Семенович.

II. НА 72 ПАРАЛЛЕЛИ

В тысяча девятьсот тридцатом году в поселке „Деревня“, на мысе Быковом, организовался эвенкийский колхоз „Соревнование“. Он находится на семьдесят второй параллели северной широты и сто тридцать второй градусе восточной

долготы. Граница его территории охватывает четыреста двадцать пять тысяч гектар земли в пятидесяти километрах от бухты Тикси.

Колхоз называется смешанно-промысловой артелью, то есть основными видами труда колхозников являются охота, рыболовство, извозный промысел на собаках. Имеются среди колхозников стахановцы и ударники, производственные бригады во главе с бригадирами, между бригадами и соседними колхозами заключаются социалистические договора. Словом, в охотничье-промысловом колхозе существуют все формы трудовой и хозяйственной деятельности, как и в любом ином колхозе. Стахановское движение, ударничество, социалистическое соревнование и здесь, на далеком Севере, являются основой творческой деятельности колхозников, создающих в тундре новую, советскую жизнь.

Но как и в чем здесь проявляется стахановская работа?

Если раньше охотник-единоличник имел тридцать—пятьдесят пастей и только их обслуживал, то в колхозе, после обобществления этих пастей и установки новых, охотник-стахановец один берется обслуживать двести—триста и до четырехсот пастей. Далее. Раньше охотник осматривал пасти один раз в месяц и из-за этого много пропадало уже попавшихся в пасти песцов. Охотник-стахановец осматривает пасти три раза в месяц и, разумеется, потери настолько же сокращаются. Но это не все. Если не обращать внимания на настроженную пасть, то ее может занести снегом или мыши съедят приманку, или примерзнет насторожка и песец, взяв приманку, может уйти из пасти невредимым. Наконец, если в пасть будет ветром наметен снег и в это время попадет песец, то под ним, придавленным гнетом, в первое время растает снег, затем образуется лед и драгоценный волосяной покров песца (ость) вмержает в лед. В таких случаях при выемке песца из пасти портится ценность меха, снижается качество добытой пушнины.

Главная сущность стахановской работы охотника заключается в том, что он своевременно ремонтирует находящиеся в его ведении пасти, заранее, летом еще, заготавливает песцовую приманку и доставляет ее летом же на промысел, организуя на месте охоты „лабазы“. Пасти устанавливает аккуратно, очищает от сучьев и коры, устраивает для нее высокий помост, чтобы не заносило снегом, во время охоты проверяет все пасти—как те, в которые уже попали

песцы, так и стоящие открытыми: не занесло ли снегом, не примерзла ли насторожка, не съели ли мыши приманку, не намело ли в пасть снега, чтобы потом не испортить шкурку песка. Чтобы сохранить попавшегося в пасть песка от поедания его другими зверями, охотник-стахановец изобретает: стенки пасти делает высокими, до полутора метров, пасть приобретает вид „короба“ или „сундука“, недо-ступного для других зверей.

Охотник-стахановец тщательно следит за состоянием своего орудия производства, как стахановец-тракторист следит за своей машиной. В результате в пять—десять раз увеличивается у него добыча пушнины и улучшается ее качество.

Кроме охоты на песка, эвенкийские колхозники получают доход от транспорта. Это даже странно звучит. Какой может быть доход от транспорта в пустынной тундре? И что за транспорт, если не только железной дороги, автомобилей, тракторов, но и лошадей здесь не существует? Даже олень не может здесь жить из-за отсутствия кормов и продолжительности полярных буревых ветров, дующих из ледяной пустыни океана. Единственное животное выдерживает этот климат—собака. И человек организовал здесь собачий транспорт.

На собаках доставляются сотни тонн рыбы от берега моря в колхоз. На собаках транспортируют грузы рыбы для рыбной конторы Главсевморпути. На собаках перевозят грузы от бухты Тикси до центра колхоза и обратно на расстоянии пятидесяти пяти километров в один конец. На собаках доставляют почту и возят пассажиров от пункта Тумат до бухты Тикси—триста двадцать километров. Собаки обслуживают охотников при осмотре ими песцовых пастей. Собака выполняет все потребности колхозников в передвижении. Собака—северная лошадь.

В одну нарту запрягают, обычно, семь—одиннадцать собак. В зимнее и осеннее время упряжка в семь собак везет до десяти пудов груза вместе с ездовым (каюром), а в апреле и мае двенадцать—тринадцать пудов с каюром. Упряжка в одиннадцать собак везет каюра с грузом до двадцати пудов. В среднем, без груза собаки пробегают девяносто—сто километров, с грузом—семьдесят—восемьдесят километров в день. Где же сравняться нашей лошади с северной собакой!

Кормом для собак круглый год служит рыба. Рыбу со-

бака ест в вареном виде, а в условиях дороги—сырую. Требуется всего только десять-одиннадцать килограммов рыбы, чтобы за один день промчаться сто километров с двадцатипудовым грузом!

Быстрая, выносливая, послушная, неприхотливая эта северная „лошадка“ не только обслуживает колхозника, в его личных и промысловых нуждах, но и приносит доход, как почтово-пассажирский полярный транспорт.

Стоимость собаки-вожака, как правило, определяется от двухсот до пятисот рублей, в зависимости от качества животного. Стоимость обычной рядовой собаки от ста до двухсот рублей.

Но кроме дохода от транспорта, колхоз имеет еще доход от рыбы.

Рыболовные угодья находятся на реке Лене, в ста километрах от колхоза. Вылавливают колхозники десятки тысяч пудов рыбы, главным образом,—муксуна, омуля, кондевки, чира, нельмы, стерляди. Добытая продукция распределяется по паям, установленным общим собранием колхозников. Если бригада перевыполняет план, то шестьдесят процентов от проданной рыбы получают колхозники. Остальные сорок процентов идут на покрытие расходов бригады и в общественные фонды.

Добываемая рыба в колхозе никакой специальной обработке не подвергается. В летний период она складывается в погреба, зимой она замораживается. Употребляют рыбу в вареном и по-старинному—в сыром виде. В летнее время в местах рыбного промысла функционирует торговая точка торговой конторы Севморпути. Она принимает от колхозников товарную рыбу и снабжает их всеми необходимыми продуктами. Частные скупщики и всякого рода спекулянты по рыбе и пушине устранены. Колхозники имеют дело только с советской торговой организацией и деятельностью ее и правильными расчетами остаются очень довольны.

— Советская власть лучше родного брата,—говорят они.

Какой же результат дает вся эта коллективная система хозяйства в таком, необычном для европейской части СССР, колхозе? Что дает эвенку ударный, стахановский, коллективный труд?

Тот же Атласов Николай Семенович, который до революции имел только тридцать песцовых кулем, кремневое и дробовое шомпольное ружье, семь собак и годового дохода шестьдесят пять—семьдесят рублей, теперь вместе

с женой получил от колхоза семнадцать тысяч девятьсот тридцать семь рублей. Плюс к тому же он забил для себя двадцать штук диких оленей, сто гусей и на его пай досталось двести пудов рыбы.

Если раньше он круглый год питался рыбой и лишь иногда покупал на весь год пуд или полтора пуда муки, то теперь купил тридцать пудов муки, три пуда коровьего масла, пять пудов сахара, на две тысячи рублей готовой европейской одежды, пятьдесят метров, на двоих с женой, мануфактуры, на тысячу рублей домашней посуды и других хозяйственных принадлежностей. Он теперь обслуживает двести семьдесят восемь песцовых пастей, имеет охотничий карабин, двухствольное ружье и тозовскую винтовку. Он подписался на заем на тысячу шестьсот рублей. Он — бригадир охотничьей бригады.

Другой колхозник, Саввин Иннокентий Андреевич, до революции жил еще беднее Атласова. У Саввина была семья в пять человек, имел он только одну кремневку и потому за год добывал не более десятка диких оленей, десятка гусей и не более того песцов. Одежда его состояла вся исподняя и верхняя из шкур оленей. Он жил в чуме, спал на нарах, грелся у костра. Питался он со своею семьею только рыбой, которой добывал за год около ста пудов. С трудом приобретал он пуд ржаной муки, один фунт сахара, полкирпича чаю, два фунта масла. Мануфактуру покупал он на год пять—шесть аршин. До двадцати лет батрачил, а когда обзавелся семьей, сплел восемь волосяных сетей и круглый год занимался рыбной ловлей. Круг интересов не распространялся у него дальше рыбы. Человек и рыба — вот сущность жизни. Вот страшная судьба!

Но прошли годы, пришла на далекий Север, в холодную буревую тундру, новая, коллективная жизнь людей. Иннокентий Андреевич на шестьдесят четвертом году своей жизни стал трудиться по-новому, возглавил рыболовную бригаду и теперь, вместе со своим сыном Николаем — стахановцем охотничьего промысла, женою Агрипиной — ударницей по съемке песцовых шкурок, получает за свой труд более двадцати тысяч рублей в год. Сын Николай грамотен, считается лучшим охотником Якутии. Второй сын окончил четырехлетку и будет учиться дальше. На год семья Саввина добыла пятнадцать туш оленьего мяса, сто гусей, триста пудов рыбы. И ко всему этому

Саввин приобрел на семью девяносто шесть пудов пшеничной муки, двенадцать килограммов грузинского чаю, девяносто килограммов сахара, сто метров мануфактуры, на две тысячи рублей готовой фабричной одежды, на тысячу рублей хозяйственной посуды и домашних принадлежностей, на тысячу пятьсот рублей промыслового инвентаря. И государству одолжил он, подписавшись на заем, тысячу шестьсот пятьдесят рублей. Живет он теперь в доме русского типа, в центре поселка „Деревня“. Домашняя обстановка и посуда городского типа. Изба отапливается железной печью, освещается керосиновой лампой. Спит Иннокентий Андреевич на железной кровати, сидит на венском стуле за дубовым столом, заводит патефон, сыновья приобрели гитару, балалайку, шахматы.

— Да видано ли это было когда-нибудь у нас, рядом с Ледовитым океаном?—Возможно ли было даже представить себе такую жизнь?—Удивляется, иногда, самому себе Иннокентий Андреевич.

* * *

Изменилась жизнь не только одного или двух колхозников-ударников. Весь коллектив живет по-новому.

До революции из числа членов колхоза не было ни одного грамотного. К концу тысяча девятьсот тридцать восьмого года из колхозников старше шестнадцати лет грамотных на родном языке стало сорок человек, что составляет шестьдесят пять процентов из общего числа колхозников. Из сорока грамотных впервые в истории этого народа взглянули на мир через газету и книгу пять эвенок женщин.

До революции, разумеется, никаких школ в наслеге не было. Теперь имеется школа-четырёхлетка в типовом европейском здании. Все дети эвенков обучаются грамоте. Многие взрослые колхозники, кроме ликвидации неграмотности, прошли при районном центре партийные курсы, курсы наследных советов (поселковых советов), курсы председателей и счетоводов колхоза, курсы мотористов при машинно-промысловой станции Главного Управления Севморпутя, курсы комсомольских организаторов, курсы бригадиров-рыбаков и охотников, курсы агитаторов. По сравнению с диким прошлым, это уже неслыханно образованные люди, это интеллигенты эвенкийского народа. Колхозники получают тридцать пять экземпляров республиканских газет. Имеют хороший, просторный колхозный клуб. При клубе красный

уголок, а в этом „уголке“ бильярд, две доски шахмат, шашки, балалайки, гитары и... библиотека!

А в библиотеках есть книги своих эвенкийских поэтов и писателей на эвенкийском языке. Писатели эти учились в далеком городе Ленина, окончили там высшую школу и начали слагать свои родные, близкие и понятные эвенкийские песни. Писатели-эвенки рассказывают о своем народе, об его новой, радостной жизни, об его думах и чаяниях, о любви его к своей земле, которая теперь из холодной, злой мачехи превратилась в добрую, умную, ласковую мать.

Читают колхозники-эвенки о себе и не нарадуются. Теперь голос их тоже раздаётся среди голосов других народов Большой земли. Читают эвенки книги и чувствуют себя так, как чувствовали бы немые люди, вдруг обнаружив у себя дар речи.

В клубе своим собственными силами организуют они театральные постановки, вечера самодеятельности, политбеседы, доклады о международном и внутреннем положении Советского Союза. У них имеются ячейки Осоавиахима, МОПР'а, музыкальный кружок, хоровой кружок, драмкружок. Женщины и девушки в общественной жизни принимают участие наравне с мужчинами.

В колхозе имеется комсомольская группа, которая является инициатором и организатором всех политических и культурных мероприятий. Издается стенная газета. Имеется „чудо“ Севера—колхозная баня. До недавнего прошлого эвенки слепли от трахомы и умирали от туберкулеза. Но в тысяча девятьсот тридцать восьмом году уже не было ни одного случая нового заболевания этими болезнями.

До революции эвенки не имели понятия как о школе, так и о медицинском пункте. Теперь в трех километрах от колхоза, в поселке Тулус, имеется медицинский пункт с фельдшером и акушеркой.

Они благодарны Советской власти за эту прекрасную новую жизнь, и с необычайной охотой выполняют все то, что требует от них Советская власть.

И вот часто они говорят:

— Как же нам не выполнять свои обязательства перед Советской властью, если она дает нам так много и таких хороших продуктов, вещей и одежды. Она посылает нам такое замечательное оружие, как тозовские винтовки.

Она делает для нас такие интересные инструменты, как патефоны, гитары, балалайки. Она строит нам такие светлые, просторные дома, горячие бани, огромные клубы, школы, медицинские пункты, в которых мы теперь живем, отдыхаем, развлекаемся, учимся, лечимся от проклятой трахомы. Она, Советская власть, печатает для нас такие интересные книги, в которых рассказывается о нас и о людях Большой земли. Она присылает нам газеты, из которых мы узнаем все, что делается на белом свете. Как же нам за все это не дать денег Советской власти?

И знают эвенки, что Большая земля—это их родина, что каждый из них может поехать посмотреть на нее, что всюду будут их встречать такие же люди, как и они—колхозники или такие, как вот эти люди, которые приехали сюда и здесь лечат их, обучают грамоте, помогают строить новую жизнь.

Любят эвенки эту Большую землю, любят Советскую власть, которая оттуда пришла на далекий Север и преобразила его, любят они ее непосредственно, искренне, беззаветно, как может только ребенок любить чуткую, заботливую мать.

III. „ПУТЬ ЛЕНИНА“

Эвенки (тунгусы) и эвены (ламуты)—родственные племена. До революции эвены тоже кочевали по тайге и тундре, главным образом, по берегам якутских рек.

Октябрьская революция пришла сюда, по существу, только тринадцать лет спустя, после своего торжества на континенте. И вот за Полярным кругом, в горах северо-западной оконечности Верхоянского хребта, в Саккырьском районе, возник эвенский колхоз „Путь Ленина“. На пустынном, горном тундровом плато вместо серых, закопченных дымом кожаных чумов выросли новенькие, из добротного таежного леса, колхозные дома. Один из таких поселков и составляет колхоз „Путь Ленина“.

Территория, занимаемая им, богата пушным зверем и оленьим кормом. Она простирается на миллион семьсот тысяч гектаров или семнадцать тысяч квадратных километров. Это больше половины Бельгии.

Живут здесь пятьдесят три семейства, избраны поселковый совет и правление колхоза; созданы школа, интернат, торгово-заготовительная контора райпотребсоюза, радиоузел.

Кочевники-эвены быстро овладели искусством распиливать лес на доски, строить из дерева дома, класть печи. Люди, не имевшие понятия о ремесле, стали профессиональными плотниками, пильщиками, печниками. Это они сами, под руководством русских мастеров, построили себе превосходные, европейского типа, дома с русскими печами — матками; лютые морозы теперь не страшны, пища вареная и жареная, хлеб печеный.

Поселок расположен в живописной горной долине реки Харадай, возле устья речки Артык-Юрях — приток реки Омолоя, впадающей в море Лаптевых. На географической карте Крайнего Севера необходимо теперь сделать поправку, ибо появился на свет новый поселок под названием „Ферма“.

Расположенный в центре долины, богатый летними и зимними оленьими пастбищами, защищенный от ветров хребтами Верхоянских гор, колхоз „Путь Ленина“ имеет в наличии строевой лес и реки, обильные рыбой. Он имеет все необходимые условия для быстрого хозяйственного развития.

Вблизи поселка построены корраль (олений загон), газокамера, баня, предназначенные для оленефермы. Отсюда и возникло само название поселка — „Ферма“.

После перехода на оседлость главным и ведущим занятием эвенов осталось оленеводство, дополнительным — охота и грузоперевозка. Только летом, примерно с пятнадцатого июня по первое сентября, в поселке остаются дети и старики. Трудоспособные члены колхоза уходят на летние стойбища, где пасется громадное стадо оленей: свыше двух с половиной тысяч голов. Там колхозники живут все лето, учатся, овладевают ветеринарно-зоотехническими знаниями, ведут борьбу с копыткой (одна из опаснейших болезней оленя) и чесоткой. Введено круглосуточное дежурство у оленьего стада, пропускают оленей через газокамеру, в коррале проводят точный учет оленей, ведут запись приплода и браковку. На новом этом деле эвены растут, становятся культурными работниками оленефермы, передовыми людьми своего народа — стахановцами.

Доходы колхоза беспрерывно повышаются и достигают более двухсот тысяч рублей в год. Отдельные хозяйства получают в год от четырех до семи тысяч рублей. Кроме денежного дохода, колхозники имеют оленье молоко, масло и мясо.

Кроме дохода от оленеводства, колхозники-эвены зарабатывают за зиму десятки тысяч рублей на пушном промысле и грузоперевозках. Грузы перевозят на оленях из Жиганска до центра Саккырырского района, за пятьсот пятьдесят километров.

Вся эта, на первый взгляд, простая, будничная жизнь есть, в сущности, школа для былых кочевников. Именно колхозная жизнь и работа способствуют проявлению среди них организаторских талантов, росту культуры и политического сознания.

Именно в колхозе эвены почувствовали себя полноценными людьми и со всею страстью свободных людей взялись за переустройство былой своей рабской жизни на новых, социалистических началах. Уже одно то, что женщины-эвены теперь работают наравне с мужчинами (оленеводами, охотниками, доярками) и среди них тоже имеются ударницы и стахановки, говорит о том громадном перевороте, который произошел в жизни былых кочевников.

Девять—десять лет тому назад они были отсталыми, а теперь эти люди настолько выросли, что по отношению к труду, по культурным запросам и по политическим устремлениям ничем не отличаются от передовых советских людей.

У эвенов и эвенков письменность возникла только в тысяча девятьсот двадцать девятом году, но уже более половины взрослых людей грамотны (дети учатся поголовно), уже имеется у них своя литература, свои поэты и писатели.

Нельзя без волнения читать народные сказки или стихи и песни эвенских и эвенкийских поэтов, ярко отображающих новые чувства и мысли северных народов.

Вот стихотворение поэта—эвенка Григория Чинкова:

1

В старые глухие годы
В юртах наших с колыбели
Злые черные законы
Над народом тяготели.
От законов этих диких
Слезы эвенков катились,
Рвались с губ глухие крики,
Гнулись спины, плечи ныли...
От законов этих диких

Эвенки старели с детства...
Умирая, оставляли
Детям горькое наследство.
По законам этим страшным
Убивали кровных братьев,
Дочерей за ценный выкуп
Не стеснялись продавать мы.
Помыкать женой-рабыней,
По законам этим черным,
Сравнивать ее со зверем
Не считалось позорным.
По законам этим древним
Поколенья вымирали..
Богачи жирели в юртах,
Бедняки пасли стада их.

2.

Север, слушай эту песню!
Пусть она гремит по свету,
Пусть летит от края к краю—
Слушай, Север, песню эту!
Слушайте седые реки,
В океан величиною
Полноводные озера,—
Разыграйтесь волною!
Выше гор, холмы, растите,
Зеленейте ярче, травы,
Славу пойте жизни новой,
Славу Сталинскому слову.
Слава новому закону,
Что сияет над тайгою,
Что гремит горячим звоном
Над советскою землею.
По законам этим новым
Светятся эвенка годы,
По законам этим новым
Расцветает вся природа.
По законам этим новым
Радость с каждым днем полнее,
По законам этим новым
Даже тундра зеленеет.

Перевод П. Гессен.

Всем известна мечта Пушкина о том, что придет время и узнают о нем „И гордый внук славян; и финн, и ныне дикий тунгус, и друг степей калмык“.

Пришло это время. „Дикий тунгус“ Алексей Платонов отвечает Пушкину:

Я твой памятник читаю
И как будто голос слышу:
— Пушкин песни ваши знает
Пушкин вместе с вами дышит.
Пушкин, Пушкин! В этот миг
Посмотри, поэт великий,
Погляди, кем стал калмык
И тунгус, когда-то дикий!
И друзья степей безводных —
Калмыки — и дети наши —
Эвенки в семье народов
Вместе строят жизни счастье.
Труд твой ныне оживает
В звуках, радостно звенящих,
Он к веселью пробуждает
Степь и северные чащи.
Люди с песней здесь и там
Жизнь прекрасную возводят, —
То твоя, твоя мечта
Солнцем радостным восходит!

Перевод В. Наумовой.

Николай Тарабукин — эвен (ламут) стал летчиком, и он поет, прощаясь со своим оленем Котачаном:

Пасись, Котачан мой, навек оставляю тебя.
Теперь верховому другому доверюсь любя.
Его научу подчиняться любому движенью рук,
И в воздухе буду всегда неразлучен я с ним.
Едва захочу — к берегам Индигирки - реки
В три дня мы с ним долетим.
Орлом полечу я — как даль поднебесья чиста!
Я сверху привет посылаю земле.
Воздушный олень — верховой мой олень!
Я сыном облака стал!

Эвенк Никита Сахаров говорит:

По краям лесным и водным,
По горам в тайге суровой,
Жили Севера народы,
Кочевые звероловы.

Возле рек и в чаще леса
Эвенков кочевье было.
Жили тяжко, пели в песне
Мы о днях своих унылых.

Но на путь, что начал Ленин,
Сталин вывел все народы
Дал он северным селеньям
Бодрый труд и светлый отдых.

Ленина лучи проникли
В юрты Северного края.
Ленина лучи великим
Светом путь нам озаряют.

На горах таежных—Ленин,
Возле рек таежных—Ленин,
В стойбищах далеких—Ленин.
Всюду с эвенками—Ленин*).

Ленин стал героем народных эвенкийских сказок. В одной из них удивительно ярко воспроизводится прежний быт эвенков, поздний приход революции на Север, только вместе с коллективизацией, пробуждение сознания у темного, забитого, ограниченного таежного человека, радость его, когда он, поняв сущность коллективизации, решительно встал на путь Ленина.

— Как человек в тайге живет?—говорится в этой сказке.—Сыт и ладно.

Так и эвенки в тайге жили. С речки на речку ходили, с горы на гору ходили, белку промышляли.

Ходит эвенк по тайге, белку бьет, зазимы на кедре примечает, глядит, как сучки на деревьях растут. Что заметит, другим не скажет, пусть сами видят. Сыну скажет.

Так и Долбонэ жил. Сосед добудет лишнюю белку—Долбонэ ночь не спит, хочет две добыть. И продать хочет дороже. К купцу вперед норовит, нюхает, какие у купца цены, чтобы самому дороже взять.

Сосед лишний кусок сахару купит, лишнюю горсть муки—Долбонэ от зависти ругает соседа. Горло готов ему перегрызть.

*) „Север поет“—сборник стихов. Гослитиздат. 1939 г.

Тут Владимир и стал говорить: вы, говорит, в лесу живете, вы, говорит, по золоту ходите, среди богатства живете, а сами голодаете. Золото надо людям, белку надо людям. Зачем вы, говорит, друг другу завидуете? Вам, говорит, вместе жить надо, зверя вместе добывать, торговать вместе.

А купцы говорят:

— Владимир—злой человек. Владимир—царю враг. Кто убьет Владимира, царь тому три рубля награды даст...

Задумал Долбонэ убить Владимира, три рубля награды взять.

Пошел Владимир на охоту. Идет Владимир, сзади него—Долбонэ. Где же Владимиру от эвенка уйти?

Глядит Долбонэ: Владимир идет, на землю смотрит, будто большая дума ему голову вниз тянет. А ружье совсем зря за плечами висит. Шибко сердитый был Долбонэ, а страшно ему стало: „Чего Владимир все думает, а не стреляет?“

Стал прицеливаться Долбонэ. Целит в голову, смотрит: головы у Владимира нет, одно тело за мушкой идет. Опустил ружье Долбонэ, смотрит: весь Владимир идет, с головой, как есть. Опять начнет целить—опять головы нет. Никогда такого не видал Долбонэ. В спину, думает, надо, куда спине деваться? Начнет целиться в спину, смотрит: ноги идут, над ними голова идет, а спины нет. Вот страшно: мушка в пустое место глядит!..

Испугался Долбонэ—ослеп, думает. Протер глаза, посмотрел кругом, видит—рябчик сидит. Прицелился: сидит рябчик. Стрелять можно. Не стал стрелять, Владимира, думает, испугаю.

Опять пошел, смотрит—нет Владимира. Тут был, нету. След стал смотреть—идет след, а Владимира нету. Долбонэ бегом побежал, думает: вот как ходит Владимир, не догонишь. А по следу смотреть—Владимир шагом идет. Бежит Долбонэ, запыхался. Думает,—только бы догнать: ружье не возьмет,—пальмой *) убью—куда деваться? На пальму медведя можно принять.

Вдруг кукушка закуковала. Долбонэ испугался, говорит:—„Почему кукушка кукует? Ведь осень“... Глухарь заиграл. Долбонэ говорит:—„Почему глухарь играет? Глухарь весной играет, а теперь осень“. Глядит: бел-

*) Пальма—вид рогатины.

ки на сосне гоняются. Совсем испугался Долбонэ. Говорит:— „Ой, худо будет! Белки осенью гоняются—щенята зимой родятся, замерзнут, охоты не будет. Копалята *) замерзнут—мяса не будет, голод будет, смерть иридет. Владимира надо убивать!“

Только подумал так Долбонэ—глухарь с ветки кричит ему:

— Меня убей, Владимира не убивай!

Белка кричит ему:

— Меня убей, Владимира не убивай!

Кукушка кричит ему:

— Меня убей, Владимира не убивай!

Волк бежит, медведь из-за кедра высунул, сохатый **) рога тянет, выдра на брюхе ползет, все кричат:

— Меня убей, Владимира не убивай!

Совсем, совсем испугался Долбонэ. Думает:— „Волка убью—медведь меня задерет; медведя убью—волк меня заест; кукушку убью—глухарь меня крыльями набьет; глухаря убью—кукушка заклюет; сохатого убью—выдра утопит; выдру убью—сохатый ногами замнет; белку убью—все рассердятся!“

Никого не стал убивать Долбонэ. Зайца убил.

Только убил зайца—смотрит:—Владимир рядом стоит!

Смеется и говорит:

— Почему меня не убил, Долбонэ?

Долбонэ говорит:

— У тебя головы не было.

— А почему в спину не стрелял?

— У тебя спины не было.

— А почему в поясницу не стрелял?

— Тебя самого не было.

Владимир говорит:

— Глупый ты, Долбонэ! Пойдем домой.

Пошли они домой, звери по лесу разбежались, каждый за своим делом: белка—в дупло орехи таскать, глухарь—бруснику клевать, медведь—малину сосать, волк—зайцев драть, выдра—норку копать, кукушка—совсем молчать.

Стыдно итти Долбонэ с Владимиром. Долбонэ говорит:

— Стыдно с тобой итти.

Владимир говорит:

*) Копалята—глухарята.

**) Сохатый—лось.

— Почему стыдно?

— Долбонэ хуже волка был, тебя убить хотел.

Владимир говорит:

— Нет, не хуже, а такой же, как волк. Волк зайца задерет, мясо съест, шкуру бросит, а шкура денег стоит. Ты меня хотел убить, три рубля получить, а я, может, дороже стою.

Тут кончились Владимиру десять лет. Ушел Владимир из тайги.

Ходит Долбонэ по тайге, думает:— „Почему у Владимира головы не было?“

— Я загораживала,—говорит пихта.

— Почему у Владимира спины не было?

— Я загораживал,—говорит богульник.

— Почему Владимира самого не было?

— Мы загораживали,—кричат звери.

Худо у Долбонэ охота пошла. Прицелится он в белку, а белка кричит:

— Ты Владимира убить хотел, а Владимир дороже нас всех,—и убежит от него.

Прицелится Долбонэ в сохатого, а сохатый кричит:

— Ты Владимира убить хотел, а Владимир дороже нас всех,—и убежит от него.

Много лет прошло. Стали по тайге говорить—сегодня скажут, через месяц скажут: на Тялякене *) зимовье поставили—белку берут, муку дают, соль, сахар дают, сукно дают, все дают, много дают, в пять раз больше, чем купцы. У кого белки нет, тем в долг дают.

Пошел Долбонэ в зимовье на Тялякене. На зимовье так сказал:

— Белки у меня нет, а муки надо.

А ему сказали:

— Ты—эвенк? Ружье есть? Собака есть? Глаза, ноги есть? Бери!

Долбонэ спросил:

— Почему даете? А если не отдам?

А ему сказали:

— Куда денешься? Другой раз не дадим.

Долбонэ сказал:

— Верно, куда денусь? Если не отдам, купец рассердится, другой раз не даст.

*) Тялякен — небольшая речка недалеко от Туринской культбазы.

А ему сказали:

- Теперь купцов нету.
- Ну, царь рассердится.
- И царя нету.
- А куда девался?
- Сбросили.
- А кто же торгует?

Сказали ему:

— Государство торгует. Советская власть торгует.

Долбонэ понять не может. Ему сказали:

— Ребятишки есть?

Долбонэ сказал:

— Есть парнишка.

Ему сказали:

— Веди парнишку на Илимпейскую тундру¹⁾. Там теперь большое зимовье поставили: доктор живет, учитель живет. Парнишку грамоте научат, он сам торговать в кооперативе будет. Потом в большой город поедет, учиться будет.

Долбонэ сказал:

— Это Владимир, что у нас жил, царя теперь сбросил и торгует?

Ему сказали:

— Владимир. Только здесь он не жил, а в другом месте жил.

Долбонэ сказал:

— Почему врете? Здесь жил, помню.

Пошел Долбонэ домой и все думает: „Как же Владимир здесь не жил, когда он жил здесь? Вот как может выйти, что у человека голова кругом пойдет: жил Владимир здесь, а говорят—не жил“...

Сколько народу в тайге? Столько, сколько звезд на небе. Если завидовать каждому—жилы посохнут. А если жить вместе, как Владимир говорит,—хорошо выйдет: один щепотку пороху даст, другой пистону даст, третий—совет даст. Хорошо Владимир сделал, совсем хорошо.

И запел Долбонэ песню:

„Темный был Долбонэ, злой,—
Владимир в тайгу ум принес.
Теперь в тайге светло.
Где же Владимир жил?“

(Записано в 1931 году в Западной Сибири).

¹⁾ Илимпейская тундра— по имени реки Илимпеи.

Эвенкийский народ, став на путь Ленина, сделал „чудо“ — совершил прыжок от первобытного состояния прямо в коммунизм. И тем величественнее встает перед нами гуманная, благородная сила коммунизма, поднимающая до себя отсталые в прошлом народы и создающая им светлую, радостную, творческую жизнь. Недаром приведенная выше эвенкийская сказка так и называется: „Теперь в тайге светло“.

НОВЫЕ ЛЮДИ

I. ОХОТНИКИ

Якут Горохов Николай Иванович летом, обычно, скучал. Хотя на берегу моря Лаптевых лето и нежаркое, выше двенадцати градусов тепла не бывает, и недолгое, всего каких-нибудь два с половиной месяца, все же летом Николай Иванович чувствовал себя тоскливо.

Будь он оленевод, скотовод, рыболов или строитель— тогда другое дело: как раз летом-то он и развернулся бы. Но Горохов—бригадир охотников. Поле его деятельности—вся прибрежная тундра. Предмет его внимания—песец, лисица, горноста́й, белка, бурый медведь, лось, дикий олень и т. д. Добрые эти звери и животные отдадут ему драгоценные свои шкуры и вкусное мясо. Сыт и богат будет Николай Иванович. Не пропустит он, конечно, и волка, и рысь, и росомаху, и сурика-тарбагана, и ласку, и зайца... И, между прочим, подстрелит он куропатку, глухаря, утку, дикого гуся и казарку... Больше чем достаточно Николаю Ивановичу зверей, животных и птиц, за которыми он будет охотиться. Перехитрить осторожного зверя, выследить и налететь с собакой на песца, из винтовки угодить белке в глаз, чтобы шкурку взять в сохранности, или выгнать из лесу чернобурую кумушку на тундровый простор и вихрем налететь за нею на оленях... Что может быть увлекательнее?!

Жизнь Николая Ивановича на охоте—это стремительность движений, свист нарт, лай собак, точный выстрел, а потом теплая охотничья избушка или тордох, вкусный обед с товарищами, веселые рассказы и песни.

Интерес и смысл этой жизни Николая Ивановича заключается, прежде всего, в добытом ворохе драгоценной пушнины к концу сезона, а потом уже все остальное: деньги,

продукты, новая одежда, новые колхозные дома, музыка, учеба, собрания и слава лучшего бригадира охотников.

Не променяет Николай Иванович свою жизнь ни на какую иную, если там не будет охоты.

Он еще молод. Ему только двадцать семь лет. Но он уже признан лучшим охотником Якутской республики!

Что годы! Не в годах дело, а в умении выследить зверя, в знании его повадок, в умении заставить пасти, черканы и капканы и, наконец, в охотничьей ловкости и настойчивости.

Старостин Иван, Стручков Ефим, Стручков Александр, Стручков Гаврила, хотя некоторые из них и старше годами, охотно вошли в бригаду Николая Ивановича, отлично зная, что никто из них не сумеет так подготовить и организовать охоту, как это сделает он.

До вступления в колхоз Николай Иванович был кочевником, пришел из тундры, попросил включить его в новую жизнь, и в первые же охотничьи сезоны количеством пушини показал, что он знает зверя и умеет его добывать. Правление колхоза и сами охотники-колхозники утвердили его бригадиром.

Теперь, летом, он тосковал. Оленеводы, пася оленей в тундре, делали большое дело: оберегая и преумножая оленье стадо, они увеличивали колхозное богатство. Скотоводы и коневоды заботились о коровах и кобылицах, оберегали их, кормили, доили, снабжая колхозников молоком и маслом. Они тоже делали большое дело. Рыболовы неводили в озерах и реках рыбу, заготавливая на зиму дополнительное питание. Труд их важен и значителен. Строители воздвигали новые, бревенчатые колхозные дома и сооружали в них невиданные русские печи, что признается всеми колхозниками делом огромной важности. Горохову же пришлось заготавливать сено.

Не нравилась ему эта работа: коси, суши, сгребай, складывай, а придет корова и весь его труд превратит в дерьмо. Молоко! Но ведь он с осени уедет в тундру за триста километров от колхоза. Он будет там жить до апреля и не увидит ни коров, ни молока. Корова нужна для тех, кто на всю зиму остается дома, а ему, охотнику, любви звери, тундра, олений бег, раскаленная печка в чуме и разноцветные шкуры, золотящиеся при свете огня.

До середины августа он все же работал по заготовке

сена, а потом взял винтовку, оседдал оленя и помчался в тундру, к берегу моря.

* * *

Территория якутского колхоза „Красная звезда“ простирается на тридцать тысяч восемьсот девяносто семь квадратных километров. Эта площадь равна десятой части Японии, в полтора раза превышает Эльзас-Лотарингию, на две с лишним тысячи километров больше Тюрингии и равняется крупнейшему германскому государству—Саксонии. А заселяют ее всего только двести двадцать один человек, вместе с грудными младенцами.

Есть где разгуляться Николаю Ивановичу! В районе охоты, на пространстве сто квадратных километров, как пушки расставлены восемьсот песцовых пастей. Он должен их осматреть, отремонтировать, подготовить к бою песка. Ему надо заглянуть в охотничьи станы, проверить состояние погребов, где будет храниться продовольствие для людей и приманка для зверька. Ему надо обследовать побережье моря, найти места с наибольшим количеством песцовых нор и определить главные пути, по которым этот драгоценный зверь пойдет зимою вглубь тундры за мышами (летом он питается отбросами моря), чтобы тут-то, на его пути расставить пасти. Надо заглянуть и в лесотундру, посмотреть, где наибольшее количество зайцев (значит, тут будут и лисицы). Надо обследовать гнездовья белок, побывать на озерах и реках, высмотреть гусей и уток. Надо проследить: не бродят ли поблизости дикие олени и сохатые. Все бригадир должен знать заранее, как полководец должен знать места предстоящего боя.

Пятнадцать дней пропадал Николай Иванович в тундре. Вернулся радостным и довольным. Наконец-то он взялся за свое любимое дело. В первых числах сентября, вместе со своей бригадой, с оленями, с материалами для ремонта пастей, с передвижными тордохами, с ружьями и охотничьими припасами, выехал он на место охоты. С ними вызвалась ехать и молодая колхозница Старостина Марфа Ивановна в качестве хозяйки и помощницы по с'емке шкурок.

Два месяца, обычно, продолжается осенняя охота—сентябрь—октябрь. В это время охотники стреляют дичь и зайцев, загоняют и бьют оленей и сохатых, с половины октября начинают стрелять белок и не забывают в то же

время ремонтировать пасты, подготавливать капканы, черканы и самострелы. К первому ноября, когда земля плотно покроется снегом и наступит мороз градусов двадцать пять—тридцать, у охотников уже заготовлено на зиму мясо, насторожены пасты, выкормлены олени. Начинается главная охота.

Горохов бригаду свою расставил так: Стручкову Александру, как старому и наиболее опытному охотнику, отвел участок лесотундры со 190 пастями и тридцатью капканами на лисиц и горностаев.

Стручкову Гавриле—молодому охотнику предоставил чистую тундру на побережье моря. Там поставлено 200 пастей. Там широкий простор для быстрой езды на оленях. А Гаврила любит стремглав лететь по тундре на оленях: Да и хлопот там меньше: кроме песцов никаких других зверей не водится.

Стручкову Ефрему и Старостину Ивану Горохов отвел смешанные участки—тундры и лесотундры, чтобы они смогли в свободное время поохотиться за сохатыми и дикими оленями.

Перед раз'ездом по охотничьим избушкам бригада собралась на стане. Марфа напекла горячих лепешек и наварила вдоволь оленьего мяса. Горохов припас две бутылки спирта. Они устроили перед началом охоты праздничный обед.

* * *

Тундра зимой безмолвна. Мороз как бы сковывает воздух. Ничто не шелохнется, не щелкнет и не треснет. Только, если выйдешь из избы на воздух, слышен шум мгновенно замерзающего пара собственного твоего дыхания. Шум этот подобен шуршанию соломы: как будто кто ворошит ее у тебя над головой...

Олени бродят возле стана. Копытами они деловито разгребают снег и с хрустом поедают мерзлый ягельник.

Кругом безмолвье.

В белом окружении ничего не видно, но тем ярче представляешь себе, как в этот именно момент, быть может, лисица настигла зайца, и он голосом младенца в последний раз кричит: „уа“.

Волк, возможно, где-нибудь недалеко отсюда торжественно перехватил оленю горло, и тот в предсмертных

судорогах трепещет в снегу. Песец, чувствуя приятный запах рыбы, наверное, уже крадется к деревянной пасти. Вот он осторожно влезает в темное пространство между досками. Вот рыба перед ним. Он схватил ее зубами и умрет под бревном на радость человеку... Всюду жизнь и смерть, борьба и радость. А кругом—белое, неподвижное безмолвье тундры.

Сегодня весело в охотничьей избушке. Пять охотников сидят вокруг стола. Пять свечей пылают на столе. Когда эти люди раз'едутся по своим избушкам, там они зажгут по одной свечке. А здесь, когда все вместе, пусть свеча каждого сияет. В темной и холодной тундре блеск огня рождает радость.

В железной печке, посреди избушки, потрескивают сухие ветки. Стенки печи подобны зареву. Зарево и на щеках у Марфы. По-домашнему раздевшись, засучив рукава, она ловко орудует вертелами, испекая на огне лепешки. На смуглой коже ее овального лица блестят крупные капли пота, и, как эти капли пота, блестят ее узкие, черные глаза. И кажется, не печь и свечи, а сама эта румяная, с блестящими глазами женщина,—источник света и тепла.

Хорошо в охотничьей избушке, когда в ней поселится женщина!

Стол завален дымящимся оленьим мясом и горячими лепешками. Среди лепешек полная чашка янтарного масла. Искрятся стаканы, наполненные спиртом. Над стаканами пять скуластых, безусых и безбородых лиц освещены розоватым светом. Пять пар черных глаз сияют довольством и весельем. Резко очерченные тени на низком потолке и стенах, как темные драпир, скрывают остроту углов и неприглядность неотесанных, шершавых бревен. В тундровой избушке, снаружи обсыпанной землей, тепло, светло, уютно.

Горохов, подымая стакан, сурово говорит:

— Итак, товарищи, наконец-то и для нас пришло время показать свою работу. Оленеводы наши, соревнуясь между собой, добились больших успехов. Скотоводы, строители работали летом хорошо. Среди них много ударников и стахановцев. Ну, а мы что скажем?

— Не будем отставать!—воскликнул Гаврила.—Я буду три раза в месяц осматривать пасти. Всю зиму у меня будут пасти настороженными!

— Правильно!—И я также буду работать,—сказал Ефрем.

— И я,—подхватил Иван.

Старший из них, сорокадвухлетний Александр, посмотрел на молодых своих товарищей, улыбнулся и заключил:

— Дело не только в насторожке пастей. Надо, чтобы и шкурки были первым сортом, чтобы и приманка была вовремя заменена, надо, чтобы охотник ни в чем не нуждался.

— Все будет доставлено,—ответил Горохов.— Смотрите, чтоб не спать.

— Об этом ты можешь не беспокоиться,—заговорили все,—не за тем сюда приехали.

— Имейте в виду,—продолжал Горохов,—вторая бригада Бурцева заявила правлению, что в нынешнем сезоне они надеются по добыче пушнины быть на первом месте.

— Ну, это мы еще посмотрим!

— Я тоже так сказал им. Я вызвал их на соревнование. Двести песцов дадим?

— Обязательно!

— А кто сколько?

Охотники задумались. Вспомнили прошлые годы, когда они были кочевниками, добывали по двадцать—тридцать песцовых шкурок.

— Ладно,—сказал за всех Александр,—по пятьдесят на каждого, а кто больше, тот будет ударником.

— За ударников!—подхватил Горохов.

Пять звезд вспыхнули одновременно перед свечами на доньшках стаканов. Потом они выпили за дружбу, за „Красную звезду“, что сияет теперь в тундре, за счастливую жизнь под этой звездой.

— Марфа!—кричали охотники,—иди сюда, Марфа!

Сияющая Марфа подходит к столу.

— Эх, родная моя раздольная тундра!—крикнул Горохов,—споем!

И в маленькой, низенькой охотничьей избушке, при ярком свете и в тепле раздались песни о далекой, невиданной Москве, о Красной армии, о родине, о Ленине и Сталине—песни, что очень часто и подолгу звучат теперь в колхозном клубе с пластинок патефона. До слез волнуют эти песни в тундре.

Но кончился праздник. Пора по местам. Охотники запрягли своих оленей и с гиком и песнями, вздымая снежную пыль, умчались в тундру на охоту.

Когда в апреле подвели итоги зимнему пушному промыс-

лу, оказалось, что бригада Бурцева добыла 137 песцов, 5 волков, 198 горностаев, 324 белки и 2 росомахи. Бригада Горохова добыла 412 песцов, 1 волка, 174 горностая, 10 лисиц, 203 белки и 2 росомахи.

Первенство в социалистическом соревновании и на этот раз осталось за бригадой Горохова. План пушной заготовки выполнен ею на 277 процентов. Бригада в целом заработала 48.253 рубля.

II. КАЮРЫ

В колхозе „Красная звезда“ об'единились, в основном, три бывших кочевых якутских рода и потому почти у всех колхозников фамилии Стручковы, Гороховы да Старостины.

Стручков Афанасий Федотович и Стручков Григорий Иванович перед наступлением зимы тщательнейшим образом отбирали для себя из колхозного стада самых лучших оленей. Афанасий Федотович брал, главным образом, туров (быков) и наиболее крупных из них, тяжеловесных. Григорий Иванович предпочитал важенок (самок) легких, наиболее подвижных и быстрых. Афанасий Федотович формировал грузовой колхозный транспорт, а Григорий Иванович — почтовый.

Центр колхоза — Намы находится на расстоянии 450 километров от районного центра — села Кюсюр. Ближайшие населенные пункты — Нййба — в 280 километрах, Хоптолох — в 400 километрах.

Летом, с половины июня до половины сентября, сюда можно добраться только верхом на лошадях и никак иначе. С половины сентября и до ноября и с апреля по июнь всякая связь с внешним миром, в том числе с районным центром и ближайшими селениями, прекращается. И только зимой, с первого ноября, устанавливается между этими населенными пунктами грузовое и почтовое сообщение.

Северная холодная зима имеет для людей и свои благодетельные свойства. Зима дает возможность людям установить регулярное движение по тундре. Колхозы организуют олений транспорт. В течение зимы сюда „забрасываются“, как здесь говорят, продовольственные, товарные и строительные грузы на весь год. Отсюда вывозят в районный центр пушнину и другие грузы, накопившиеся за год в колхозах. Сюда приезжают советские работники: инструктора, агита-

торы, ревизоры или разного рода научные экспедиции. Отсюда едут в центр Якутской республики молодые колхозники на учебу или в район на различные колхозные курсы.

По договору с районным отделением связи колхозы ставят, на пятидесяти километрах одна от другой, почтовые станции и берут на себя обслуживание их. Отделение связи платит за это колхозу 1075 рублей в месяц за каждую станцию. В эту сумму входит и перевозка работников связи. Если же едет человек, не имеющий отношения к почте, то с него колхоз берет 50 копеек и полкопейки с килограмма багажа за каждый километр езды. Колхоз организует бригаду почтово-пассажирского транспорта, выделяет опытного бригадира, который отвечает и за состояние станций, и за сохранность почты, и за своевременную доставку людей, и за оленью упряжь, и за самих оленей.

Для перевозки тяжелых создается особая бригада, которая имеет дело только с мертвым грузом. Бригады легкового и грузового транспорта заключают между собой договора социалистического соревнования. Колхоз в целом заключает договор с другим колхозом на количество перевозок тяжелых грузов, почты, пассажиров, на быстроту передвижения, на сохранность оленей и транспортного инвентаря. В результате и среди транспортников (каюров) выявляются ударники и стахановцы.

Афанасий Федотович взял в свою бригаду молодых колхозников-комсомольцев Стручкова Архипа и Рожина Христофора. Первую поездку он решил проделать сам, чтобы передать свой опыт старого каюра молодым товарищам.

Заранее уложили они на каждые сани по десять пудов груза и крепко его связали. Афанасий Федотович предложил каюрам взять по десять саней на человека. Значит, каждый каюр будет сопровождать десять пар оленей, везти сто пудов, а вся бригада в целом за один рейс перебросит триста пудов груза. Для каюров-нестахановцев—это неслыханная цифра.

Но этого мало. Нужно сделать так, чтобы груз доставить быстро, увеличить тем самым количество рейсов и сохранить при этом работоспособность оленей.

Афанасий Федотович распорядился взять еще по одной повозке и по паре оленей на каждого каюра, уложить на эти повозки тордохи, железные печки и продовольствие на сорок пять дней. Первого ноября обоз, в тридцать три пары оленей, с тремястами пудов груза, тронулся в путь на 450 километров по тундре.

Первый день погода была хорошая. Выглянуло солнце. Недолго оно стояло на горизонте—огромное, огненно-красное, бросающее розоватый блеск по снежной тундре—и свалилось за туманный от мороза горизонт. Но до солнца и после него долго еще было светло. Олени шли весело. Легко и быстро скользили ли нарты по неглубокому снегу.

Впереди ехал Афанасий Федотович, за ним Архип, позади Христофор. Обоз растянулся на километр. Олени еще не освоились в ходьбе парами: путались, сбивались со следа, отставали. Архип и Христофор занимались тем, что придумывали различные слова и выкрики, чтобы приучить оленей подчиняться этим словам и выкрикам.

— Тозй!—кричал Архип.

— Тозй!—подхватывал Христофор, останавливая при этом первую пару оленей, на которых ехали сами. Весь обоз на время останавливался. Олени, таким образом, усваивали значение крика „тозй“ как „стой“.

Ехали дальше. Надо приучить оленей, чтобы они сворачивали, когда нужно, вправо или влево. Архип и Христофор кричали:

— Ток, ток! И поворачивали своих оленей направо.

— Та-дак, та-дак!—кричали они и поворачивали оленей налево.

Чтобы подогнать оленей Архип и Христофор кричали:

— Медведь! Медведь! Или: „Близко дом“ и пускали своих оленей в бег. Остальные пары следовали за ними.

Олени быстро усваивали язык человека и послушно выполняли приказания. Это было занято, даже весело.

За первый день пройдено было сорок километров с одной остановкой. Это был короткий отдых часа на два, во время которого выпряженные и отпущенные в тундру олени поели ягельника. Люди всухомятку на морозе съели по куску говядины с хлебом.

На следующей остановке они опять отпустили оленей в тундру, а сами раскинули тордохи, растопили печки, вскипятили чай; наелись, разостлали в тордохах олени шкуры и великолепно выпались прямо на снегу, на свежем воздухе.

На утро потянул с востока ветерок. Афанасий Федотович приказал собрать оленей, запрячь и тронуться в путь. Но ветер усиливался. Потекла поземка. След от нарт мгновенно заносило. Дорога становилась все труднее и труднее. Олени начали приостанавливаться.

За этот день Афанасий Федотович с молодыми своими

каюрами с большим трудом сделал всего только 20 километров пути.

К ночи загудел буран. По снежной тундре, как по танцевальному залу, закружились высокие белые призраки. Им нет препятствий. Они не могут остановиться. С гулом и воем, кружась, мчались они с востока на запад. Бесчисленные, огромные, вихревобыстрые, они заполняли собою все пространство, преграждая путь, сбивая с дороги, туманя глаза, засыпая мелким колющим снегом людей и оленей. Дальше двигаться было нельзя. Каюры отпустили оленей в тундру, спрятались в тордохи, решив переждать погоду.

Пятнадцать дней продолжался буран. Пятнадцать дней люди не видели солнце. Пятнадцать дней жили они в своих кибитках, опасаясь как бы не сорвало их с места ветром и не унесло в тундру. Но тордохи занесло снегом и людям было тепло. Под нартами образовались высокие сугробы, и олени, пробив копытами путь в сугробы, нашли в них защиту от ветра и корм.

Ничего трагического не было. Северные люди умеют приспосабливаться ко всяким условиям. Зимний буран им не в диковинку. Но время, время дорого! Высидеть пятнадцать дней без движения, когда надо ехать—это было невыносимо. Архип и Христофор, чтобы заглушить досаду, пели песни, рассказывали сказки, вылезали из темных чумов своих на свет, плясали и кружились в тундре, подражая белым призракам. Это было и забавно, и страшно, и воспитывало чувство храбрости.

Наконец, буран как будто оборвался. Внезапно наступило безмолвие, штиль. Открылась и засверкала на солнце белоснежная тундра мириадами ослепительных искр.

Ехать!

Каюры быстро свернули свои тордохи, откопали нарты, запрягли оленей и тронулись в путь. Афанасий Федотович решил наверстать потерянное время и до конца использовать штильную погоду. Он стал чаще делать остановки, чтобы не утомлять оленей и потом быстрее двигаться дальше. Они не делали ночевок, а вели караван поочередно, останавливаясь лишь на кормежку оленей. Они выбирали такой путь, где больше было ягельника, чтобы олени быстрее и лучше наедались. Главное—олени. Сытые и неутомимые, они могут двигаться быстрее коней. И

Афанасий Федотович со своими каюрами покрыл остальной путь до районного центра за семь суток.

Здесь они не стали, как это делают каюры-нестахановцы, сидеть несколько суток под предлогом кормежки оленей (вокруг села пастбища выбиты—плохая кормежка оленям). Афанасий Федотович, Архип и Христофор быстро разгрузили на базе торговой конторы свои нарты, взяли груз для колхоза и отправились в обратный путь.

Погода была на этот раз чудесная. Все время стояло на небе почти незаходящее солнце. Ночь заменялась сумраком, загорались сполохи. Это было красивее, чем днем. Весь горизонт пылал радужными красками. Краски переливались, играли, исчезали и вновь появлялись, будто летали по небу чудесные птицы с огромными разноцветными крыльями.

Каюры, лежа на нартах распевали песни, кричали, свистели, и, казалось им, что птицы эти слышат их: то встрепаются они и улетят, то вновь раскинут по небу яркие крылья; хотели бы они, казалось, спуститься на землю, но боятся каюров.

Олени шли хорошо. Они уже понимали язык человека и послушно исполняли приказы.

Афанасий Федотович делал остановки частые, но короткие. Архип и Христофор даже не ставили тордохи. Приезжая на станцию, они торопились выспаться, закусить, выпить горячего чаю и снова в путь. Каюры-стахановцы познали цену времени. В этом было их отличие от других каюров. Сокращенное время давало почет, славу, богатство колхозу и личный доход в два раза больше.

Афанасий Федотович, Архип и Христофор за зиму сделали пять рейсов между колхозом и районным центром вместо обыкновенных трех. Они перевезли 1500 пудов груза. Они полностью и на весь год снабдили колхоз продовольствием, промышленными товарами и строительными материалами. Они покрыли в общей сложности 4500 километров пути, сохранив работоспособность оленей. Они заработали по шесть тысяч на каждого и колхоз получил дохода от транспорта 57 тысяч рублей.

Стахановский труд и на Севере дает великолепные результаты. Стахановцам и буран—не помеха.

III. ДЕНЬ ОЛЕНЕВОДА

Кончилась зима. Наступил апрель. Хотя морозы стоят от 15 до 25 градусов, но это уже весна. Возвращаются с промысла охотники, выпрягают оленей транспортники, готовятся к летнему сезону оленеводы и скотоводы.

Апрель—месяц отдыха и праздников. Особенно весело и шумно справляют колхозники День оленевода. К этому дню готовятся весь год. О нем часто думает пастух, бродя за оленьим стадом: „А что скажут мне в День оленевода? Как оценят мой труд? Какую получу награду?“

Об этом празднике долго потом вспоминают, делясь впечатлениями о пережитом и виденном. О нем мечтают, как о высшем торжестве колхозного труда.

Подготовка к празднику начинается задолго до апреля. Правление колхоза выводит цифровые данные по всему оленеводческому хозяйству, выявляет ударников и стахановцев, определяет доходы, намечает премии. К этому дню готовится общеколхозный торжественный обед. Молодежь и школьники репетируют спектакль, выпускается стенгазета, мобилизуются музыканты со всеми музыкальными инструментами, и составляется самодеятельный оркестр. Но, самое главное, из всего трехтысячного стада оленей отбираются самые сильные и самые быстрые буры и важенки, и специальные наездники начинают тренировать их для соревнований на межколхозных, а затем и на районных оленьих бегах.

Наступает праздник. Из соседних колхозов приезжают гости. Все одевают самые лучшие праздничные одежды, а теперь уже нет на Севере такого колхозника и колхозницы, которые не имели бы европейского пальто, костюма, платья и обуви. Посмотрите, мол, соседи, как мы живем богато!

Каждая семья, помимо общеколхозного обеда, считает своей обязанностью приготовить изысканнейшее и обильное домашнее кушанье и пригласить к себе гостей. Посмотрите, мол, люди, как мы вкусно и сытно кушаем!

Древний, еще родовой обычай якутов, при удачной охоте или при убое коровы обязательно созывать членов своего рода и угощать их свежим мясом, сохранился до сих пор, но принял иное содержание. Тогда люди спасали друг друга от голода, а теперь это—демонстрация колхозного богатства.

Утро начинается торжественным собранием в колхозном клубе. Приходят все, кто может ходить, и детей несут на руках. Клуб украшен зеленью, хотя бы пришлось за нею съездить за сотни километров. Найдены и красные полотна. Написаны лозунги. Развешаны портреты наших вождей, вырезанные из газет и журналов. Выбираются почетный и деловой президиумы. Знатные люди колхоза — стахановцы под аплодисменты колхозников занимают места на эстраде. Председатель колхоза, 25-летний комсомолец Стручков Егор Иванович, начинает доклад.

Колхоз „Красная звезда“ за год получил дохода 22.580 рублей. Чистый доход на одного колхозника в среднем выражается в 4.791 рубль, максимальный — в 8.107 рублей, а некоторые колхозники заработали до 13 тысяч рублей. На трудовень приходится в среднем 4р. 26 коп.

—Хо!—раздается одобрительно в зале.

—Кроме денег, натурой колхозники получили, в среднем, на одно хозяйство по 128 килограммов мяса домашних животных, по 118 литров молока, по 26 килограммов рыбы и по 91 килограмму мяса диких оленей, сохатых и птиц. Это только от колхоза, не считая того количества продуктов, что каждая семья получила от собственных коров и оленей и от индивидуальной охоты.

За три последних года колхоз построил 7 охотничьих избушек, 270 капканов, 3653 песцовых пастей, 170 черканов, 10 охотничьих тордох, 2 палатки и, кроме того, приобрел 9 берданок и 92 железных печки для охотников. За это время колхоз построил 16 жилых домов для колхозников, 5 общественных домов, 6 амбаров, 23 хотона (хлева) для скота; приобрел 3 сенокосилки, 3 конных грабеля, 8 сепараторов, более 100 рыболовных сетей и много конской и оленьей упряжи.

В колхозе теперь есть все необходимое для дальнейшего развития охотничьего промысла, оленеводства, скотоводства, рыболовства и еще большего подъема культуры и материального благополучия колхозников.

Стручков говорил ровным, спокойным голосом, как будто недоволен был этими цифрами. Но колхозники-старики и женщины по себе знали, что за жизнь была, когда они кочевали, и как живут теперь, когда стали колхозниками.

Цифры для них — результаты нового их труда, и люди горячо аплодировали.

А потом шумно награждали стахановцев премиями:

костюмами, отрезами шелка и даже патефонами. Одним словом, это было такое же торжество, как торжествуют всюду у нас в Советском Союзе, когда подводят итоги годовой работы.

* * *

Первый день целиком был посвящен внутриколхозному празднеству. После собрания начался всеобщий обед, длившийся до самого вечера, а затем—спектакль, музыка, танцы.

На другой день утром назначены были оленьи бега.

Этот вид празднества введен был в Якутии только в 1936 году. В старину на весеннем празднике „Ысыах“ якуты одного рода съезжались в какое-либо селение и тут происходило соревнование, кто сколько съест мяса или кто больше выпьет топленого масла. Находились такие „герои“, что сразу съедали стегно коровы и выпивали по несколько фунтов коровьего масла. Теперь, разумеется, все это отпало. Былые игры—борьба, прыжки, скачки на лошадях и оленях, превратились в подлинные спортивные игры, а оленьи бега—в демонстрацию достижений колхоза по выращиванию наиболее сильных и быстрых животных. В этом есть и хозяйственный расчет: из беговых оленей отбирают лучших самок и производителей на племя. Оленьи бега, таким образом, являются самым значительным моментом в празднике—День оленевода.

В полдень все население поселка Намы выехало на оленях в тундру. На беспредельной равнине по кругу расставлены были вехи обозначающие различного расстояния дистанции. В ожидании начала бегов люди со своими оленями расположились по вехам.

День был теплый—пятнадцать градусов морозу. После трехмесячного отсутствия солнца, когда на земле был только сумрак, оно всплыло и засияло там, за горизонтом, ослепительно-яркими лучами. Солнце поднялось теперь уже на все лето и остановилось оно на одном месте, огромное и неподвижное. Поселок Намы растянулся на берегу реки Омолоя. Река и поселок покрыты плотным слоем снега. Вдали на горизонте до самого неба поднимаются бурые Хараулахские тундровые горы с мелколесьем и лишайнично-лишайниковой растительностью. Там, обычно, зимою пасутся колхозные олени.

Ясное, бледномолочное небо над белой равниной. Холодное сияние арктической тундры под неподвижным солнцем. Тишина. Радостно видеть в этой снежной пустыне веселых людей и яркоалый стяг, развевающийся над домом правления колхоза.

Среди собравшегося на поле народа, послышались крики, говор, гул. На поле замелькали красные флажки в руках людей, вышедших руководить бегами. Наступил торжественный момент.

Стручков Егор Иванович поднялся на одну из нарт и коротко сказал о важности предстоящих состязаний для колхоза в деле развития оленеводства.

Стартер быстро закружил в воздухе флажком, и в тот же миг на круг вылетели три пары красивых животных с высокими, разветвленными рогами. Они мчались в ряд, и легкие нарты для каждой пары оленей, казалось, летели по воздуху. Мгновенно они очутились на старте. Послушные выкрикам наездников олени выровнялись и замерли, вытянув морды.

Зрители затихли, насторожились, затаили дыхание: „Ну, чья возьмет?“

На первой нарте сидел сам Егор Иванович Старостин — заведующий колхозной оленефермой, известный на всю Якутскую республику оленевод.

На второй нарте — Стручков Софрон Алексеевич — счетовод колхоза и оленевод. На третьей — Стручков Архип Алексеевич — бригадир стада важенок.

Все готово. Бег на дистанцию 500 метров.

Стартер махнул флажком, и олени рванулись.

Они не бежали, нет. Тонкие их ножки рябили в глазах. Тупые мордочки на вытянутых шеях, кустики рог и серые бородки под челюстями буквально промелькнули перед зрителями. Люди, казалось, не успели вздохнуть, как уже снова взвился флажок, отмечающий пройденную дистанцию.

Две пары оленей — Старостина Егора и Стручкова Архипа — пролетели 500 метров за 51 секунду. Стручков на 2 секунды отстал.

Народ проводил наездников аплодисментами и криками „Хо“!

На старт вошли следующие три пары оленей. Выскочив из гущи людей, оленей и нарт, полукругом расположившихся возле вешек, они красиво обогнули поле, взвихри-

ли снежную пыль и остановились, от нетерпения подрагивая шерстью.

Дистанция установлена была на 3 километра. Наездниками на этот раз были гости, приехавшие на праздник из соседнего колхоза „Красный Тюгасир“. Это придавало бегу особый задор: кто победит!?

Взлет флажка стартера, протяжный разноголосый гик, мгновенный рывок оленей, свист нарт по снегу, белый вихрь, и шесть рогатых бегунов умчались далеко по кругу, исчезая в серебристой пыли. Сделав полный круг, две пары пришли к старту почти одновременно: первая за 4 минуты 31 секунду, вторая 4 минуты 32 секунды. Третья пара отстала на 7 секунд.

Зрители остались довольны. Если сравнить с бегом оленей первого заезда, то вторые на дистанции в шесть раз большей отстали только на одну секунду. Значит, олени сохраняют одинаковый темп бега, как на 500 метров, так и на 3 километра.

На третий заезд выехало сразу 39 нарт—все олени, что были на бегах. Все взрослые колхозники оказались наездниками. У вешек остались в большинстве женщины, старики и дети. Предстояло самое грандиозное соревнование уже на дистанцию в 5 километров. Семьдесят восемь оленей выстроились в ряд. Сотни рогов, как пики, заколебались в воздухе.

Пар, как дым, клубами подымался к небу.

Казалось невероятным, что целое оленье стадо без кнута и вожжей можно выстроить по нитке для организованного бега. Но прошло минут десять, и рогатая орава выровнялась на линии старта. Раздававшиеся выкрики наездников затихли. Олени замерли, настороженно подняв уши. Зрители, даже дети, стояли молча.

И вот взвился флажок. Голоса наездников взорвали тишину.

Тридцать девять пар оленей разом кинулись вперед. Тридцать девять нарт как будто поднялись над снегом и полетели вдаль.

Поразительное зрелище! Старт был дан по прямой на все пять километров до финиша. Через минуту, примерно, линия бега нарушилась. Одни олени вырвались вперед, другие отстали, третьи слишком близко подошли друг к другу. Получилось бешено мчащееся оленье стадо, поднявшее позади себя серебристую тучу. Олени стлались по

снегу. Ног не было видно. Только ветвистые рога, колеблясь в воздухе, создавали впечатление летящего по ветру кустарника.

У финиша даже страшновато было. Над белой равниной в тихую, ясную погоду вздыбилась огромная туча снега, а из-под тучи, всхрапывая, щелкая копытами, летит прямо на тебя стая бурых и серых рогатых и бородатых чертей.

Над ними в своих широких меховых дохах наездники, стоя на нартах во весь рост, машут шапками, руковицами, дико вопят и свищут...

Но вот одна пара с шумом и свистом нарт по снегу мелькнула за черту финиша. За ней следом—другая, третья... Вот сразу толпа оленей промчалась. Вот еще одна пара... Мчатся рядом две. На одной из нарт мелькнула женщина. Да, да женщина—якутка из колхоза. Зовут ее Корякина Федора Максимовна. Она—оленовод, учится на зоотехника. Она, оказывается, наездница, и олени ее летят, как черти. Bravo, Федора Максимовна!

... Первым к финишу пришел Стручков Архип—за 7 минут 32 секунды.

— Вторым—Стручков Софрон—за 7 минут 35 секунд.

Третье место занял Стручков Егор Иванович—8 минут 05 секунд.

На четвертом месте оказалась Федора Максимовна—8 минут 12 секунд.

Пятикилометровые бега показали, что олени и на этой дистанции сохраняют в общем ту же стремительность, что и на 500 метров.

Эти бега показали еще, что олень может достигать максимальной скорости в беге—41,7 километра в час. Где же с ним сравняться лошади! Это—скорость почтового поезда! А посмотришь на оленя—милое, тихое, скромное животное; ростом он тебе по грудь, похож на годовалого бычка. Только рога на затылке такие ветвистые, будто кусты растут из пня.

Завершились бега соревнованием на перевозку оленями тяжестей. Тут тоже немало было интересного. Связывали по пять, семь, десять нарт гуськом. На каждые нарты клали по 10 пудов груза. Впрягали одного оленя—бура, и он тащил этот груз на 120 метров.

Один олень вез, таким образом, 53 пуда, другой—68 п., третий —75 п.

Но рекорд побил красавец бур колхоза „Красный Тюгя-сир“, он вез девять нарт грузом в 88 нудов! Стоимость оленя по колхозным ценам такова: бур (кастрат)—85 рублей, хор (производитель)—85 руб., важенка (оленематка)—75 рублей, хорой (двухлетний бык)—65 рублей, тарагайка (двухлетняя телушка)—65 рублей, тугут (теленок)—45 рублей. И только отдельные выдающиеся олени и по вольным ценам стоят 500 рублей.

Какая неприхотливая, быстрая, сильная и в то же время дешевая эта северная рогатая лошадка!

Праздник кончился. Долго будут вспоминать колхозники достижения, продемонстрированные в этот день цифрами, обилием колхозного обеда, спектаклем, музыкой, танцами и великолепными оленьими бегами.

Все до мелочей будет заново обсуждено. А когда наступит лето, люди будут трудиться с мыслью о том, чтобы к следующему празднику притти с новыми достижениями, чтобы будущий День оленевода был еще более торжественным и радостным.

IV. ЕГОР ИВАНОВИЧ

Из многолетнего своего опыта Егор Иванович Старостин знает, что решающим моментом в воспроизводстве оленьего стада является период отела важенок.

Важенки рожают в тундре под открытым небом, на снегу, при 20—25 градусах мороза. Будь в это время ветер или глубокий снег, теленок, появившийся на свет, быстро остывает; не успеет его важенка облизать, как он покрывается льдом. Тогда она бросает его, и тугут гибнет.

Олени круглый год пасутся в тундре. Никаких хлевов для них не делают. Зимой они бродят общим стадом, выискивая себе подножный корм. Но если важенка недостаточно откормлена, если она заранее не набрала сил, то во время отела может погибнуть вместе со своим теленком. Наконец, буран может подняться в период отела важенок. Если они окажутся в незащищенном от ветра месте, разумеется опять потери тугутов неизбежны.

Но Егор Иванович на торжественном собрании в День оленевода дал обещание колхозникам—полностью сохранить приплод оленей. Он даже заключил договор социалистического соревнования с пастухами соседнего колхоза

„Доля“ на полное сохранение молодняка. Значит, он должен будет противостоять морозу и бурану, чтобы спасти от гибели каждого вновь появившегося на свет оленя. А в колхозе 639 стельных важенок. Значит, 639 тугутов пастухи должны принять и вырастить под открытым небом, в снегу и на морозе.

Нелегкая задача!

Егор Иванович—единственный коммунист в колхозе. Он—бывший кочевник. Девять лет тому назад вступил в колхоз и за это время поднял оленье стадо с трехсот голов до трех с лишним тысяч.

Олени его завоевали славу своей силой и выносливостью по всей прибрежной тундре. Около тысячи оленей было продано в соседние колхозы. Оленеферму свою Егор Иванович превратил в оленеводческий питомник. Верховный Совет Якутской республики присвоил ему почетное звание—„Мастер оленеводства“ и наградил высшим отличием в Якутии—значком „XV лет ЯАССР“

Ему, знатному оленеводу республики, взявшему на себя обязательство полностью сохранить молодняк, нельзя не выполнить этого обязательства.

И это не только дело чести. Это в то же время имеет громадное хозяйственное значение, как доказательство возможности полного сохранения оленьего молодняка в колхозах.

Егор Иванович отлично это знал. Он знал также на какие трудности идет. Он все обдумал, взвесил и решительно пошел навстречу трудностям.

Первая задача, которая перед ним стояла и которую должен был решить только он,—найти место в тундре, благоприятное для отела важенок. Такое место должно быть достаточно обширное, чтобы 639 важенок могли пастись в течение месяца отдельно от общего стада. На этом месте не должно быть речек, так как переходить их стельным важенкам нельзя. Оно должно быть сухое, свободное от снега, покрыто мелкими камешками, чтобы родившиеся тугуты быстрее обсыхали и не замерзали на снегу. Оно должно иметь в себе обилие корма, чтобы важенки перед родами могли подкрепить свои силы после пребывания в общем стаде и затем иметь больше молока для своих новорожденных.

Наконец, это место должно быть защищено от холодного северного ветра и возможного бурана.

Егор Иванович объездил сотни километров по тундре, осмотрел все долины рек и речек, облазил склоны гор Хараулахского хребта, побывал в Приморской тундре, пока не нашел искомого места для оленематок и не установил заранее общий маршрут движения оленьего стада.

Теперь ему предстояло решить другую, не менее серьезную, задачу: подобрать надежные кадры пастухов-оленоводов.

Правление колхоза пришло на помощь. Были организованы специальные курсы. Колхозники и колхозницы, главным образом молодежь, учились на этих курсах читать и писать на родном языке. Они знакомились с элементарной зоотехникой, приобретали знания, как надо оказывать помощь оленематке при родах, как воспитывать телят, как вести журнал, куда записываются даты рождения теленка и его пол. Это уже не просто пастухи в былом понятии этого слова. Это — растущая колхозная интеллигенция — зоотехники.

Егор Иванович отобрал из них 16 человек и, отпраздновав День оленевода, выехал со своей бригадой на оленеферму, за сто километров от колхоза — в тундру.

Там для них построен дом русского типа, газокамера для лечения оленей от чесотки; у корраля (огороженное пространство, куда загоняют оленей весной и осенью для подсчета и выбраковки) имеется якутская юрта. Для дежурных пастухов, которые будут находиться непосредственно у стада, имеются два передвижных тордоха из оленьих шкур с железными печками. Там люди будут жить с апреля по октябрь. Там развернется их оленеводческая работа.

По указанию Егора Ивановича важенок отделили от общего стада и перегнали в долину, раскинувшуюся по южным склонам гор.

Здесь именно нашел Егор Иванович благоприятное место. Высокие скалы защищали долину от северо-восточного ветра. Здесь почти не было снега. Россыпь мелкого камня покрывала сухую, покатую почву. Буйная поросль ягельника и мелких листовенных растений составляет богатый корм для оленематок. Тихие, скромные эти животные, глядя иногда черными ласковыми глазами на пастухов, как будто благодарили их за то, что они дали им теплое, сухое и сытое пастбище.

Егор Иванович как бы выкачал себя из личной жизни

на весь период отела важенок и все свои мысли, все силы сосредоточил на выполнение взятых на себя обязательств: не потерять ни одного теленка. Он учил пастухов, как надо обращаться с важенкой в момент отела, как надо определять ее состояние, как оказывать помощь. Сам он умел с первого взгляда распознавать родовые особенности каждой оленематки. Во время осмотра стада, подзвав к себе того или иного пастуха, он говорил: „Смотри, вот этой потребуется помощь, следи за ней, не прозевай! А это справится сама“. И пастухи с удивлением потом убеждались, что было именно так, как говорил Егор Иванович.

В конце апреля начался отел. Шестьсот тридцать девять важенок приносили свои дары колхозу. На глазах у пастухов появлялись новые олени; целое стадо молодых оленей рождалось перед ними.

Егор Иванович установил дежурство.

Круглые сутки посменно пастухи находились в стаде. Он следил за тем, чтобы важенка не делала резких движений, чтобы не толкнули ее другие оленематки, чтобы не вздумала она пойти по льду или бродить по воде. И важенка чувствовала эту заботу о себе. Она покорно принимала указания человека, доверчиво прислушивалась к словам его, а когда наступали роды, она ложилась на землю, смотрела пастуху в глаза так трогательно и нежно, как будто говорила: „Не оставляй меня, помоги!“ И пастух не оставлял ее. Каждому из них по несколько раз в день приходилось быть акушером и, если хотите, няней. Появившегося на свет тугута мать облизывала („высушивала“), спасая его от мороза. Но не каждый новорожденный сразу находил у матери вымя, не каждый сразу поднимался на ноги. Не догляди и тугут погибнет. Пастух брал оленя, как ребенка, на руки, всовывал ему в рот сосок матери, отпаивал его молоком. Если же новорожденный был слаб или плохо облизан матерью и ему грозила опасность замерзнуть, пастух закутывал теленка в теплую доху свою, отогревал его собственным телом и только потом уже возвращал матери.

Наиболее слабых телят приносили в тордох, обсушивали и отогревали у печки, поили молоком из рожка, надоенным у отелившихся маток.

Организация отела колхозных (именно колхозных) оленематок в некоторой степени напоминала собою „родильный дом“. Каждого вновь появившегося на свет оленя за-

писывали в книгу, отмечали пол, дату рождения, только вместо имени надрезали соответствующим образом ухо, ставя опознавательный знак.

Егор Иванович ввел этот порядок и требовал его выполнения:— „Каждого теленка,—говорил он,—надо знать как своего ребенка“.

Был случай, когда рожали сразу пятьдесят оленематок. Горячее было время! Все пастухи и сам Егор Иванович двое суток не смыкали глаз. Они безотлучно находились в стаде, мерзли, ели сухой хлеб со снегом, но оставались на своем посту до тех пор, пока все пятьдесят новорожденных не были поставлены на ноги, не зарегистрированы, не отмечены клеймом и не пущены в стадо.

Тяжелое, мучительное, но и радостное было это время у пастухов. Что ни день, то все больше увеличивалось стадо, все сильнее пахло молоком и все быстрее начинали бегать вокруг маток тонконогие, шустрые, маленькие, кофейного цвета, пушистые олениа.

Когда кончился отел и тугуты достаточно окрепли, Егор Иванович приказал собрать стадо и двинуть его на сотни километров к морю, чтобы поить оленей соленой водой.

В начале июня пастухи, во главе со своим замечательным оленеводом, спускались с отрогов Хараулахских гор, имея перед собой шестьсот тридцать девять оленематок и шестьсот тридцать девять мелких оленей.

Егор Иванович свое обязательство выполнил.

V. ЖИЗНЬ И БЫТ

Территорию колхоза „Красная звезда“ можно разделить на три части. Голая тундра простирается по побережью Ледовитого океана на 3.487 квадратных километров. Затем лесотундра, сюда входят и горные пространства, занимает 410 квадратных километров. Наконец, реки и озера составляют водную поверхность общей площадью в 1.200 квадратных километров.

Вся эта территория так велика, что в районе одного колхоза имеется существенная разница в климате. Если, например, в северной части снег выпадает, обычно, с половины сентября и исчезает в первых числах июня, то в

южной части колхоза снег выпадает только в первой половине октября и сходит в конце мая.

Ледоход в северной части, обычно, начинается в первой половине июня, а в южной — в конце мая. Неодинаков и снежный покров. На севере он доходит до 1 метра и больше, а в южной части — 20 - 25 сантиметров; на склонах гор и в открытых долинах снежный покров понижается до 5 сантиметров, местами же снега совершенно нет.

Зимой эти бесснежные места являются оленепастбищами.

С наступлением лета, по мере таяния снега, колхозные стада передвигаются с юга на север, доходят до моря, оленей обязательно поят соленой морской водой, и затем снова начинается движение на юг, поближе к зимним пастбищам.

Так из года в год путешествуют люди и олени по тундре.

Тундровые реки берут свое начало в горах, образуя там извилистые водоразделы. Чем выше по реке, тем все выше поднимаются горы. Склоны их то пологи, то образуют мощные стены скал. Вершины гор оканчиваются голыми выступами или каменной россыпью, среди которой зелеными пятнами расстилается лишайниковая растительность.

Речные долины, как правило, заболочены, покрыты густою осокой и мхом. Летом тут полно дичи: уток, гусей, лебедей.

По склонам гор и в долинах рек встречается лишь низкорослая даурская лиственница, ива, голубица, шиповник, богульник и, наконец, вездесущая брусника.

Хороший строевой лес имеется только в долине реки Омюля. В остальной части территории лес мелкий, редкий, а чем ближе к северной границе тундры, тем он постепенно уменьшается, превращаясь в низкорослый, ползучий кустарник, не выше обыкновенной травы.

Так, приближаясь к Ледовитому океану, постепенно сходит на нет великая сибирская тайга.

Тундра — это уже только пастбище для оленей и домашнего скота.

Пространство этих пастбищ на территории колхоза определяется в 1647 квадратных километров или сто двадцать две тысячи четыреста гектаров.

Кроме оленей, колхоз имеет 221 лошадь и 430 голов крупного рогатого скота. Это на 119 человек взрослого

населения! Иначе говоря, на каждого взрослого колхозника приходится (в круглых цифрах) 2 лошади, 4 коровы, 30 оленей и 1000 гектар пастбищной и покосной площади.

Можно жить, имея такое животноводческое богатство и такой простор!

Никаких посевов колхоз не производит, хотя, если можно сеять ячмень, овес и выращивать овощи в Верхоянске и в Нижне-Колымске, то стало быть, можно это делать и здесь.

Но люди тут не знают посевов. Земледелие сюда еще не дошло.

С 10 июля по 30 августа здесь продолжается покос. Надо накосить до 10 тыс. центнеров сена, высушить его, скопнить, перевезти на десятки километров к зимовью. А с наступлением зимы рогатый скот размещается на скотном дворе и в хотонах. Здесь уже забота о чистоте, тепле, о пойле. Обслужить 480 голов скота—не шутка.

Двадцать человек зимою заняты на этой работе, из них восемь мужчин и двенадцать женщин. В результате их труда колхоз имеет около 50 тысяч рублей годового дохода и 15 тысяч литров молока.

Корова на севере—самое трудоемкое животное. Для нее надо косить сено, зимой гонять на водопой, строить хотон или скотный двор. Хотя телята вырастают прямо из-под коровы (их не отнимают от маток), все же больше всего хлопот, конечно, с коровой. Зато молоко, суорат, масло!

Мясо и молоко у якутов изысканное и главное питание.

Литр коровьего молока стоит 1 р. 50 коп., суорат (кислое молоко)—2 руб. килограмм, масло сливочное—16 руб., сливки—12 руб., сметана—4 руб., творог—2 руб.

Тут не только можно иметь много мяса и молочных продуктов; на тысяча девятьсот квадратных километрах речных и озерных водоемов бездна рыбы. И рыба первосортная: нельма, омуль, моксун, чир—бескостная, жирная, икроявая рыба.

Но кому она нужна?

Много ли съедят рыбы 221 человек вместе с грудными детьми? Других людей на 400 километров в округности нет. А там тоже рыбу некуда девать. Ну и выделяет колхоз бригаду в 5 человек, выловят они 400—500 пудов рыбы, выроют в вечной мерзлоте яму или сделают сайбу

(деревянный погреб), свалят ее туда прямо с потрохами, оставят до зимы на берегу океана или реки (в вечной мерзлоте рыба сохраняется превосходно), а зимой на оленях перевозят ее в колхоз, раздадут колхозникам, кому сколько хочется, остальное идет охотникам на приманку песцов.

Вот и все рыболовство. Незачем больше ловить—некуда рыбу девать.

Якутам-колхозникам сверх всякой меры хватает мяса, масла, молока и тех гастрономических продуктов, которые им доставляет Большая земля.

Любопытные цифры. Мужчин в колхозе от 16 лет—63 человека, женщин—56. Эти цифры говорят о страшном прошлом якутского народа, когда от голода, грязи, от зверской эксплуатации тойонами и баями вымирал народ, и, конечно, больше всего при этом страдали и вымирали женщины. До сих пор еще в некоторых районах Якутии женщин меньше, нежели мужчин.

Но вот другая цифра. Детей, родившихся до коллективизации, в живых осталось только 26 человек. Зато теперь 25 замужних женщин имеют 76 детей.

Грамотных в колхозе от 16 лет: мужчин—67, женщин—41. Все дети до шестнадцатилетнего возраста учатся в школе—семилетке. Организован ликпункт и каждый год 10—15 взрослых колхозников овладевают грамотой. Шестнадцать человек окончили различные курсы.

Колхозники выписывают 55 экземпляров республиканских газет. Имеются красный уголок и библиотека.

Существуют кружки по изучению истории партии, первичные организации Осоавиахима и МОПРа. Проводятся беседы на политические темы, учителя делают доклады о международных событиях, о решениях партии и правительства. В колхозе 7 учителей, из них двое имеют высшее образование.

Летом в тундре по бригадам комсомольцы проводят читки газет и беседы на политические темы. Колхозники вместе со школой выпускают стенную газету. Во многих домах, где имеется молодежь, есть балалайки, патефоны, гитары.

Основными продуктами питания теперь являются, помимо мяса и молока, хлеб, сахар, чай, печенье, конфеты, фруктовые и овощные консервы. Раньше якуты ели только пресные сухие лепешки, теперь пекут в русских печах настоящий русский хлеб.

Раньше болели трахомой и туберкулезом, теперь успешно ликвидируют это страшное наследие прошлого. Раньше во время болезни обращались к шаману, теперь в колхозе имеется своя больница и амбулатория.

Раньше якутская женщина рожала без медицинской помощи. Теперь в колхозе имеется акушерка.

Раньше дети почти поголовно умирали, теперь колхозница Стручкова Анна имеет 8 детей, Горохова Елена—8 детей, Слепцова Матрена—7 детей, и все эти матери получают государственное пособие.

В колхозе создались партийная и комсомольская организации, которые и являются стержнем всей колхозной жизни.

За полярным кругом, на побережье моря Лаптевых, в Борогонском наслеге, Булунского района, в колхозе „Красная звезда“, люди живут в полном смысле слова счастливо. Якуты, эвенки, эвены, одулы и луораветланы стали сознательными, активными строителями новой социалистической жизни.

Не так давно здесь тойоны и кулаки пользовались славой и могуществом.

Теперь почетом и уважением пользуются передовые люди колхозного труда—ударники и стахановцы.

В 1939 году на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку из Якутии было послано свыше пятисот человек—лучших представителей народов Севера.

Поехали охотники, каюры, скотоводы, оленеводы в сказочную для них Москву. Были среди них и Горохов Николай Иванович, и Стручков Афанасий Федотович, и Старостин Егор Иванович.

Егор Иванович, как лучший оленевод Якутской республики, получил на выставке почетную награду—Большую золотую медаль. Весть об этом прогремела от Москвы до Ледовитого океана. В колхозе было устроено торжество. Радовались и гордились этой наградой не только колхозные сородичи-якуты, но и эвенки, эвены, одулы и луораветланы.

Семья народов Севера живет теперь одною жизнью.

В далекой и холодной тундре люди познали счастье и радость в кругу своих оленей и песцов.

ЯКУТСКОЕ ИСКУССТВО

I. ТЕАТР

В якутском театре я видел пьесу молодого автора Дмитрия Таас „Военная тайна“. Автор—якут, театр—якутский, артисты—якуты, пьеса на якутском языке.

Но, прежде всего, что это за театр?

Это, большое для Якутска, каменное белое здание, хотя на самом деле оно не больше обыкновенной деревенской церкви; такое же овальное в окружности и высокое по вертикали, с дверями со всех сторон, с оградой, с каменными плитами при входе, с притвором—раздевалкой.

Да, это, оказывается, и был якутский собор!

В фойе и в зале довольно опрятно, чисто, пахнет свежей краской. Громадные зеленые печи возле сцены (здесь, почему-то, печи красят зеленой масляной краской и каждую осень перекалывают их нутро). Зал на 350 мест. Две боковых ложи и позади, вверху „галерка“, где раньше обыкновенно находился соборный хор.

Сцена похожа на арку, через которую можно проехать не больше, как на тройке лошадей. Толстая каменная стена, словно дуга, отделяет сцену от зала. Пространства на сцене безусловно мало (что можно сделать в бывшем алтаре?), но лучшего здания для театра в Якутске пока еще нет.

Театр возник в 1930 году. Артистов набирали из крестьянской молодежи. Прежде импровизировали и учились, играя национальные и переводные русские пьесы. Затем 25 человек были посланы в Москву учиться на якутское отделение Государственного театрального института. Учились они там 4 года и вернулись уже профессионалами-актерами. Там же одновременно учились на режиссерском отделении и затем практику проходили в театре им. Вахтангова

теперешний главный художественный руководитель Григорьев и его помощник Гоголев.

Выявились среди якутских писателей свои драматурги; они написали для театра несколько пьес, перевели классические пьесы русских и европейских авторов, и театр приступил к работе.

В коллективе сложились уже ведущие актеры: Решетников Петр Михайлович, Слепцова Дарья Даниловна*) и др.

В каждом спектакле обычно участвует вся труппа.

Открылся занавес. Театр полон народом. Зрители—якуты и русские, знающие якутский язык, или с переводчиками.

Сюжет пьесы—гражданская война в Якутии.

Тойон—якутский князь и белые русские офицера руководят бандитизмом. Они вербуют темных, неграмотных якутов в свои отряды, спаивают их водкой, подкупают, вооружают и направляют против красных. Тут и поп, и попова дочка, амурничающая с офицерами, тут предатели и шпионы в штабе красных.

Красные, конечно, абсолютные герои. Среди них и девушка Настя—герой, комсомолка. Она любит красноармейца Виктора. Виктора посылают в разведку. Настя боится за своего возлюбленного, просит его быть осторожным. Он ей отвечает словами, соответствующими герою. Уходит. Бандиты ловят его, приводят в штаб. Офицеры, поп и тойон хотят узнать от него военную тайну. Он, конечно, не говорит. Его бьют, издеваются, грозят живым закопать в яму. Он им отвечает: „Ройте две ямы, для меня и для себя“.

Белые нападают на штаб красных. Захватывают Настю в плен, допрашивают и ее. Она тоже ничего не выдает. Тогда ей показывают избитого Виктора. Она решает его спасти. Белому офицеру приглянулась пленница. Начал он за ней ухаживать. Она воспользовалась случаем—обманула офицера, прибежала к своим.

Красные бросились на выручку Виктора. В самый последний момент, перед расстрелом, спасли его. Кончается спектакль полным разгромом белых, торжеством красных.

Общий идейный ход пьесы правилен, но с точки зрения сценичности и общей театральной культуры, конечно, это—примитив.

*) Якуты при царизме подвергались принудительной христианизации и потому они имеют русские имена.

По сцене разгуливают 24 героя, не считая статистов. В четырех из 7 актов стреляют, в трех актах убивают. В двух актах объясняются в любви. Много лишнего, много недоделанного и фактически неверного. Пьесу написал совсем еще юный автор и это — первая его пьеса на сцене.

Артисты трудились изо всех сил, но 24 человека на сцене мешали друг другу.

Якутский театр можно сравнить с ребенком. Он только еще начинает ходить и говорить. Он падает и впервые осваиваемые слова произносит неуклюже, коряво, даже смешно. Но он играет, резвится. Он крепкий, здоровый ребенок. Он проделывает всякие смешные штучки, изобретает; вы видите ум, находчивость, творческие задатки у этого ребенка. И вы не можете не восхищаться им, не можете не радоваться, ибо всегда радостно смотреть на игру, хотя бы и постороннего тебе талантливому ребенку.

Но для якутов театр — это свой, кровный, рожденный и выпестованный самим народом ребенок. Зрители знают артистов по имени и отчеству, встречают их на улицах города, в парке, на пляжах Лены, разговаривают, указывают им на удачные моменты в их игре, отмечают недостатки. Зрители помогают артистам создавать роли и затем, когда видят на сцене их исполнение, радуются каждому удачному жесту, движению, тону произносимых слов, чувствуют себя в какой-то степени создателями этой роли. Артист на сцене — тот или иной отвлеченный образ, но зритель знает, что это в то же время свой человек, товарищ, недавний колхозник, быть может, вместе работали, вместе учились. Человек, сидящий в партере, любитесь игрою своего товарища.

Это одна сторона национального якутского спектакля. Другая — заключается в том, что находящаяся в зале молодежь, потенциально и на деле героическая, смелая, горячая, жаждущая подвигов, видит перед собой на сцене образы героизма и подвигов.

Третью — выразил рядом со мною сидевший товарищ. Он сказал:

— В детстве я часто прибегал в это здание босиком, в штанишках из телячьей шкуры, в рваной рубашонке, с грязной головой. Я любил смотреть на блестящую чешую архиерея, на сверкающую разноцветными камнями его шапку, на всю роскошь и блеск высшей знати города Якутска. Тут бывали офицеры, полицейские, начальники, куп-

цы, чиновники. Я приходил сюда нюхать запахи неведомых мне духов, любоваться блеском шпор и погон, слушать непонятное громогласное пение; мне все это казалось спектаклем. Я, сын якута-извозчика, часто прибегал сюда и всякий раз меня кто-нибудь брал за вихор или за ухо и выводил за дверь, толкнув ногою в зад: „У, якутенок поганый!“

Этот человек—теперь руководитель Якутского театра. И всего только 30 лет прожил он на свете!

Я спросил:

— А что, если бы вам кто-нибудь сказал тогда, что здесь будет якутский театр и вы будете его руководителем?

Он от души расхохотался.

Якутский театр—здоровое, талантливое детище своего народа, обещающее стать национальной гордостью.

II. МУЗЫКА

Мне довелось слушать концерт Якутского государственного хора.

Были исполнены русские песни, переведенные на якутский язык: „Моя страна“, „Все, чем теперь мы сильны и богаты“, „Песня парашютистки“, „Прощальная песня“, „Песня о котовцах“, „Наша Москва“, „Если завтра война“. А затем исполнялись русские народные песни на русском языке: „Ах, ты зимушка-зима“, „Заиграй, моя волынка“, „Лаптишки бьем“, „Соловей-соловушка“, „Пой, жаворонок“ Глинки. Исполняли „Лезгинку“, „Гопак“, „Белорусский танец“, читали „Лошадиную фамилию“ на якутском языке, пели якутский олонхо (богатырский эпос).

Словом, программа была самая разнообразная. Было интересно, весело, публика хорошо встречала своих артистов.

Любопытно, что лучше всего были исполнены якутские песни и русские на русском языке. Переводные же с русского на якутский язык песни звучали неполно, скрадывались тона и гармония звуков была какая-то кудая, приглушенная. Очевидно, законы языка влияли на выразительность звуков.

Хор маленький, всего только 30 человек, из них 6 мужчин—тенора и басы; причем слабее всего были басы.

И еще особенность: обычное пение у якутов гортанное. Если якут или якутка поет свои национальные песни, то красота пения заключается в вибрации гортанных звуков. Тон один, но колебание одного звука столь значительно, что ты слышишь и гнев, и радость, и ласку, и страсть, выражающиеся в песне. Характерна при этом концовка музыкальной фразы, она всегда мгновенна, как бы оборвана на какой-то сотой доли звука. Остается впечатление незаконченности, ждешь продолжения, но слышишь—уже начало новой музыкальной фразы. И может потому, что русская песня и русская музыка требуют полного, открытого грудного голоса, якутам трудно петь русские песни по-якутски, переходя от гортанного голоса на открытый, грудной. К тому же сказывалось и отсутствие пока еще постановки голоса, культуры исполнения. Ведь надо же учитывать, что пели-то крестьянские парни и девушки, которые до этого и не слыхали музыкального пения, знали только народные импровизации.

То, что мы разумеем под музыкальной культурой, у якутов нет, она только еще создается. И любопытно, молодые якуты забывают гортанное пение, они уже не умеют так вибрировать голос, как это умеют старики. Под влиянием русских советских песен, которые теперь распеваются по всей Якутии, молодежь переходит к пению по-русски—полным, открытым грудным голосом.

Но пока это еще только переход, ломка старого и выработка нового голоса, нового пения, формирование новой музыкальной культуры.

Надо при этом сказать, что, например, песня „Если завтра война“, переведенная на якутский язык и музыкально переработанная якутским композитором Жирковым, была исполнена хором замечательно. Это не была русская музыка, но и не старая однотонная якутская. Найдены в ней разные тона всех основных четырех голосов, исполнена мелодично, в быстром темпе в соответствии с быстрым, темпераментным якутским языком. И получилось новое музыкальное произведение, которое с одинаковым восторгом принимали и якуты и русские слушатели.

Музыкальная культура и своеобразный музыкальный якутский стиль складываются и, вероятно, в недалеком будущем мы услышим новые якутские песни и якутскую национальную оперу.

III. ЛИТЕРАТУРА

В первые годы советской власти в Якутии остатки разбитых в открытом бою вражеских элементов из тойонатства и националистической буржуазии Якутии быстро перекрасились и решили изнутри, проникнув в органы советской власти, подчинить к своему идейному влиянию якутский народ. Пользуясь недостаточным количеством народной интеллигенции, сынки тойонов, купцов заняли очень высокие государственные посты в Автономной Якутской республике. Они даже выработали формулу, оправдывающую их вооруженную борьбу против своего народа, организацию восстаний, бандитизма и зверские расстрелы бедняков-якутов, боровшихся за советскую власть. Формула эта гласила следующее: „То, что мы вас расстреливали—это, конечно, печально, но наша борьба отрезвила коммунистов и потому они вам дали автономию и нэп. Теперь,—говорили они,—мы готовы вместе с вами строить свое государство, готовы работать во имя основной нашей идеи:—„Якутия должна быть для якутов“. Эта наглая буржуазно-националистическая формула пропагандировалась в рассказах, повестях и в пьесах со сцены.

Буржуазные писатели Кулаковский, Софронов, Леонтьев и др. в своих литературных произведениях, с одной стороны, идеализировали феодальное прошлое, доказывая, что тойоны—это „праотцы якутской цивилизации“, что без них якутский народ превратился бы в дикарей, что они, собственно, являются спасителями якутской нации. С другой стороны, клеветническими, отравленными ядом национализма произведениями они пытались вызвать у якутского народа ненависть к русскому народу.

Против этого вражеского, националистического фронта в литературе с самого возникновения вступила в борьбу молодая, с каждым годом крепнущая, якутская советская литература.

К настоящему времени сложился довольно значительный для Якутии коллектив поэтов, писателей и драматургов. Все они молоды, полны творческой энергии, старательно учатся, работают, создают разностороннюю полнокровную якутскую советскую художественную литературу.

Возьмем из них несколько человек, наиболее значительных по творчеству и старших по литературному стажу.

Поэт Кулачиков—Элляй Серафим Романович.

Родился в 1904 году в семье крестьянина-середняка. В 1916 году окончил русскую сельскую школу, много читал, к этому же времени относятся первые его опыты по переводу русских стихов на якутский язык. В 1920 г. сочинял он песни для хорового пения на якутских народных праздниках. В 1922-23 г. учительствовал в якутской сельской школе. 1924 г. вступил в комсомол. Зимой этого же года написал первые в Якутии комсомольские и пионерские песни, которые составили потом значительную часть сборника, изданного им в 1925 г. под заглавием „Красные песни“.

С 1925 по 1928 г. тов. Элляй учился в московском Институте журналистики и, будучи студентом, продолжал заниматься переводами с русского языка на якутский советских русских поэтов и классиков. С возвращением после учебы в Якутию он работает журналистом в республиканских якутских и русских газетах, одновременно публикуя стихи и поэмы. Всего до 1940 г. тов. Элляем выпущено пять сборников стихотворений и поэм, книга очерков о Советской Якутии, много статей на литературные темы. Лучшими поэмами его считаются: „Чурум-Чурумчуку“ (на сюжет одноименной народной сказки), „Ночевщик под кровлей“ (о германском безработном) и „Победивший смерть“ (на тему гражданской войны в Якутии).

Почти одновременно с Элляем выступил в печати другой поэт Кудрин—Абагинский Архип Георгиевич.

Родился он в 1907 г. в бедной крестьянской семье. Родители даже не могли содержать своих детей и отдали сына Архипа на воспитание соседям. С трудом окончил 6 классов сельской русской школы, затем ушел в Якутск продолжать образование. Два года учился в педтехникуме, учительствовал, продолжал образование в пединституте. С 1933 по 1936 г. работал в Москве в Учпедгизе старшим редактором якутских учебников. Писать начал с 1923 года. Во втором издании сборника Элляя „Красные песни“ были напечатаны стихи и тов. Абагинского. А в 1927 году вышел в свет первый самостоятельный сборник его стихов. Так же, как и Элляй, Абагинский воспевал в своих стихах комсомол, пионерию, жизнь и труд якутских крестьян, новую счастливую жизнь. Написал поэмы на оборонную тематику „Я—сын народа“ и „На границе“. Занимается переводами на якутский язык русских и западных поэтов.

Вначале поэзия Абагинского носила несколько абстрактный, лозунговый характер. Затем он перешел на сатирический жанр. Написал бичующую бюрократизм поэму— „Люди конторы“ и стихотворение „Шанхай“ по поводу вторжения в Китай японцев. В последнее время Абагинский пишет стихи в реалистических тонах, приближаясь к народной поэзии, в частности им написано стихотворение на сюжет народной сказки „Старуха Тетекян“.

Лучшим произведением Абагинского считается поэма „Я—сын народа“. Сюжет поэмы прост. На Дальневосточной границе, в бою раненый красноармеец попадает в плен к японцам. Они пытаются его, чтобы выведать военную тайну. Сын народа остается до конца верен своей родине, умирает, но тайны не выдает.

По свидетельству якутских поэтов, поэма эта является одним из лучших произведений якутской советской литературы.

Товарищ Абагинский как поэт имеет свою творческую индивидуальность, свой стиль. До 1940 года он выпустил в свет семь сборников стихов и поэм и одну оригинальную книгу для детей.

Поэт Кюннюк Урастыров (Новиков Владимир Михайлович).

Родился в 1907 г. в бедной крестьянской семье. Так же, как и Элляй и Абагинский, Урастыров окончил начальную сельскую школу, учился один год в пединституте, учительствовал, был комсомольцем (теперь канд. ВКП(б)). Стихи начал писать в 1925 г. Первая книга его стихов вышла в 1931 г., а в 1932 г. написал поэму „Коммунист Семен“. В этой поэме Урастыров впервые в якутской литературе сделал попытку создать образ коммуниста-якута на фоне коллективизирующейся якутской деревни.

Он также написал поэму-сказку „Старуха-Нужда и Девушка-Свобода“, в аллегорической форме изображающую два мира—капитализм и социализм. Целый ряд стихотворений Урастырова стали народными песнями. Олонхосут (народный певец), он знает несколько олонхо (народный богатый эпос) и в настоящее время пишет свое олонхо „Великий богатырь Джагарыма“. Эта поэма составит около 15 тысяч стихотворных строк или 30 печатных листов.

Стиль поэзии Урастырова приближается к стилю народного устного творчества.

До 1940 года тов. Урастыров-Новиков выпустил в свет семь сборников стихов, песен, поэм.

Прозаик Эрилик Эристин (Яковлев Семен Степанович). Участник гражданской войны, коммунист, долгое время оставался он на ответственной советской работе.

В 1927 году появился первый его рассказ „Кыраттан опшут“, рисующий героический образ якутской женщины в годы гражданской войны.

В другом рассказе „Иван душа“ Эрилик дает образ якутского революционера, разрешающего в пользу народа земельный вопрос.

В повести „Исполнение завещания“ он отобразил гражданскую войну в Якутии. В повестях „Сыны революции“ и „Волнение“ он показал процесс формирования героев революции и социалистической стройки в среде братских народов — казахов и бурятов. Повесть „Волнение“ является самым лучшим произведением Эрилика. Эта повесть достойна перевода на языки народов Советского Союза. Содержание ее заключается в показе того, как сыны трудового бурят-монгольского народа, испытав на своей спине гнет феодалов и капиталистов, становятся борцами против самодержавия и эксплуататоров, а затем строителями социалистической жизни.

Тов. Эрилик и поныне продолжает творческую работу, хотя тяжелая болезнь (слепота) мешает ему с прежней интенсивностью создавать новые произведения.

Мординов Николай Егорович, псевдоним Амма Аччгыйа (1906 г. рождения), написал три пьесы „От колонии до коммуны“, „Разрыв паутины“, „Человек“. Тов. Мординов помимо этого является поэтом и прозаиком. Начал он писать с 1927 года. Стихи и поэма „Дума на площади“ тов. Мординова пользуются огромной популярностью среди читателей, а сборник его рассказов „Нож не режет рукоятку“ и повесть „На отдыхе“ относятся к лучшим произведениям якутской прозы.

Всего Мординовым написано свыше пятидесяти произведений различного жанра, от стихов до киносценария, не считая литературно-критических статей.

По своему литературному стажу, культурному уровню, мастерству он принадлежит к основной группе якутских литераторов. Выходец из крестьян-бедняков, получивший высшее образование в Москве, Мординов несомненно является выдающимся представителем якутской литературы.

Особое место в якутской драматургии занимает Сивцев Дмитрий Кононович (Суорун Омоллоон). Родился в 1906 г., окончил сельскую русскую школу, затем педтехникум в Якутске, учительствовал. В 1926 г. начал писать стихи, рассказы, затем пьесы. Из поэтических произведений написал поэму „Песнь о Сарыале“ (песнь о свете, о мечте в образе птицы). В аллегорической сказочной форме народного эпоса он повествует о страданиях, борьбе с темными силами и о победе народной мечты, о счастье.

За этими уже творчески выявившимися поэтами и писателями идет целая шеренга новых, молодых людей, вступающих в литературу. Среди них есть товарищи, имеющие свои книги или печатающиеся в газетах и журналах.

Особенность исторического развития, тяжелое положение в прошлом и, главное, то, что советская культура якутского народа начала складываться совсем недавно— все это обусловило характерную черту в биографии якутских писателей. Во-первых, все они молоды, все выходцы из гущи своего народа, бедняцкой его части, почти все прошли одинаковый путь к литературе—через начальную школу, педтехникум и пединститут, через комсомол. Во-вторых, все они хорошо знают устное творчество своего народа и большинство их пользуются им в своем творчестве. В-третьих, почти все они являются переводчиками с русского языка на якутский, обогащая тем самым себя и свой народ культурой великого русского народа.

В результате социальная, политическая и творческая близость якутских писателей к своему народу, освоение ими революционных идей и культуры русского народа помогли им находить правильные идейные установки, обогатили их творчество, создали предпосылки к исключительно быстрому росту и развитию якутской советской художественной литературы.

IV. ЯКУТСКАЯ ПЕСНЯ

Якуты—народ певун-импровизатор.

Едет якут верхом на быке или на лошади, лежит на возу сена и поет о своем быке, о лошади, о сене. Увидит он какое-либо примечательное дерево, поет об этом де-

реве. Услышит голос птицы, поет об этой птице; увидит красивую девушку, поет о ней. Причем, подбирая слова песни, певец неимоверно гиперболизирует воспеваемые предметы. Бык у него девятисаженный, рога у него трехсаженные, спина шириною с облако. И вот идет его бык и храпит так, что гром по тайге разносится, звери пугаются...

В песне своей якут каждый предмет преувеличивает, приукрашивает вымыслом, создает чудовищный или прекрасный образ, творя образ, поет.

Женщина-якутка, сидя дома за шитьем одежды из шкур животных для себя, детям или мужу, поет об иголке, воспевая ее остроту, блеск, проходимость сквозь телячью или коровью кожу. Поет о том, как хорошо будет детям в сшитой ею одежде, как им будет тепло, какими они вырастут большими, сильными. Поет она и о домашней посуде, и об огне, пылающем в камельке, и о коровах, и о молоке, и о мусоре в юрте, т. к. все, с чем бы она не соприкасалась, является предметом песни. И, обычно, предметы эти в ее воображении оживают, действуют, имеют свою судьбу, борются и умирают, страдают и радуются, имеют прекрасный или дурной облик. В песнях она создает себе фантастический мир образов, оживляя окружающие ее мертвые предметы, а живые превращаются в не реальные, фантастические. И тогда юрта ее становится не юртой, а золотым шатром, огонь—богатырем, мусор—серебром, корова принимает облик шаманки или сказочной красавицы и т. д.

У якутов имеется целый цикл песен о мироздании, имеется цикл песен о наступлении времен года, цикл, состоящий из 9 отдельных частей; имеются песни, воспевающие родную природу или особо замечательные местности; песни о птицах и животных, песни о героях, песни лирические и бытовые. Все эти песни своеобразно глубоки, значительны и красивы. Чего стоит хотя бы, например, знаменитая песня о бэх-чабычахе (песня о заброшенной берестяной посуде).

Особенно любопытна и интересна история этой посуды, начиная с того, как она росла кудрявой березой, и как она потом превратилась в узорчато-вышитый чабычак, в почетную берестяную посуду для богатой невесты и, наконец, она, уже использованная до дыр, оказалась ненужной и заброшенной на скотном дворе в качестве турсука для мусора

и всякой нечисти. Потом эта берестяная посуда разорвана на куски и употребляется для зажигания дымокура на скотном дворе. Наконец, жизни чабычаха приходит конец. И вот вместе с густым, клубящимся дымом взлетает в высь сюр-кут (душа) берестяной посуды, она летает последний раз над родными аласами, над любимым скотом и поет свою прощальную песню. Задушевно и глубоко лирична эта песня, слегка она грустна, но оптимистична с ее горькой иронией и лукавой насмешливостью ко всему временному, проходящему, земному по сравнению с небесным простором и волей — она поет о том, что последний раз служит полезную службу в качестве дымокура, отгоняя комаров от скота...

С наступлением весны у якутов наступали праздничные дни — Ысыахи. Люди собирались в одном каком-либо наслеге, чаще всего члены одного рода, считающие себя родственниками, или семьи нескольких родов. Они заготавливали кумыс, пили его, устраивали состязания в борьбе, в подъеме тяжестей, в конских скачках. Праздники такие в некоторых районах не обходились без танца — „Осуокай“.

Мужчины и женщины становятся вкруг, сплетают руки локоть к локтю, плечо к плечу; один — запеваля начинает импровизировать песню. Он поет о весне, о празднике, о крепком кумысе, о том, что пили и ели, как угощались; какие собрались люди, как весело они проводят время, кто чем проявил себя; восхваляется тот или иной человек или он высмеивается. Словом, он поет о том, чем живут в данное время собравшиеся люди, и все, двигаясь тесным кругом, ритмично подплясывают и выкрикивают, как бы аккомпанируя песне запевалы: „Охгокай, эхгекэй!“ Запевала поет без усталости, без остановки. Он мгновенно импровизирует смешные и веселые песни, народ хохочет, выкрикивает и подплясывает.

То же самое происходит с любовными песнями. Молодежь якутская только с наступлением весны получает возможность общения между собой. Тогда девушки и парни собираются в определенном месте, устраивают различные игры, поют песни. Теперь в колхозах они под патефон танцуют европейские танцы, поют, ставшие общенародными, советские, больше всего русские, песни, переведенные на якутский язык. Раньше танцев, в обычном нашем понимании, не было. Песни слагались так же, как во время „Осуокай“, девушка поет о конкретном парне, который здесь же присутствует. Если он нравится ей, она поет о

нем, подбирая хорошие, ласковые слова, изображает его одежду, опрятность, красоту: нос у него такой-то, глаза такие-то, кожа лица такая-то, волосы такие-то. Если же парень не нравится, она в песне высмеивает его. Парень отвечает девушке тем же.

В 70-х годах прошлого века политссылный Худяков записал некоторые импровизации, поговорки, загадки, сказки и олонхо, изданные затем отдельным сборником. Приведем две импровизированные песни из этого сборника.

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

На вороном коне Василий...
Откуда, выступая, едешь сердечный?
Зачем для кого бросил родную землю?..
Я мечтаю о твоих черных бровях, о твоих глазах;
Я жажду твоего поцелуя!..
Ты сияющий,
С выгнутом станом,
С точеными бедрами,
С тонко-выгнутыми голенями,
Желанный!
Мой владыка-сердце бьется для тебя;
Дрожат мои внутренности—печень;
Крепкие кости дрожат!..
Загорелось-зажглось сердечко!..

Парень отвечает ей:

ПЕСНЯ ПАРНЯ

На белом коне, Катерина, сердечная...
Пожелал я глаз—бровей твоих,
Смотрящих из-за полуопущенных золотых ресниц,
Твоего пожелал поцелуя,
Твоей гладкой шеи из литого серебра,
Твоих зубов из кованного серебра,
Пожелал я губ твоих...
Позавидовал бровям твоих глаз...
Полюбил твой выгнутый стан...

Тот же Худяков записал одну девичью песню-импровизацию, удивительную по своей выразительности и страсти. Вот эта песня.

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

Ах, ребята! Голову—мысли мои вскружили ловкие (верткие) мужчины, стоя-кружась, светя своим блеском, покрывая свой внутренний обман, околдовывая удачностью своих выражений (слов), заставляя завидовать на свое добро, проникая взорами мое сердце и печень...

Ах, ребята! Если-б полюбивши этого человека, обнявши его на два или на несколько часов, поцеловавши-понюхавши, приблизивши к своему сердцу, хотя и рассталась бы я, то я, худая собою, после, когда тело мое будет жидко, как вода, когда стану я старухой хрупкой, как гнилое дерево, постарею, разве скажу я, что в молодости я не была счастлива? Эгяй!

Ах! Русский молодец! Сидишь ты, слушая-думая, чего хорошего скажет, что может сказать женщина-девушка с такою недалёною мыслью, с такою узкою памятью, с жестким платьем? Эгяй!

Мужчины-люди, вы думаете, что лучшие из женщин, девицы, не имеют сердца, способного любить! Если-б знала я, что язык мой, речь, голос моего горла может расшевелить ваше сердце, заставить его разрываться от жалости, может заставить вас хорошо думать обо мне—пела бы я, ребята, безостановочно, воспевала бы я. Обратившись отголоском голоса, украшением выражений, я разжалобила бы ваши сердца, размягчила бы вашу каменную мысль, развязав, растопив вашу ледяную память, сделала бы я вас столь бессильными, как маленькое дитя, только что начинающее сидеть; запела бы вас так, чтобы вы не могли встать, не пошевелиться.

Ах! Имеющие голос певчей птички, платье, подобное наружной стороне крыльев цирка, пояс, подобный радуге, туда-сюда разъедетесь вы далеко, светя, как падающая звезда, расчеркивая небо, блестя, как молния, заставив полюбить себя. Только ребята я, ходя взад и вперед, видя во сне, удерживая в памяти, нежа сердце-печень, думая (о вас), считаясь за счастливую, одна на земле, буду ходить несчастною.

Эй! Ах, парни! Ах, хорошие люди! Вы думаете, рассердитесь, осуждая: „Этакая страшная осмелилась посмотреть на нас!“ Чем я спасусь от этого, ребята? Разве обвиню ваше доброе сердце? Разве обвиню вашу хорошую сторону? Ах, досада моя! Быть бы мне лучшей-почетной и вскру-

жить ваши мысли. Ах, досада моя! Значит вы уйдете, оскорбившись и рассердившись. И хорошие и худые смотря глазами на ласковое, блестящее солнце, разве оно оскорбляется этим?

Ах, ребята! Говорят, на том свете есть господин, описывающий хорошее и худое, грех и черное. Тот господин поставит ли мне в вину эти сказанные мною слова за то, что я осмелилась любящими глазами смотреть на лучших себя, думая, что все должны быть равны мне? И внесет ли он, ребята, эти слова в черное письмо?

Ах, досадные! Улыбнувшись, как тени, вы уезжаете так, как огонь заходящего солнца уменьшается, уходит за гору, удаляется-удаляется и исчезает! Но все-таки, как от солнца остается по горам солнечный отблеск, так в памяти и мыслях я буду носить о вас воспоминание. Эгяй!*)

* * *

А еще кто-то выдумал странный афоризм, будто в Сибири, а значит, и в Якутии, „птицы без голоса, цветы без запаха, женщины без сердца“. Какое надо иметь сильное страстное сердце, чтобы сложить такую песню?

У. ПОГОВОРКИ, ЗАГАДКИ, СКАЗКИ

В долгую восьмимесячную зиму, когда 40 и 60 градусные морозы не дают возможности людям выходить на воздух, якуты длинные зимние вечера и ночи коротают в юрте у камелька.

Если наслег более или менее заселен компактно, и люди могут бывать друг у друга, тогда они собираются в какой-либо одной, наиболее просторной юрте, загадывают друг другу загадки, сыплют поговорками, особые сказители рассказывают сказки, олонхосуты поют олонхо. В такие вечера у камелька ярко пылает и искрится устное народное творчество.

Вот некоторые образцы якутских загадок:

„Два белых жеребца дерутся, рыжий жеребенок их разнимает“ (зубы и язык).

„Говорят, из пустого пня, обнявшись, выходят голые дети“ (искры).

„Говорят, солнце с луною целуются“ (наковальня и молот).

„Солнечная девица ушла, позабыв серебряный белошейный платок“ (восход и закат солнца).

„В белых шапках русские дети стоят“ (пни).

*) Худяков. „Верхоянский сборник“, стр. 10.

„Без слов разговаривает, без крыльев летит, без ног бежит“ (письмо, ветер, вода).

„Уста человек одна мысль“ (о пище).

ПОГОВОРКИ

„Отдыхает чурбан до надения топора“.

„Одно яйцо где не гниет?“ (одинокий человек).

„Человек с тремя тенями“ (обманщик).

„Встают рано, как муж с женой, ненавидящие друг друга“.

„Орленок всегда орел, вороненок всегда ворон“.

„Бывает ли дерево, на котором не сидела бы пташка“.

„Чем много говорить, возьми в рот побольше“.

„С большого места рука не сходит, с любимого глаз не отходит“.

Но преимущество, конечно, остается за сказками.

Иногда якуты сказки слушают впотьмах. Слушатели раздеваются, ложатся на оронах (скамьи из отесанного леса вокруг стен юрты), и сказитель начинает рассказывать. Каждый слушатель время от времени произносит короткое восклицание „но!“, т. е. дают знать сказителю, что они его слушают. Без этого „но“ сказитель или олонхосут рассказывать и петь не может: даже днем, в торжественной обстановке, когда собирается много народа, все равно слышится это аккомпанирующее „но!“. Одно олонхо, т. е. одна былина про того или иного богатыря поется пять — десять дней. Иначе говоря, люди собираются с вечера, слушают до 2—3 часов ночи, олонхосут все это время поет былинку, освежая по мере надобности горло глотками воды или молока. И так дней пять, десять и больше сказывает и поет олонхосут, не получая за это платы, кроме одобрительного „но!“

Сам по себе этот факт уже дает некоторое представление о том, каким должно быть захватывающим произведением эта былина, какой памятью должен обладать человек, чтобы столько времени устно излагать повествование о своем герое, и каким искусством он должен владеть, чтобы десять и больше дней приковывать внимание своих слуша-

телей к судьбе того или иного героя. Говорят, что некоторые олонхосуты могут по месяцу и больше петь различные олонхо, и всегда у них будут слушатели.

Не меньшую популярность имеют у якутов и сказки. Сказители пользуются таким же почетом и уважением, как олонхосуты, так же их приглашают на вечера, с таким же увлечением слушают их. Сказители и олонхосуты — подлинные народные артисты.

Сказки якутские, обычно, короткие, ударные с быстро развивающимся сюжетом. Они многожанровы, всесторонне отображают жизнь и быт якутского народа, его идеи и чаяния; они полны чудеснейшей фантастики и в то же время реалистичны; они насыщены иронией и насмешками над человеческими пороками и людьми богатыми и всемогущими.

Как правило, героями сказок, победителями неизменно выходят люди бедные, незначительные, обычно, затертые обществом.

Одну из таких сказок я записал со слов т. Киприянова Семена Васильевича — якута, жителя Нюрбинского района, Омолдонского наслега. Сказку он эту слышал от своего отца-сказителя.

ЭРИЕН БИЕ *)

Жили на свете четыре брата. Три брата были богатые, четвертый, самый меньший — обездоленный.

Бесчисленные стада коров имели богатые братья. Неоглядные табуны коней имели они. Золотые монеты имели они. Из серебряной посуды ели они. Из тонких сукон одежду носили они. Жены их только то и делали, что шили себе богатые платья, украшенные серебряными пластинками и голубыми бусами.

Сытно питались богатые братья. Топленое масло стояло в их погребах озерами. Молоко рекой текло. Сливки больше было, нежели зимою снега вокруг юрты на десять верст. Вместо воды крепкий кумыс пили они. Вкусное мясо молодых кобыл ели они. Вот какие три брата были богатые.

Много людей работало на них. Не перечесть, сколько людей работало на них! Одни пасли стада их. Другие доили коров их. Третьи сбивали масло им. Четвертые ловили зверей драгоценного меха. Пятые шили роскошную одежду им. Шестые мяли конские и коровьи кожи, чтобы продавали их братья и копили себе золото.

*) Пестрая кобыла.

Ничего братья и жены их не делали. Только разъезжали они на праздники—Ысыах*), гуляли да пировали с великими тойонами.

Вот какие были эти три брата знатные!

Четвертый брат, Албын, имел всего лишь убогую юрту, костлявую жену, яловую корову да старую пеструю кобылу.

Богатые братья насмехались над ним, не пускали к себе на порог, говорили ему:

— Убирайся подалее от нас, ты позоришь собою наш знаменитый род!

Обидно это было Албыну. Стал он думать, как ему богатым стать. Одно думал, другое думал, ничего не выдумал; что возьмешь с яловой коровы да старой дохлой кобылы? Хоть помирай с голоду! А помирать не хочется...

Пошел Албын к одному богатому человеку: „Дай мне золотую монету, я тебе сто отдам“. Посмеялся богатый человек, но так, ради смеха, дал ему золотую монету.

Пошел Албын к другому богатому человеку: „Дай мне золотую монету, я тебе двести отдам“. Удивился богатый человек, даже всех своих домашних людей созвал: „Посмотрите, говорит, на этого чудака, послушайте, что он предлагает мне“. „Мое слово твердое,—отвечает Албын,—недели не пройдет, как я принесу тебе за одну—двести золотых монет“. Не поверил богатый человек, а все же дал Албыну монету.

Пошел Албын к третьему богатому человеку: „Дай, говорит, мне одну золотую монету, я тебе триста отдам“. Жадный был этот человек, клятву потребовал, но дал золотую монету.

Идет домой Албын, песни поет, золотые монеты на ладони в воздух подкидывает-позванивает.

Встречные люди удивляются: „Бедный человек, а золотые монеты имеет и так небрежно с ними обращается!“.

— Потеряешь, Албын!—кричат ему.

— А чего мне их жалеть!?—отвечает Албын.

— Как, это ж настоящее золото!

— Хо!—весело говорит Албын,—у моей пестрой кобылы такие штучки из-под хвоста выскакивают.

И пошел тут слух по всей стране про знаменитую, Албына, пеструю кобылу.

*) Кумысный праздник.

Услыхал старший брат Албына, приходит к нему.

— Правда ли, что у твоей кобылы из-под хвоста монеты выскакивают?

— Правда,—отвечает ему Албын.

— Нельзя ли посмотреть?

— Отчего ж,— отвечает Албын,—можно посмотреть. Пойдем. Вот вышли они из юрты. „Постой тут,—говорит Албын,—я сейчас кобылу приведу“. Пошел он в лес, поймал кобылу, сунул ей под хвост золотую монету, ведет. Подвел к юрте, привязал к столбу, взял плетку, витую из тальника, с рукояткой, украшенной вырезными узорами, ударил кобылу повыше хвоста. Она вздрогнула, хвостом вильнула. Золотая монета выпала.

— Вот,—говорит Албын старшему брату,—могу эту штучку подарить тебе.—И отдал ему золотую монету.

Побежал старший брат домой вне себя от зависти. Встречается ему по дороге второй брат.

— Правда ли?—спрашивает.

— Правда!—кричит старший брат.—Своими глазами видел. Вот и монету домой несу.

Побежал второй брат к Албыну.

— Брат Албын, покажи пожалуйста, как у твоей кобылы из-под хвоста золотые монеты выскакивают!

— Что ж, пойдем, покажу,— говорит Албын,—если ты этим делом интересуешься.

Обошел он кругом кобылу, сунул ей под хвост золотую монету, ударил плеткой. Вздрогнула кобыла, вздохнула, хвостом вильнула. Золотая монета выпала.

— Видел?—говорит Албын второму брату,—можешь взять себе эту штучку на память. И отдал ему вторую золотую монету.

Как сумасшедший побежал второй брат домой. Аж грудь себе царапает. Навстречу ему третий брат.

— Правда ли?...

— Правда, правда!— кричит второй брат, а сам, не отставаясь, домой торопится.

Ну и третьему брату Албын показал, как у его кобылы из-под хвоста золотые монеты выскакивают. Совсем обалдел этот третий брат. И вокруг-то кобылы он бегал, и в рот ей заглядывал, и туда, откуда у ней монеты выскакивают, и самую монету на зуб брал.

— Не грызи,— сказал Албын брату,—зубы поломаешь.

Я тебе на память подарю.—И отдал ему последнюю золотую монету.

Вихрем полетел домой третий брат, крепко зажал в руке золотую монету.

Но не успел еще скрыться он с глаз Албына, как прибегает старший брат:

— Продай мне свою кобылу!

Албын упирается: „Как же, говорит, так а с чем же я сам останусь?“

Старший брат много ему скота обещает, целые табуны коней дает. Албын не соглашается.

Не успели они сторговаться, прибегает второй брат:

— Продай кобылу мне!

Тут начали богатые между собой ссориться. Албын смотрит на них да посмеивается. Чуть дело до драки не дошло. Но вот прибегает третий брат:

— Продай мне!

Два богатых брата кинулись на третьего. Готовы были убить его. Тут Албын и говорит: „Ладно уж, не хочу, чтобы между собою ссорились. Продам кобылу вам“.

— Сколько возьмешь?

— С каждого по сто золотых монет,— сказал Албын.

Отсчитали ему братья по сто монет, взяли кобылу, привели домой, привязали к столбу между тремя домами, взяли свои плети и начали по очереди бить ее. Били, били... Кобыла и вздрагивала, и всхрапывала, и хвостом вертела, а золотые монеты не выскакивают.

— Обманул нас Албын!—сказали братья.—Пойдем к нему, возьмем свои деньги обратно.

Пришли. „Что же ты, говорят, нас обманываешь. Отдай наши деньги обратно“.

— Я вас не обманывал,—сказал Албын.—Я только забыл сказать, что бить мою кобылу надо той плеткой, которая у меня имеется.

— Так ты продай нам эту плетку!

— Что ж,—говорит Албын,—раз уж я продал вам кобылу, придется и плетку продать.

— Сколько просишь?

— По сто монет с каждого.

Переглянулись братья, поежились, но видят, каждого зависть берет на кобылье золото; один не купит, другой возьмет. Отсчитали по сто золотых монет, взяли плетку, пошли домой.

Пришли. Стали опять бить кобылу по очереди. Били, били, а золотые монеты не выскакивают.

— Абаахгы!*)— вскричали братья.— Опять нас обманул Албын. Но теперь уж мы не пойдем к нему. Давайте попробуем кобылу палкой бить. Взяли большую березовую палку: хочется им золотые монеты из кобылы выбить. Вот старший брат ударил. Кобыла на колени пала. Второй брат ударил. Кобыла повалилась. Третий ударил. Кобыла сдохла.

— О, Бэрээмэс!***) Пойдем же побьем его этой палкой!

Албын знал, что так это и будет. Вынес он из юрты все свои пожитки, спрятал их в другом месте, жену с коровой в лес прогнал, сидит. Ждет прихода братьев.

Вот идут они, руками машут, палкой грозятся, ругаются. Албын взял да и поджег свою юрту. Горит юрта, стоит Албын возле огня, руки греет и радуется.

Подошли братья.

— Ты зачем юрту поджег?

— Тойон мне велел угля доставить,— говорит Албын.

— Чему же ты радуешься?

— А как же, он мне обещал за каждый уголек по золотой монете дать. Скоро я буду богаче вас.

Подумали братья: верно, если за каждый уголек по золотой монете... Груда золота! Забыли они злость свою, побежали домой, чтоб раньше Албына тойону угля доставить. Подожгли свои дома, угли водой залили, нагрузили в сани, поехали к тойону. Тот велел работникам своим по шее им надавать да и выпроводить.

Албын, конечно, все это предвидел. Зарезал он корову налил крови в мочевой пузырь, подвязал его к жене подмышку и велел ей мясо варить. Наварила жена мяса, натопила сала. Сидит Албын, ждет прихода братьев.

Вот идут они злые, друг с другом не разговаривают, на брата-обманщика сердятся. Дома сожгли, у тойона по шее получили, да вдобавок жены их от себя прогнали.

Увидел Албын братьев, вышел навстречу:

— А, говорит, дорогие мои братцы, как я рад видеть вас! У меня сегодня праздник, есть чем угостить.

И кричит жене:

— Подавай скорее мясо, угощай моих братьев!

А жена сидит, что каменная, и ухом не ведет.

*) Чорт.

**) Распространитель ложных слухов, обманщик.

— Ты что, не хочешь покориться?! Или я тебе не муж, — кричит Албын.

Жена молчит и с места не трогается.

— Этак она меня скоро из дома прогонит! — сказал Албын. — Взял нож и пырнул ей подмышку. Жена упала, кровью залилась, лежит не дышит.

Тогда взял Албын пучек тальника, похлестал ей слегка по мягкому месту. Вскочила жена и стала такая послушная, такая любезная, так начала угощать братьев, что они даже перестали сердиться.

— Зачем ты ее ножом ударил? — спрашивают они.

— После того, как я ей кровь пущу, она меня любит больше, — сказал Албын.

Вспомнили братья про своих жен. Пошли домой, пустили им кровь и начали хлестать пучками тальника. Хлестали, хлестали, а жены не поднимаются.

— О, опять обманул нас Албын! Убьем его!

Побежали они к Албыну, схватили его, но тут же вспомнили: нельзя убивать единокровного брата.

Решили посадить его в бочку, отвезти на берег моря и бросить в воду.

Так и сделали. Посадили Албына в бочку, хотели ее заколачивать, а гвозди-то дома забыли.

Пошли за гвоздями, в это время едет какой-то человек с женой, Албын убил его, свалил в бочку, а сам с женщиной в лесу спрятался.

Пришли братья, заколотили гвоздями бочку, отвезли к берегу моря и бросили в воду.

Вернувшись домой: „Ну, говорят, избавились мы, наконец, от своего брата-обманщика. Теперь будем спокойно жить. Вот только, где бы нам жен достать?“

Вдруг Албын является. И такой веселый, радостный.

— Здравствуйте, говорит, дорогие братья, спасибо, что вы меня на дно моря бросили.

Испугались братья, не знают, что и говорить.

— За что спасибо-то?

— Очень уж там жизнь хорошая!

— Какая там может быть жизнь, удивляются!

— О, вы и представить себе не можете! Золота и серебра там девать некуда. Юрты из белого мрамора и драгоценными камнями украшены. Вина пей сколько тебе захочется. Женщин — любую выбирай и все красивые.

— А как ты пришел оттуда? — любопытствуют братья.

— Очень просто. Какой дорогой вы меня отвезили, той и вернулся. Да не один... Тут Албын и ввел в юрту женщину, с которой в лесу скрывался. „Вот, говорит, какую на дне моря жену нашел!“

Смотрят братья на женщину, глаза разгораются: верно, молодая, красивая. Никто бы из них не отказался от такой жены*).

— А если там хорошо, зачем вернулся?

— Мне,—говорит Албын,— жалко старую свою жену. Что ей мучиться! Возьму с собой и пойду обратно. Там можно сколько хочешь жен иметь.

Тут уж совсем разгорелись братья.

— А нам,—говорят,—можно туда попасть?

— Отчего ж, там всех принимают. Даже радуются. Особенно женщины. Их много, а нас мало.

— Так возьми,—говорят,—и нас туда.

— Это можно, —соглашается Албын,— только у меня бочек нет.

Тут братья побежали за бочками, прикатили, влезли в них:

— Заколачивай, —кричат Албыну, —да вези скорей!

Албын заколотил бочки гвоздями, погрузил на сани, едва дотащил их до берега моря.

Бросил Албын своих братьев в море, вернулся домой и завладел всеми их богатствами.

Хорошо теперь живет Албын!

VI. ОЛОНХО

Наиболее значительным, можно сказать, основным, главным видом якутского народного фольклора несомненно является олонхо.

„О крупных достоинствах якутского олонхо говорят почти все исследователи, сколько-нибудь познакомившиеся с ним. Профессор С. Малов в своем предисловии к материалам Ястремского пишет, что его поражает „чудный мир якутской фантазии, его особый своеобразный размах“. Ястремский даже сравнивает якутское олонхо „по силе, стройности, размаху и красоте с древне-греческим гомеровским эпосом“. Олонхо, как всякий былинный эпос, перво-

*) В некоторых районах Якутии женщин меньше, нежели мужчин, поэтому в сказке она играет особую роль приманки. И. Ж.

начально сложилось как отображение и воспевание каких-нибудь конкретных знаменательных и героических событий в истории народа. При этом историческая героика получила в олонхо гиперболическое отражение в монументальных образах и широких художественных обобщениях, соответствующих народным идеалам и стремлениям, с высоким взлетом народной фантастики^{*)}.

Различные варианты олонхо насчитываются десятками. Имеются разнообразные жанры их: эпические, трагические, лирические, сатирические и т. д.

Как правило, предметом героического олонхо является эпическое повествование о приключениях, битвах, удачах и поражениях человека-богатыря в борьбе с абаасы (дьяволом), тоже богатырем, олицетворяющим собою темные силы природы, угнетения и различные человеческие пороки.

Цель борьбы человека-богатыря—уничтожение дьявольских, злых сил, угнетающих народ; борьба за создание „в среднем мире“ (на земле) свободной, богатой, счастливой жизни.

Человек-богатырь олицетворяет собою идеал красоты, мужества, силы, находчивости, отзывчивости, доброты к угнетенным.

В поэме он обычно уезжает из дому, побуждаемый долгом борьбы с появившимся где-то дьяволом-богатырем. Он долго путешествует по свету и во время этого путешествия темные силы устраивают ему разного рода препятствия. Часто он попадает в безвыходное положение, находится на краю гибели, но добрые силы приходят к нему на помощь, спасают его. Наконец, он встречается с главным своим врагом—врагом своего рода, сражается с ним, побеждает и возвращается домой с освобожденными им людьми, со стадами, с несметными богатствами и почти всегда с красавицей-женой.

В некоторых поэмах человек-богатырь становится чрезмерно гордым. Он „каждое утро и вечером на заре выходит из дому и, держа кверху свой острый меч, с высокого неба просит беды, с широкого неба наказания, с почтенного страшного неба кровавого поражения, с западного неба разорения“. Но ничто не приходит. Никакие темные силы мира не трогают его.

*) Из материалов Первого съезда советских писателей Якутии.

„Нечего мне, вижу, больше ждать!“ — говорит он спесиво. И тогда народная мудрость наказывает его, учит: он гибнет от дуновения ветерка *). Часто поступает человек-богатырь неразумно, опрометчиво, прельщается женщинами, забывая, что, если он сойдется, „осквернится“ с женщиной, то уже перестает быть богатырем.

Тогда он должен идти на покой. Обычно, в таких случаях в поэме дальше уже следует рассказ о том, какой от этого богатыря родится ребенок. Ребенка стараются украсть темные силы, задушить. Но его спасают добрые духи. До поры до времени они прячут его от злых духов, а когда он подрастает, вселяют в него необыкновенную силу, большую, чем была у отца, и сын идет на борьбу со злыми духами. Наконец, и он сходит со сцены; победив врага, женится, приобретает богатства. Тогда уж внук первого богатыря продолжает героическое дело своего отца и деда.

Вот, к примеру, сюжет олонхо „Уолен-Хардаачы“.

У госпожи Номогон Эйиэхсит, богини-покровительницы рода человеческого, похищается плод в семимесячной стадии развития. Его похищает, по совету своей сестры, женщина-чародейка, осужденная за свои великие дерзости и преступления на вечное заточение в отверстом ледяном кургане Смерти под самым западным небом. Эта женщина — чародейка по имени Дьалкыырдах Дьагылла Куо, благодаря исключительно теплой, материнской заботе своей, вырашивает ребенка и делает из него человека. Уолен-Хардаачы сначала растет как дефективный, недоразвитый малыш. До тридцати лет он беспомощен, познает всякие нужды и лишения, проходит через всякие тяжелые испытания и бедствия. Терпит всякие обиды и оскорбления. Когда достигает он 30 лет, мать его вскармливает божественной влагой (сологой), которая вселяет в него титаническую силу. Он становится великим богатырем. Начинаются его чудесные героические подвиги. Цель его борьбы — защита и охрана всех жителей среднего мира от нападений злых сил абаасы, создание на земле счастливой, лучшей жизни, где все люди должны быть равными (там, где он завоевывает новые „страны“, где он побеждает владык той или иной страны, он все богатства этой страны раздает, распределяет простому, обездоленному народу поровну). Чрезвычайно интересен поход Уолен-Хардаачы за живой водой. Дело

*) Олонхо „Хан Джаргыстай“.

в том, что Юрюнг Аар Тойон (бог), создавая средний мир (землю), ниспослал людям благодатным дождем живую воду. Она представляла собою прозрачную, как жемчуг, влагу, добытую из самых сильных составов небесного эфира. Эта живая вода имела высокое назначение быть на земле всеисцеляющим источником от всяких болезней.

Но эта живая вода, назначенная свыше для земли, оказалась проглоченной жадной пастью демона — богатыря Уот Усуурукай, в желудке которого хранилась она в свернувшемся виде, как белый жемчуг величиной с яйцо маленькой птицы. Уолен-Хардааччы имел высокое поручение — отобрать эту живую воду, чтобы окропить ею землю в те торжественные дни, когда он начнет строить там счастливую жизнь для людей. Все эти цели Уолен-Хардааччы настойчиво достигает в тяжелых испытаниях и боях. В заключение, как вознаграждение за все свои доблестные подвиги, он приобретает себе невесту — красавицу Сырдык Сыралынгса Куо. Олонхо кончается всенародным торжеством.

Некоторые злые духи в олонхо тоже живут, как люди, борются с героями из-за обладания женщинами, грабят скот, владеют имуществом, домами и стадами. Даже душевные их качества ничем существенным не отличаются от качеств человека-героев. В таких случаях иногда бывает некоторое отступление: человек-богатырь после продолжительного боя заключает мир с человеком-абаасы. Например: в олонхо „Хан-Джаргыстай“ такой абаасы (дьявол) Ексюкюлях Еякыстай, после продолжительного боя, заключает мир с человеком-богатырем, и о них рассказывают так:

„Распорядительность работ у этих людей, крепость всего сделанного ими, спорость их походки, изобилие добычи их на охоте, доброкачественность их совести, кротость их мысли, ум и память их были просто лучше всех. Всякий мог бы желать и удивляться их дружбе. Если одного из них нет, то другой не ест; если один из них как-нибудь запоздает, то другой не спит, а сидит в печали, говоря: „что, мол, сделалось с моим другом?“ Живут-поживают эти люди сыто, богато, прекрасно, пресчастливо“.

В том же олонхо Хану-Джаргыстаю — внуку Белого Юноши противостоит абаасы Бередь Бергень. Они долго и ужасно бились, но никто из них не одержал победы. Тогда они помирились, стали жить четырьмя домами, работать вместе. И олонхо кончается таким выводом:

„Говорят, от некоторых из них распространились якуты: от некоторых—инородцы (тунгусы, ламуты). И происходя от них, до сих пор мы еще живем хорошо“.

Большей частью, конечно, герои побеждают своих врагов и прах их развеивают по ветру. Причем, обычно, злые духи изображаются огромными, чудовищной наружности. Когда их убивает народный герой, люди, обычно, радуются, разжигают костры и начинается у них многолюдное пиршество.

Таковы в общих чертах сюжеты различных вариантов якутского олонхо.

Почти все эти поэмы во многом сходны между собой не только по языку и образам богатырей, но и по развитию сюжета, в котором заключается борьба доброго начала со злым.

Приведем некоторые художественные детали олонхо: описание природы, людей, их душевных качеств.

Необыкновенно образно и красиво в олонхо рисуется природа. Вот как сказано о реке: „дыхание ее—роса, одеяло—туман, ложе—зеркало“. Или другие сравнения о дереве: „оно имело, говорят, нитеобразную шелковую хвою, подобную расчесанным волосам восьмилетней девочки“.

Вот дается описание стрел, которых выпускает из лука богатырь. „Он имел, говорят, оперенные стрелы, подобные блеску убегающей кометы“.

Описание неба преподносится так:

„На горизонте южного неба, стоямя выростали кроваво-черные облака, похожие на вырванные с кровью и разметанные по небу ноги людей“.

„Над горизонтом западного неба с кровавыми отливами свесились страшные тучи, точно растянутые шкуры свежесбитых медведей с кровавыми подтеками“.

Описание суровой природы дается следующим образом: „Дул такой резкий, холодный ветер, что вороны лишались своего клюва, коршуны потеряли свои крылья, кукши лишились хвостов, рослая трава переломилась, у лебедей оторвались головы“.

Начало бури в олонхо описывается так:

„Подул, крутясь, вихрь с востока,
Гром прогремел вдаль,
Забарабанил дождик частый,
И тучи седые косматые,

Точно куски кобыльего камуса,
Поплыли, клубясь, по поднебесью“.

ГИПЕРБОЛЫ В ОЛОНХО

Юрюнг-Уолан, герой поэмы „Белый Юноша“, попал в подготовленную врагами ловушку. Сестра Белая Юкяйдян-Куо узнала об этом, „видя ночью по снам и днем по приметам“. Тогда „сон у нее стал не сном, жизнь не жизнью, погналась сзади, прилетела белым стерхем по следу брата к пропасти, где он провалился и, сидя тут, плакала до того, что небо трескалось, облака рвались, земля разваливалась, а слезы двух глаз образовали два маленьких озера; плакала, приговаривала, причитала за три ряда белого неба“.

ЛИРИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ОЛОНХО

(Песня девушки)

Уходящее время уменьшилось.
Восходящее время ушло.
Бегущее время промчалось,
Несомое время пронеслось.
Прожитое время простерлось...
Мать моя, ты останешься, а я ухажу!
Отец мой остался, а я ведь ушла!
Меня взял юноша с запада!“

ОПИСАНИЕ ГНЕВА БОГАТЫРЯ

„Человек страшно рассердился, ужасно раздосадовался; заторопилась его ланитная кровь, кверху и вниз стала перебегать лобовая кровь; задымилась носовая кровь; прискочила сбоку дерзкая мысль; прилетела с затылка хвастливая мысль; пришла гордая мысль, задымаясь, как голубое облако. Тогда в сердцах стал он говорить, подобно звуку ружейного выстрела“.

ОПИСАНИЕ ЖЕНЩИНЫ

Богатырь Белый Юноша с молодой женой, возвращаясь к себе на родину, заночевал в пути, разведя „десятипоясной огонь, достигающий пламенем до неба“... „Вдруг с восточной стороны остановилась за огнем, ведя левою рукою трехлетнего мальчика, вчерашняя женщина (она является второй раз—И. Ж.) в сияющем солнечного отлива платье без тени,

с небесными лучами неотгадываемого распорядка, на вид лучшая из виденных, кажется, самая превосходная из слышанных, имеющая чрезмерно добрую совесть, с чудным станом, с блестящим серебряным челом, с лучистыми серебряными висками, с нежно серебристыми гдечками, с завистливыми глазами, черными бровями, из-под губ, подобных пугицам, блестящие зубы, светили светящиеся, не крошащиеся золотые скулы“.

Разумеется, по приведенным отрывкам трудно судить об олонхо в целом, но все же они дают, как нам кажется, некоторое представление о строе речи, об образном восприятии мира и о системе художественного изображения природы и людей в якутском народном эпосе.

До революции запись якутского фольклора вели, главным образом, находившиеся здесь политссыльные. После революции недостаток научных кадров и вражеские помехи тормозили работу по собиранию устного народного творчества.

Начало новому, серьезному отношению к этому делу положил Первый Всеякутский съезд советских писателей.

Впервые в истории Якутии был поставлен и обсужден специальный доклад о народном творчестве, организована при Союзе писателей фольклорная секция, десять лучших олонхосутов приняты в члены Союза писателей.

Из принятых в члены Союз писателей выделяется, как его называли, „патриарх“ олонхосут Федор Михайлович. Федору Михайловичу 96 лет. Около 80 лет он поет в народе олонхо. В 1928 году записана от него лучшая богатырская поэма „Неспелый сыч“, вышедшая отдельной книжкой. В 1938 году записана от него лучшая богатырская поэма „Неспелый сыч“, вышедшая отдельной книжкой. В 1938 году записана от него лучшая богатырская поэма „Неспелый сыч“, вышедшая отдельной книжкой.

Олонхосуты Якутии — Шарборин Михаил Терентьевич знает 25 олонхо. Если бы все их записать, получилось бы около 20 томов народной поэзии.

Олонхосутка Иванова Екатерина Егоровна, колхозница, исполняет старые олонхо, сочиняет новые песни. Кроме Шарборина и Иванова — Герасимов Семен Степанович, Ядрихинский Прокопий Прокопьевич, Зверев Сергей Афанасьевич, Давыдов Петр Иванович, Охлопков Егор Герасимович, Оконешников Иосиф Дмитриевич и Степанов Николай Иванович тоже не только исполняют олонхо или в драматизированном виде представляют его на

сцене колхозных клубов, но и творят песни, сочиняют новые советские произведения.

Перед тем, как принять их в члены союза писателей, некоторые олонхосуты исполняли свои олонхо.

Это было замечательное зрелище.

Певец обыкновенно садится на стул, кладет руки на колени или приставляет ладонь к виску и, наклонив слегка голову, вначале быстрым речетативом рассказывает, вводит слушателя в суть поэмы. А затем начинает петь. И вы, не зная языка, по трубному звуку голоса чувствуете, что поет он о чем-то величественном, мощном. В вибрации гортанных звуков вы вдруг улавливаете нотки иронии или лирической мягкости, или гнева, страсти. И затем вдруг снова могучий трубный звук. Лицо певца остается спокойным, но дрожание голоса, вибрация его, сила и ясное ощущение страстности поющего—поющего от души, от сердца, покоряет вас. Вы видите перед собою замечательного артиста, который не только поет, но и глубоко переживает воспеваемое.

Особенно захватывающе пела олонхосутка Иванова Екатерина Егоровна.

По нежности, по грусти, звучащих в голосе, легко можно было понять, что она—женщина-мать—поет о чем-то трогательно-материнском, должно быть, мать расстается с сыном, уезжающим на борьбу с могучим злым врагом. Но вот голос ее крепнет, звенит, наливается гневом, страстью. Лицо сурово, дрожат ноздри, глаза неподвижно устремлены в пол. Она вся напряжена...

Мастерское пение, яркие образы, чудеснейшая фантастика, художественно обрисованный мир героев и их переживания, борьба, поражения и победы и, наконец, высокие гуманистические идеи, за которые борются герои, захватывают слушателей. Они готовы, я и сам это видел, всю ночь сидеть напролет, слушать пение олонхосута, время от времени выкрикивая поощрительное „но!“

Якутский фольклор почти еще не собран. Какая-нибудь сотая доля поэтического богатства якутского народа записана, обработана и издана.

Институт языка и культуры Якутии и Правление союза писателей совместно начинают теперь собирать богатства устного народного творчества.

Надо думать, что скоро, вероятно, поэтические сокровища якутского народа станут достоянием всех народов Советского Союза.

1. В ГОРОДЕ, ГДЕ ЖИЛ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Н. Г. Чернышевский прибыл в Вилюйск в 1872 году. Томился он здесь 12 лет. По письмам его, по документам, по рассказам других, побывавших в то время в Вилюйске, город представляется в следующем виде.

Две улицы. Сорок построек, две трети из них—якутские юрты. Деревянная церковь и кладбище на пустыне. Кругом тайга. Тюрьма Чернышевского—одноэтажный деревянный дом в шесть окон, обнесенный бревенчатым забором. Была одна купеческая лавка, одна школа, один поп, один исправник и отряд казаков при нем, охранявших Чернышевского. Число жителей не превышало 500 человек. Большинство из них были якуты, занимавшиеся почтовой гоньбой на оленях. Ни хлебов, ни овощей не сеяли. Не было даже покосов, не было потому и лошадей. Тайга простиралась на 700 верст до Якутска. На всем этом пространстве были только почтовые станции-юрты 40—60 километров одна от другой. Ближайшая больница была в Якутске.

После этого понятными становятся слова Чернышевского: „Вилюйск—это по названию город, в действительности это даже не село, даже не деревня в русском смысле этого слова, это нечто до такой степени пустынное и жалкое, че-

*) Побывать во всех городах и районах Якутии невозможно. Для этого, учитывая транспорт и времена года, потребовалось бы на разезды не менее трех лет. Но изменения жизни там громадные и чрезвычайно интересные. Знать это советскому читателю необходимо. Желая удовлетворить стремление советского читателя к познанию своей страны, при составлении данного очерка, кроме личных наблюдений, я использовал официальные материалы Якутских государственных учреждений и рассказы гг. Макарова, Дедкова, Шелухина, напечатанные в газете „Социалистическая Якутия“. Желание у меня одно: дать советским людям возможно полное представление о Якутии (И.Ж.).

му подобного в России вовсе нет. Надобно вообразить хутор, в котором возможно жить лишь потому, что он подле большого города или села, да и то этот хутор надобно перенести в пустыню за 700 верст от ближайшего рынка. За немочь здесь сколько-нибудь серьезно—это значит наверное умереть. Путь сюда далек и очень труден. Сама почта не может идти сюда без страшной опасности... Тюрьма без решеток, без тюремных замков, но тюрьма надежная, откуда бежать так же трудно, как и из Шлиссельбурга“.

Об основном же населении города—о якутах, Чернышевский с горечью восклицал: „Я перестал ходить в город, чтобы не встречать этих несчастных, избегаю тропинок, по которым бродят они по опушке“.

* * *

Самолет взмывает над Леной и берет курс на запад. Внизу все та же тайга, озера, болота, мелкий лес. Но вот блеснула река Вилюй. По ней идут пароходы. Рядом Вилюйский тракт: видны мчащиеся грузовики и конные обозы. Оленей уже не видать. Оленя вытеснил конь.

Здесь, в бывшей пустыне, организовано 40 колхозов. И с воздуха заметно, как преобразилась земля. Там, где из-за отсутствия покосов олени заменяли лошадей, теперь видны колхозные стада. Где были бесконечные сплошные леса, видны обширные свободные пространства, а на них зеленеют посевы, движутся тракторы, копошатся люди.

И вот тайга обрывается... Перед нами новый советский город. Тут уже много улиц, застроенных деревянными, правда, но отличными, радующими глаз, домами.

Шум в магазинах. На полках куски крепдешина, шерстяных тканей, ситца. И несут люди домой куски полотна, готовые платья, пальто, цветные ботинки и туфли, патефоны и швейные машины. А в гастрономическом магазине покупают виноградные вина и различные водки, колбасу и консервы, печенье и варенье, сливочное масло и шоколад. На колхозном базаре можно купить свежую рыбу—стерлядь и окунь—вилюйского улова; много мяса, яиц, молока и молочных продуктов. Овощи—обыкновенное явление, как и на московском колхозном рынке.

В книжных магазинах всегда оживленно: книги берут нарасхват. Классическую литературу марксизма и творения вилюйского узника увидишь в каждом доме.

В городе, помимо начальных и средних школ, уже несколько лет существует Педагогическое училище. Имеется звуковое кино и Дом культуры. Здесь организуются театральные постановки, торжественные вечера и просто вечера с танцами и песнями.

Посмотрел бы теперь великий мечтатель на свой город-тюрьму. Здания, где он томился, давно уже нет: река Вилюй подмыла берег и похоронила его в своих волнах.

Вместо тюрьмы, церкви и полицейского управления, теперь город украшают почта-телеграф, больница, аптека, магазины, кино, школы, парикмахерская, баня, столовая и ресторан. Летом в тайге близ города раздаются песни ребят, марширующих под барабаны из пионер-лагерей на реку и обратно. Радио передает московские новости. Газета печатает статьи о международных событиях.

Живут теперь люди Вилюйска той самой жизнью, о которой Чернышевский мечтал.

II. ЖИТНИЦА ЯКУТИИ

Городу Олекминску более 300 лет. Немного у нас по возрасту таких городов. Правда, история его не блещет выдающимися событиями. Никто его не забирал, никаких особенных людей он не выдвинул, никаких открытий в нем не произошло.

Город развивался туго, почти незаметно. Сто лет потребовалось, чтобы в городе прибавилось 20 деревянных изб. Двести пятьдесят лет прошло, пока олекминские купцы заменили, наконец, деревянную церковь каменной. И то—что это за церкви! Чуть побольше якутской юрты.

Олекминск долго сохранял свой старинный вид. Облик его некий путешественник Щукин в свое время описывал так:

„Город Олекминск лежит на левом берегу реки Лены, подле невысокой горы, под 60 градусом с минутами северной широты. Он состоит из двух прямых улиц и набережной, на которых считается домов и юрт до 60. Между мелкими деревянными избами проглядывают купеческие дома порядочной величины. Жители состоят из купцов, мещан и казаков; управление городом и округом сосредотачивается в лице одного только окружного исправника; он городничий, исправник и судья. Небогатые канцелярские чиновни-

ки и мещане живут в якутских юртах. Скотоводство и торговля пушными зверями составляют главнейший промысел здешних жителей. Олекминские соболи считаются лучшими во всей Якутской области. Здесь занимаются отчасти и земледелием, но не всегда рождается хлеб; урожаю вредят ранние морозы. В хорошие годы на местах, вновь вспаханных, ячмень рождается сам-сороковой“.

Жителей в городе насчитывалось 240 человек обоего пола, причем 22% из них были политические ссыльные. В специальном здании хозяйственного департамента министерства внутренних дел за 1882 год находим об Олекминске такие исторические данные:

„Существующие в городе приходское училище, богодельня и больница на 8 кроватей, содержатся за счет казны и частично на суммы, пожертвованные инородцами, так как главное назначение больницы—препятствовать столь распространенному между инородцами сифилису“.

Вот, собственно, и все, что можно сказать о старом Олекминске. Таким он оставался почти три века.

Посмотрите теперь на Олекминск со склона.

Внизу—улицы и переулки. Вправо к сопке ушли дома пригородного села. На зеленом фоне ярко выделяются дома новостроек. В центре города—каменное здание—клуб. Немного выше—Полеводческий техникум.

Город украшает Лена. Широкой трехкилометровой серебристой дорогой течет она у Олекминска. Высокая набережная. Пристань. Стены бывшего гостиного двора возвышаются на холме, будто старинная крепость. Далеко виден пароход. Вот он причаливает к пристани. Начинается разгрузка машин, промтоваров, продуктов. На пристани собирается народ. Едущим на пароходе пассажирам олекминцы продают рыбу, молоко, яйца, дичь.

Спускаются над городом бледные сумерки. Блестит электричество. На набережную выходит чуть ли не весь город. Гремит московская радиомузыка. Открываются двери кино. Самодеятельный струнный оркестр кружит пары в фокстроте и вальсах. А на другом берегу Лены загораются костры. Издали они похожи на волчьи глаза. Это рыбаки выехали на вечерний лов.

Воздух чист. Ветерок доносит с гор аромат тайги. Лена дышит прохладой и плещется, плещется о прибрежные гальки.

Вопреки описаниям былых путешественников, Олекминск славится теперь урожаями хлебов.

В районе существует 52 колхоза. Своя МТС.

Олекминские колхозы по урожайности и ассортименту хлебов ничем не уступают колхозам центральной части Союза. Это вызывает у якутов законную гордость. При сухом, континентальном климате добиться среднего урожая пшеницы с гектара по всему району 13,3 центнера, а на отдельных участках до 22—это многое значит!

Раньше Олекминск—район охотников и скотоводов, теперь он стал житницей Якутии, самым богатым, самым культурным районом.

III. ВЕРХОЯНСК

„Верхоянск. 25 сентября (по телеграфу). Солнышко бросает последние лучи. По утрам деревья одеваются в серебристый наряд инея. Горные хребты кутаются в белый туман. Затих птичий гомон.

Северная осень вступила в свои права.

В этом году жители Верхоянска не ощущают недостатка в овощах. Здесь местные колхозы, используя советы Опытной станции, сумели снять хороший урожай овощей. Да и сама Опытная станция имеет значительные достижения. В овощехранилищах лежат большие груды крупной репы, брюквы, картофеля. Слышится хруст белоснежной капусты, виднеется сочная морковь.

В теплицах Опытной станции зеленеют клинские огурцы, гроздьями висят яркокрасные помидоры. Валовой сбор овощей увеличился в 10 раз. Доказана полная возможность устройства огородов и создания в Верхоянском районе своей овощной и картофельной базы. Жители самого холодного в мире города в недалеком будущем будут полностью обеспечены свежими овощами круглый год“.

Это—одна из телеграмм. Через месяц поступила другая:

„Верхоянск. 25 октября. Сегодня в Верхоянске—21 градус мороза. В Оймяконе—27, В Усть-Моме—41“...

И это уже в октябре! А в январе—феврале в Верхоянске и его районах мороз достигает 73 градусов. Средняя годовая температура 50° ниже нуля.

Читаешь и думаешь: как там люди живут? Чем они дышат? Ведь, это ужасно! Но вот что рассказывает тов. Макаров в газете „Социалистическая Якутия“ о Верхоянске.

„... Пароход, обогнув город, причаливает к высокому берегу Яны. На набережной разгружаются баржи. Каждый пароход привозит новых поселенцев. Далеко над рекой разносятся гудки, песни, смех.

Длинная, прямая Советская улица протянулась во весь город. Улица застроена большими деревянными домами. Их становится больше и больше. С каждым годом увеличивается население заполярного города. На окраине виднеются полуразвалившиеся юрты. Это—наследство старого Верхоянска. По улице во всех направлениях снуют грузовики. Они вытесняют сани и волок.

Завтрашний день Верхоянска—замечателен, и потому так любят жители свой город. Они гордятся извилистой Яной, огурцами и помидорами из собственной Опытной станции, двумя большими школами, магазинами, баней, клубом, радиостанцией, стадионом физкультуры.

Зажиточность населения Верхоянска проявляется во всем. В несколько раз возросло потребление масла, сахара, мяса, копченностей, консервов и сладостей. Совершенно изменился внутренний облик жилищ. В них стало чище, уютнее. Почти в каждом доме—радио.

Особенно заметен рост культуры города. В старом Верхоянске и в районе в 1905 году интеллигенции было 9 человек, зато в районе находилось 9 церквей. А детям негде было учиться.

Теперь Верхоянск имеет большую прослойку своей советской интеллигенции. Местный якут Третьяков работает заместителем начальника Янского эксплуатационного участка. Тов. Степанов, когда-то мечтавший о грамоте, работает главным врачом городской больницы. Теперь живут и работают в городе Верхоянске геологи, врачи, учителя, бухгалтеры.

Все дети школьного возраста учатся в школах. В городе работают курсы агрономов. Жители выписывают сотни различных газет и журналов. Библиотека не в состоянии обслуживать запросы читателей. В парткабинете всегда многолюдно. В клубе на кино-сеансы нехватает билетов. В городе начали выходить две печатные газеты: „Верхоянский Большевик“—на якутском языке и „Верхоянская Правда“—на русском языке.

Жестоким спутником верхоянского жителя в старое время была цынга. Весною она поражала сотни людей. Теперь цынги нет. Она побеждена хорошим и разнообразным питанием. На колхозном базаре трудящиеся покупают капусту, морковь, репу и другие овощи.

Верхоянск имеет большие перспективы. В районе есть богатые месторождения полезных ископаемых, особенно олова. Разведка в Верхоянских горах — трудное дело. В таежных дебрях легко заблудиться.

Но тайга теперь не пугает советских геологов. Они осваивают все новые богатства.

Ну, что можно сказать после этого о советских людях?

IV. НОВЫЙ ПУТЬ

Мало кто знал, что представляет собою река Яна. На карте она отмечена тоненькой извилистой черточкой, протянувшейся чуть ли не от Лены у Сангар-Хая до Ледовитого океана. А что собою представляла река, какие ее особенности, какова глубина? Ничего не было известно.

Вытекает она из отрогов Верхоянских гор. Пробивая горную тайгу, лесотундру и чистую тундру, Яна до последнего времени оставалась почти необитаемой.

Только в 1936 году заинтересовались ею, как возможным речным путем от моря Лаптевых до Верхоянска. Пустили два маленьких пароходика по 200—300 лошадиных сил. Через два года прибавили еще два, а к концу третьей пятилетки будут курсировать по реке Яне десять пароходов. Это уже можно назвать флотом.

До 1930 года считалось, что до устья Яны морские корабли доходить не могут. Теперь это опровергнуто фактом. В навигацию 1939 года пароход Северного морского пути „Казахстан“ от бухты Тикси с грузом пробился к устью Яны и передал людей и товары непосредственно Янскому речному пароходству для доставки их вверх по реке к месту назначения.

Это значит, что отныне можно ехать из Москвы Северным морским путем прямо в Верхоянск. Путь от Москвы до Верхоянска сократился, примерно, в два раза и стал более удобным, нежели путь из Москвы через Иркутск, Якутск и, затем, свыше тысячи километров верхом на лошадях по тайге. Это в то же время значит, что грузам до

Верхоянска и обратно обеспечен быстрый и дешевый транзит. Двойное сокращение пути вдвое ускорит освоение северных богатств. Странно только, что даже такие дела у нас остаются незамеченными. А ведь мы можем с гордостью заявить, что новый, неведомый до сих пор, речной путь открыт, и могучая Яна приступила к работе.

* *
* *

Но все же, что это за река?

„На протяжении свыше тысячи километров Яна несколько раз меняет свое течение. Еле заметный ручеек переходит в быструю горную реку, а в низовьях разливается широким спокойным потоком.

Река протекает по красивым живописным местам. Она то сдавлена высокими скалистыми берегами, то разливается по обширной долине, то теряется в островах.

Теперь на Яну едет много людей. Среди них строители, геологи, горняки, врачи, механики, грузчики. Первые 650 человек от бухты Тикси ехали на пароходе „Казахстан“. Пять дней „Казахстан“ пробивался сквозь льды и туманы. Наконец, он подошел к Яне. Над широким устьем стлался молочный туман. Остановились. Дали гудок. Вскоре подошел янский пароход „Каганович“, таща за собою баржи. Мы пересели на баржи и двинулись вверх по Яне.

Туман, исчезая, открыл низкие тундровые берега. За сорок километров от устья поднялись высокие горы. Прорезая громадные хребты, поросшие лесом, длинной змеей вьется между ними Яна. Берега пустынные. Жилье стоит друг от друга на 80—100 километров. Здесь еще много мест, где не ступала нога человека. Здесь обширное поле деятельности для следопытов, краеведов, туристов, геологов и исследователей.

Издredка пройдет встречный пароход, проскочит катер, проскользят лодка или плот. Пароходный гудок наполнит своим гулом пустоту лесов, наведя страх на зверей и птиц. По обоим берегам растут исполинские Иван-чай. Дальше поднимаются коричневые стволы хвойного леса. Видны красные от ягод кусты смородины. По утрам плещется рыба в реке. То и дело попадаются стаи уток и гусей. В одном месте обрушился берег и глазам представилась гора вечного льда, слегка покрытая наносом земли. Чем ближе к фактории „Комсомольская“, тем горы становятся все вы-

ше и выше. Они купаются в золоте утреннего солнца или в свинцовом вечернем тумане.

На реке царят сумраки. Из трубы парохода сыпятся золотистые искры. Колеса равномерно стучат лопастями.

Пароход напористо режет водную грудь реки. Река чрезвычайно капризна. Иногда, сделав громадный изгиб в несколько километров, она снова приближается к своему прежнему руслу.

На правом берегу виднеются Чапаевские горы. На них стоят выветрившиеся скалы, похожие на всадников. Получилось красивое зрелище.

Наконец, Яна становится настолько узкой, что борта парохода едва не задевают берега. Затем река снова становится шире.

Чем ближе к Верхоянску, тем чаще делается наметка воды. Окружающие просторы оглушаются криками матросов.

— Деся-я-ять!

— Подтаба-а-ань!

— Пронеси-и-ит!

Последний крик говорит о большой глубине.

Пароход почти кругом огибает берег и дает причальный гудок. Мы в Верхоянске.

Такова, в описании тов. Макарова, эта вновь открытая, далекая якутская река.

V. УСТЬ-ЯНСК

Триста лет тому назад явились на север русские казаки. Поселились они в 140 километрах от побережья Ледовитого океана, в устье Яны, где много было песцов, куда откочевали якуты и эвенки, спасаясь от грабежа колонизаторов.

Казаки построили село на берегу реки, привезли с собой пола, исправника и приступили к сбору ясака с „инородцев“.

Попы, окрестив их, брали по четыре песца за молебен. Исправник безраздельно владычествовал над темными, запуганными людьми. Купцы спаивали их вином. Шаманы били в бубны и вызывали духов для наказания непослушных.

Тойоны присваивали себе все, даже детей, по праву старейшин рода.

Шли годы, десятилетия, века. Ничто не изменялось в тундре.

Казаки стойко сохраняли свое обличие, нравы, быт и даже тот язык, на котором они говорили триста лет тому назад. От якутов переняли они способность побеждать суровую природу Севера, преодолевать на собаках беспредельные пространства, жить месяцами на морозе, ночевать в снегу, ловить рыбу, питаться тем же, чем питаются якуты.

Культурный уровень у них остался трехсотлетней давности: они в глаза не видели письменности, не знали, какие на свете существуют государства и вообще не представляли себе, что произошло за триста лет на Большой земле. Получился народ-уникум.

Так бы, вероятно, и еще триста лет прожили они, если бы не произошло на Большой земле какие-то важные события. А что именно произошло, они не понимали. Удивительным казалось только то, что не для кого стало собирать ясак и никто этого не требовал. Купцы исчезли. Хлеба никто не привозил. Пришлось питаться оленьим мясом и рыбой. Но попы, шаманы, тойоны и исправник оставались. Якуты узнавали больше. Им ветер доносит вести. Они за неделю узнают, что произошло за тысячу километров от них. Вести шли хорошие: „Русские своих тойонов прогнали, скоро за наших возьмутся. Русские люди отказались брать ясак“. Якуты радовались и ждали, что будет дальше.

Они ждали долго. Только через несколько лет приехали к ним люди из Якутска и сказали:

— Вся тундра—ваша, все звери—ваши. Никому и ни за что платить не надо; пушнину у вас будет покупать за деньги и за хлеб новая власть! Тойонов, исправника, попов и шаманов не нужно: они только мешают вам богато жить. Выберите из своей среды лучших людей, и пусть они заботятся о вас.

Больше стали добывать пушнины казаки, больше получать хлеба и других продуктов, богаче стали жить. Но быт, условия жизни остались прежними. Поселок „Казачьё“ и окружающая тундра были отрезаны от мира с одной стороны Ледовитым океаном, с другой—непроходимыми лесами.

Но вот по реке Яне пошли пароходы. Снизу от бухты Тикси и устья Яны начали прибывать новые промышленные грузы. Появились новые люди, и много их; никогда не прибывало раньше столько людей на Север. На берегу Яны, возле „Казачье“, возникла пристань. Теперь здесь, как корабли в порту большого города, останавливается флот рыбацких лодок. Мимо идут и причаливают пароходы. Мчатся быстрые и громкие катера.

Теперь уже не скажешь, что „Казачье“ отрезано от мира. Теперь это будущий портовый город—центр вновь возникшего района Якутской республики—Усть-Янск.

И уже складывается нечто похожее на город: построена пекарня, открыт магазин, возвышается над поселком школа, протянулась по воздуху проволока, полощатся над райкомом партии и райисполкомом красные флаги. Открыта торговая контора, а в ее складах лежат тюки мамонтовой кости и пушнины, штабеля мешков с мукой, бочки с маслом и жиром, ящики с консервами и гастрономией. Между новым районом и Большой землей уже возникли нормальный товарооборот, воздушное и морское сообщение. Оживает тундра.

Тов. Дедков, побывавший в 1939 году в Усть-Янском районе, с восторгом рассказывает о своих впечатлениях в газете „Социалистическая Якутия“.

„...Полярная осень. Догорает короткий бледный день. Пароход Янского флота „Эрнст Кренкель“ причалил к пристани. Мы спешим на берег. Пахнет богульником. Кругом, куда ни кинешь взгляд, бескрайние плантации диких ягод: брусники, красной смородины, голубицы. Сколько добра пропадает даром!

... Вот на этом пригорке возникает поселок и задымит завод. На базе богатых торфяников вырастут электростанции. Смуглые девушки севера будут работать на консервном заводе. Они соберут из-под пресса круглые банки с прекрасным брусничным вареньем.

Все это будет. И скоро!

... Богатая якутская тайга. Гомоном дичи наполнены ее леса. Но самое главное богатство Усть-Янского края — песец. Лучший в мире песец. Про песца здесь слагают песни. О нем ведут разговор за чашкой крепкого сибирского чая. На слетах лучших людей района произносятся горячие речи о том же песце. Песец приносит государству миллионы

дохода. Десятки тысяч рублей за короткий сезон зарабатывают охотники.

Синий вечер застал нас в пути к Усть-Янску. В небольшом местечке, под названием „Роман-Ыры“, останавливаемся на привал. Все население, состоящее из 4 человек, вышло на встречу случайным гостям.

За длинным столом вместе с радушными хозяевами пьем чай, едим рыбу во всех видах: соленую, свежую, малосоленую. От хозяев узнаем историю рыбацкого поселка. Он возник только в этом году. Отважные рыбаки сплавили вниз по Яне дом и в 50 километрах от Усть-Янска zaloжили поселок. В нем пока одна изба, да сарай для рыбы. Бригадир — молодой парень, комсомолец Митя Сандаков.

Рыбаки рассказывают о своей жизни, об улове:

— Живем неплохо. Сейчас рассчитались за снасть, закупили продуктов на целый год. Рыбу сдаем по хорошей цене: 2 рубля килограмм. Одно плохо: книг нет, читать нечего.

Прощаясь с нами, 4 рыбака — выходцы из далеких центральных областей Союза, просили не забывать о них. Митя Сандаков поставил перед собой задачу — зимой закончить среднее образование.

Русские помогают якутам оживить ледяной Север. Но сколько еще нужно людей, чтобы использовать все его богатства!

Территория Усть-Янского района простирается на 116 тысяч квадратных километров. Это, почти, половина Англии. Он граничит с морем. В него входят Ляховские и Новосибирские острова, обильные песцами. И на всем этом гигантском пространстве живут всего только две тысячи восьмьсот человек!

В районе организовано 13 колхозов и промыслово-товарных хозяйств. Наслеги (поселки) находятся за 400—500 километров от районного центра, а люди промысловых бригад живут и работают на расстоянии 200—300 километров от своего наслега.

Таков этот вновь организованный Усть-Янский район. Сколько тут надо людей!

VI. СРЕДНЕ-КОЛЫМСК

Если взглянуть на карту Якутии, можно ясно видеть, что за рекою Леной вся северо-восточная половина края разрезается на три части реками Яной, Индигиркой, Колымой. За

Колымой лежат пространства Дальнего Востока. Но вся Колыма и ее окраины, вплоть до Ледовитого океана, входят в территорию Якутии.

Взглянем на этот край, посмотрим, как живут и что там делают советские люди.

— По ровной ослепительно-белой дороге, по льдам реки Колымы быстро мчались мои собаки, — рассказывает в своих путевых заметках советский агроном Иван Шелухин. — Наконец, вдали показались радиомачты. После трехтысячекилометрового пути по тайге и тундре, после одиноких юрт, затерявшихся в беспредельном ледяном пространстве, странно и радостно было видеть радиомачты — признаки большой культуры. Было ясно, что это Средне-Колымск, город, веками остававшийся одиноким и сиротливым в самом далеком уголке земного шара. Здесь трудно даже представить себе ближайшую железнодорожную станцию. Скорее всего, это будет Владивосток, находящийся за 4 тысячи километров от Средне-Колымска. Даже ближайшая бухта Амбарчик, в которую только раз в год прибывают один-два морских парохода с продовольствием, отстоит от Средне-Колымска почти на 700 километров. Еще совсем недавно, в начале двадцатых годов, в эту бухту пять лет не показывались пароходы, и люди помнят, как они ели лиственничную заболонь, не имея хлеба.

Итак, впереди радиомачты. Веселее стало. Скоро город, люди, жизнь и, значит, здесь, в этом далеком снежном крае, я смогу узнать все, что творится в мире. Сколько радости сулят мне эти радиомачты!

* * *

Средне-Колымск лежит за полярным кругом на 67 градусе 27 минуте северной широты и 153 градусе 40 минуте восточной долготы. Таким образом, он расположен на одной параллели с Верхоянском, а восточный меридиан Средне-Колымска проходит далеко восточнее Японии.

Городок раскинулся на левом берегу судоходной реки Колымы, при впадении в нее реки Анкудинки. Там стоит столб, а на нем крупными жирными цифрами выведено — „479“. Знатоки утверждают, что это расстояние до Нижне-Колымска.

Многоводная, широкая река Колыма. С первого взгляда кажется она бесприютной, унылой, но когда узнаешь все

„секреты“ больших просторов, река становится обжитой, усеянной заимками и рыбалками.

Средне-Колымск—районный центр. Здесь есть больница, неполная средняя школа, радиостанция, клуб и при нем хорошая библиотека, три магазина и местные учреждения. Почти все домики Средне-Колымска без крыш, но во многих из них уютно, тепло. На зиму их обмораживают снегом и стоят они, точно в сказке, белые, чистые, светлые. Почта, общежитие райисполкома, склад торговой конторы имеют крыши и напоминают хорошие городские постройки.

Населения в городе около тысячи человек—якутов, колымчан и приезжих с „материка“.

Чем же здесь люди живут? Ответ сразу нельзя получить. Город этот своеобразный. В нем нет еще промышленных предприятий, и люди живут своей особенной северной жизнью.

* * *

Во второй половине мая река Колыма еще спит. Лед на ней трогается в первых числах июня. В это время стоят теплые, солнечные дни. Природа быстро сбрасывает себя белые одежды, она готовится к встрече южных гостей.

Высоко, высоко в голубом небе летят лебеди, немногом пониже оглушают просторы крикливые гуси и совсем низко, над самой водой, мчатся быстрые утки.

Охотники дрожащими руками торопливо набивают патроны и спешат на острова, к озерам, в тайгу, чтобы оружием выстрелами возвестить о пробуждении природы.

Но вот уже пролетели на Север гуси, утки и лебеди. Вода пронесла в океан ворчливые льдины, и охотники снимают ружья на сети и невода. Снова—на озера и реки. Обитатели воды плывут с севера на юг и попадают в невода рыбаков. Жирные нельмы, сига, чирь трепещутся в неводах, их бьют по головам и бросают в лодки. На берегу у рыбаков всегда горит костер, и между тонями они поджаривают пойманного сига в расщепе.

На озерах ловят щук и карасей, стерлядок и чиров. На переметы попадают налимы и осетры.

Сказочно быстро летят длинные, бесконечные дни короткого, нежаркого лета. Надо успеть накопить сена скоту, наловить на зиму рыбы, перевезти из Амбарчика по реке продовольствие и товары для всего района, разгрузить на

берег и распределить по наследам. Надо заготовить и приплавить на зиму строительного леса, дров. Надо к первому снегу подготовить черканы, капканы и ружья.

В выходные дни молодежь города состязается в футбол, волейбол, а вечерами собирается в клубе, где часто идут любительские спектакли, где играют в шахматы, где читают книги, где танцуют вальсы и фокстроты.

Охотничьи бригады трех колхозов Средне-Колымска снаряжаются на два-три месяца за триста-четырееста километров в лесотундру. Они привозят сотни песцов, тысячи белок и горностаев. Попадаются чернобурые лисицы и сиводушки...

По утрам вокруг городка кричат куропатки. Те, кто не выходит за песцами, а живут в городе, стреляют куропаток и глухарей.

Незаметно проходит месячная полярная ночь морозной и длинной зимы, когда часто по небу, разливаясь, плывут с севера и исчезают на юге раскрашенные полотна северного сияния. Они перекликаются с северной землей, как будто знают, что и на земле становится такая же красивая жизнь.

Ведь теперь на складах торговой конторы Севморпути не менее, чем 2-летний запас продовольствия. Теперь уже никто не думает, что хлеба нехватит, что придется есть лиственничную заболонь. Теперь, как страшную сказку, можно услышать о временах, когда людям приходилось есть даже землю.

Средне-Колымский район занимает обширную территорию тайги, лесотундры и тундры. Около ста восьмидесяти тысяч квадратных километров пространства—это на много больше Московской области. С юга на север, по реке, район тянется на 750 километров и его северная граница доходит до 70 градусов северной широты, почти на шестьсот километров севернее Архангельска.

Расстояние от Москвы до Средне-Колымского района лучше считать временем. Когда в Москве начинаются утром занятия в учреждениях, здесь их закончили больше часа назад. Зимой целый месяц в Средне-Колымске не появляется солнце, а летом почти три месяца нет ночи: здесь вечер встречается с утром, и утро приветствует вечер.

В короткое лето земля здесь оттаивает всего лишь на семьдесят шесть сантиметров и то на открытых местах, а в

затененных листвой и кустами, среди кочек—ледяная земля начинается на глубине десяти сантиметров, а часто прямо под лесной подстилкой. Тысячелетиями земля скована холодом. Вечно мерзлая, она похоронила там некогда мамонтов, да и сейчас в районе часто находят кости этих, давно вымерших гигантских животных, а на реке Березовке, как многим известно, был найден тот мамонт, который находится в Музее Академии Наук.

Зима продолжается здесь с начала октября до конца мая. Значит, восемь месяцев зимы и четыре месяца—остальных времен года. Все-таки, растительная жизнь имеет в своем распоряжении восемьдесят пять дней—это то, что называют вегетационным периодом.

Климат суровый. Средняя годовая температура за последние одиннадцать лет оказалась равной двенадцати градусам мороза, в то время, как в Мурманске около нуля. Самые сильные морозы доходят до пятидесяти восьми градусов, а самые теплые дни бывают, в конце июня и в начале июля, когда температура поднимается иногда в полдень до тридцати трех градусов.

Лето очень короткое, но месяцами незаходящее солнце возмещает недостаток тепла, и в этой суровой стране болот и озер мы имеем богатый мир зеленых растений.

Здесь в изобилии растут: даурская лиственница, ива, охта, красная смородина, шиповник. Голубика и брусника местами покрывают большие пространства и дают обильный урожай вкусных ягод. Весьма многочисленны представители злаковых трав, среди которых первое место занимают вейники: они дают большую укосную массу и охотно поедаются колымским скотом. Встречаются костры, мятлики, овсяницы, лисехвостники и другие злаки.

На бесконечных пространствах бесчисленных речек и реки Колымы, а также по берегам озер живут только якуты, а в городе Средне-Колымске—якуты и русские, так называемые колымчане. Это—потомки бывших казаков, давным-давно пришедших в эти дикие, холодные, далекие края. Некоторые колымчане смешались с местными жителями и их трудно отличить от якутов.

Основные занятия жителей—это охота, рыбная ловля, оленеводство и скотоводство. Земледелие им неизвестно. Веками они жили без земледелия и всегда ссылались на суровые условия местности.

В 1937 году Средне-Колымский сельскохозяйственный опытный пункт впервые ставил серьезный опыт по испытанию овощных и зерновых культур. Лишь только открылась от снега земля и немного согрелась, начали сев: четвертого июня были посеяны первые семена, а к десятому—посев был закончен. Семянной материал для опытов брали: на Хибинской полярной опытной станции, на Покровской опытной станции и на Грибовской овощной станции под Москвой.

В наборе испытываемых культур находились овощные и зерновые. Среди овощных были: кочанная и цветная капуста, салат, репа, брюква, турнепс, свекла, редька, редис, морковь, горох, укроп, огурцы, картофель; из зерновых: яровая пшеница, ячмень и овес.

Общие результаты опытов были прекрасны. Кочанная капуста никогда не давала в Средне-Колымске кочанов, вдруг, к удивлению всех свидетелей, в начале августа она начала завязываться и к концу того же месяца образовала нормальные кочаны, достигшие во многих случаях веса до полутора килограмма.

Белые и нежные головки цветной капусты появились раньше кочанов. Уже второго августа люди имели возможность пользоваться головками цветной капусты. Вес отдельных экземпляров доходил до девятисот граммов.

Самая ранняя и замечательная для севера овощ—кольраби, как и цветная капуста, впервые выращивались в Средне-Колымске. В последних числах июля месяца кольраби образовали довольно крупные „кочерыжки“, которые отличались превосходным вкусом.

Салат буйно развивался, давал сочные, сладкие листья но, к сожалению, никто его не ел: трава!

Репа не представлялась в Средне-Колымске новой культурой: ее уже знали и колымчане и якуты. Их знакомство с репой приводило часто к курьезным поступкам: зайдя в огороды опытного пункта, они искали в земле репу у капусты, гороха и вырывали даже укроп. Репа занимала уже большой процент в посевах Средне-Колымского колхоза, где дала так же, как и в посевных пунктах, хорошие сборы. Вес отдельных экземпляров достигал пятисот граммов.

„Красносельская желтая“ брюква развивалась очень хорошо и дала во многих случаях корнеплоды весом до восьмисот граммов.

Турнепс получил плохую площадь, но, однако, отдельные растения дали нормальные плоды.

Свекла находилась в посевах опытного пункта и колхоза и в обеих точках дала хорошие сборы.

Редьки испытывались шесть сортов. Средний вес корня получался около двухсот пятидесяти граммов.

Редис в открытом грунте хорошо развивался, но быстро израстал и терял вкусовые качества. Лучший сорт, как почти всюду на севере, розовый с белым кончиком. Особенно вкусные и сочные корни редиса выходили в парниках.

Морковь находилась в почве восемьдесят дней. Она дала великолепные, сладкие плоды и явилась большой приманкой для ребят, которые нападали на нее так часто, что пришлось раньше времени производить уборку.

Овощной горох дал хорошую лопатку и даже созревшие плоды.

Укроп, несмотря на то, что к нему было проявлено невнимательное отношение и он был помещен в затемненное место, превосходно развивался и достиг восьмидесяти сантиметров высоты.

Огурцы в открытом грунте развивались очень плохо и совершенно не дали плодов. Зато, в парниках они бурно росли, обильно цвели.

Кроме огурцов и редиса в парниках выращивалась рассада капустных растений, хорошо росли: чеснок, лук, морковь и картофель.

Неизвестно, когда в Средне-Колымск был завезен картофель в количестве нескольких клубней. Есть основание предполагать, что картофель сначала завезли и выращивали в Верхне-Колымске колымчане Поповы, а оттуда уже перебросили несколько клубней и в Средне-Колымск, где его пытался разводить некто Суровцев и после него колымчанин Нехорошев. Они получали мелкие клубни, но десятки лет у них не переводились семена. В 1936 году часть таких клубней высаживал врач А. А. Мухин, который из своего урожая выделил опытному пункту сорок клубней; вес этих сорока клубней был равен девятистам граммам, так они были мелки. Все сорок клубней были высажены опытным пунктом на хорошо удобренной площади, за ними было установлено особенно тщательное наблюдение и хороший уход. В результате получили тридцать пять килограммов клубней картофеля, из которых двадцать килограммов имели размер среднего рыночного картофеля. Средний вес этих клубней равнялся ста граммам.

Зерновые культуры не имели в Средне-Колымске никакой истории и впервые испытывались в 1937 году.

Опытный пункт имел в испытании двадцать сортов яровой пшеницы и из них только „гарнет“ дошел до восковой спелости, остальные сорта достигли всего лишь молочной спелости.

Ячменей было шестнадцать сортов. Вполне вызрели пять сортов. Остальные одиннадцать сортов дошли только до начала восковой спелости.

Овсы испытывались также в большом наборе сортов—свыше десяти, но вызрели только четыре сорта.

Овес на зеленку высевался опытным пунктом на участках торговой конторы Севморпути, на колхозном и на приусадебном участке колымчанина Бережного. Во всех случаях он дал прекрасную, буйную зеленую массу, в которую через все препятствия забирался местный скот и жадно ее пожирал. Урожай зеленой массы доходил до двадцати пяти тонн с гектара.

Следовательно, даже кратковременные опыты показали, что в районе Средне-Колымска вполне возможно не только овощеводство в самом широком объеме, но и разведение зерновых хлебов, в частности ячменя и овса, то-есть в этом суровом крае возможно земледелие до 68° северной широты, несмотря на вечную и глубокую мерзлоту.

Советские люди побеждают суровую природу далекого Севера и вечную мерзлоту заставляют плодоносить.

VII. НА КРАЮ ЗЕМЛИ

„На Колыме реке был я для государева ясачного сбора два года, а Колыма река велика, есть с Лену реку, идет в море также, что и Лена, под тот же ветер, под восток и под север, а по той Колыме реке живут иноземцы колымские мужики свой род...“,—так рассказывал казак Михаил Стадухин, который в 1644 году основал Нижне-Колымское зимовье.

В XVIII веке здесь была построена крепость. Она была разгромлена чукчами, в ней уцелел только один казак. Впоследствии образовалось новое поселение в двух верстах от старой крепости. Сейчас это место колымчане называют Погромное. Крепость все разрасталась и стала называться городом.

На высоком берегу реки Колымы раскинулись цепочкой низкие деревянные дома. Это и есть Нижне-Колымск — самый отдаленный, обжитый людьми, северный пункт земной поверхности, край советской земли, последняя точка Якутской республики.

Нижне-Колымск находится на 70 градусе северной широты и на 164 градусе восточной долготы. Это уже начинается Арктика. От Якутска до Нижне-Колымска 3.154 километров по прямой. Это, примерно, такое же расстояние, как от Москвы через Среднюю Азию до Китайской границы.

* * *

Однообразно белое полотно тундры. От безмолвия звенит в ушах. Кажется, что тундра мертва. Но вот на горизонте появилась черная точка. Она быстро приближается и, наконец, можно различить собачью упряжку.

— Хо, о! — протяженным низким звуком остановил каюр Кауля собак. После долгого перехода надо покормить потек (упряжка собак). Он достал „сельдядки“ и по одной штуке бросил их собакам. Собаки с жадностью начали грызть мерзлую рыбу. Кауля достал из-за пазухи кожаный кисет с табаком, сел на нарту и стал набивать трубку, поглядывая на собак.

Он думал: „Молодцы собаки, 70 километров прошли и еще столько же пройдут“.

Кауля закурил трубку. Едкий дым медленно таял в морозном воздухе. Собаки начали дрожать от холода и мерзлой рыбы. Надо ехать.

— Поча! Потько! (Пошли! Вправо!) приказал Кауля. Собаки дружно выстроились, Кауля столкнул нарту и потек быстро помчался по твердому насту.

Это коммунист луораветлан Александр Кауля, член колхоза „Турваургин“, лучший охотник-стахановец Нижне-Колымского района, ехал на районную партконференцию.

Приехали и другие охотники края: Николай Мальков, Гаврил Шкулев, Алексей Татарин. Это все луораветланы, знатные люди своего народа, стахановцы, у которых учатся молодые охотники.

Они обсуждали итоги весенней охоты, вырабатывали план осенней кампании, устанавливали норму заготовки пушнины, говорили о развертывании стахановского движения, о соревновании колхозов и охотничьих бригад, о дове-

дения решений партийной конференции до сознания каждого охотника.

Это были государственные вопросы Нижне-Колымского края, основа жизни людей, залог роста их благосостояния и дальнейшего подъема культуры. И тут же говорилось о лучшем снабжении рыбаков и охотников продовольствием, о завозе доброкачественных рыбных снастей и охотничьих принадлежностей, чтобы обеспечить выполнение выработанного на конференции производственного плана.

Конференция коммунистов тундры прошла под лозунгом: „Выполнить производственный план. Повысить зажиточность и культурность населения. Сделать людей тундры такими же счастливыми, как все люди на советской земле. Всем быть готовыми защищать свою родину!“

— Поча! Поча!—кричал Кауля на собак, возвращаясь в тундру с конференции.

Он был радостен и суров. Он все сказал на конференции о своих охотниках, об их нуждах и успехах. Он много здесь узнал. Он как-бы взглянул далеко, далеко за туманный горизонт родной тундры и увидел, что там война, там надвигаются тучи на нашу счастливую землю...

О, нет!.. Коммунисты Большой земли защитят свой край. Коммунисты Севера тоже на свой край никого не пустят. Там, где есть коммунисты—не пройти врагу! А где коммунистов нет?

Кауля в ответ тому, что было сказано на конференции, взял обязательство—добыть за зиму сто песцов. Это очень много. Это очень трудно. Но Кауля не знал до сих пор, что значит не выполнить план. Он всегда его перевыполнял. Он, коммунист, выполнит и это свое обязательство, по-своему ответит врагу.

Собаки мчались быстро. Снег визжал под нартой. Ветер бил в лицо. Кауля думал о решениях партконференции и о том, какими средствами лучше ему будет выполнить свое обязательство. Он думал и все чаще и чаще покрикивал на собак:—Поча! Поча!..

* * *

В райкоме партии собрались коммунисты. Разговор простой: об овощах.

В далекий Нижне-Колымск завоз свежих овощей через Чукотку практически невозможен. Другого пути нет. Но овощи необходимы, иначе грозит цынга.

Как быть? В городе еще не было случая посадки овощей. Считалось дело это безнадежным. Арктика! Мерзлота!

— А все-таки, может быть, попробовать?

Разузнали, что, приехавший в Нижнюю Колыму, рабочий Шишкин привез с собой семена.

— А ну, давайте, попробуем!

Облюбовали участок, решили устроить тепличку. 5-го мая 1938 года в порядке субботника вышли на работу. Начали бить землю ломами и кайлами.

Не поддается. Мерзлая земля, как гранит.

— Что делать?

— Давайте, взорвем аммоналом!

Взорвали. Сделали яму шириной в полтора метра, длиной в четыре метра и глубиной немного больше метра. Заложили в яму перегноя, засыпали его талой землей, посадили огурцы, капусту, репу и редиску. Рядом, когда земля немного оттаяла, сделали огород на открытом грунте, размером в полгектара. От заморозков посев спасли дымовой завесой, следили за каждым ростком, ухаживали за огурцами, как за детьми. И тем летом 1938 года впервые в истории на крайней точке Севера выросли отличные кочаны капусты, огурцы, редиска, репа.

В 1939 году разделили огород уже на весь гектар и получили такие экземпляры овощей, что решили их заспиртовать и отправить, как свою гордость, в Москву на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку.

Дела двинулись всерьез. Овощи пошли дальше Нижне-Колымска в тундру, в якутские колхозы. Капуста, огурцы, редиска, репа победили лед и холод.

Колымчане говорят: „Чудеса у нас творятся; аммонал дает плоды!“

Нижние колымчане не отстали от ближайших своих соседей—средних колымчан. Свежие овощи гуляют теперь по побережью Ледовитого океана. Холод и цынга побеждены.

* * *

В каждом доме Нижне-Колымска можно увидеть патефон, гитару или балалайку. Колымчане имеют свой струнный оркестр. Часто бывают у них вечера самодеятельности. Бурно действует драмкружок: свои у них лучшие артисты, свои певцы, свои танцоры и юмористы.

Имеется даже свой, нижнеколымский, танец „Рассоха“. Кто его выдумал—неизвестно. Но какой-нибудь заливчатый плясун, помахивая платочком, под смех и шутки товарищей лихо выделяет замысловатые „па“.

— Эх, если бы нам пьес прислали, костюмов да грим, мы бы тут организовали театр!—со вздохом говорят колымчане.

Дети, конечно, учатся все. Но для взрослой молодежи организована комсомольская вечерняя школа. Был уже выпуск. Отличники посланы на учебу в Якутск. Оттуда они вернутся медиками, педагогами, финансистами. У луо-раветлан создается своя интеллигенция.

Письма и газеты в Нижне-Колымск прибывают один-два раза в год. Но имеется радио, и колымчане знают, что на свете творится.

Когда впервые привезли звуковое кино, билеты были распроданы за месяц до начала демонстрации кинокартин, и каждый колымчанин запасался билетами сразу на три сеанса.

18 мая 1939 года в Нижне-Колымске был исторический день—открылось звуковое кино.

Тундра. Мерзлота. Ледовитый океан. Полярные ночи. Трехмесячные дни...

Партконференции. Колхозы. Школы. Клубы. Радио. Кино. Зеленые овощи. Песни и пляски...

Всюду советская жизнь!

VIII. ПОБЕДИТЕЛИ

Заснеженная белая тайга кончилась крутым обрывом. Впереди—пологая возвышенность с редкими пушистыми деревьями. Из-за деревьев ласково блеснули огоньки.

Ночь уже давно наступила, хотя по московскому времени было двенадцать дня.

Ясное зимнее небо кажется совсем недалеко от земли. Огромные северные звезды сияют ярко, но не голубым, а красновато-золотистым блеском. Дым из труб домов ровными, высокими столбиками подымается к звездам. Изредка извиваются искорки и, как далекие метеоры, падая, гаснут.

На шестидесятиградусном морозе земля время от времени лопается и долго и глухо гремит. Затем наступает тишина, какая возможна только на Севере—тишина белого мертвого покоя.

Сухой и острый воздух неподвижен совершенно. Пар дыхания окутывает лицо и голову и мгновенно оседает снежными кристаллами на воротнике дохи, на шапке, на усах, на бороде и ресницах. Человек становится похожим на сверкающего деда Мороза.

Скрип саней, человеческий говор, фыркание лошади разносятся очень далеко. Неподвижный морозный воздух наполняется свистом, шумом, гулом, будто движется по тайге целый полк.

Белые домики, белые лошади, белые люди. Сильный удар в дверь. Густой пар клубами вылетел на улицу.

Послышался приветливый голос:

— Хо, приехали! Вот молодцы! А мы думали, мороза испугались.

— Давай, привязывай коней и чай пить!

Оставив лошадей у коновязи, люди толпою направились в ярко освещенный дом нового колхозного поселка.

Десятка два домов, расположенные по шнуру на одинаковом один от другого расстоянии, образовали широкую прямую улицу. Это необычайно в Якутии. Подобного рода поселки возникли впервые за всю историю якутского народа, и выросли они чрезвычайно быстро: за каких-нибудь два-три летних месяца тысяча девятьсот тридцать девятого года.

Дом колхозника Семена Наумовича Нестерева, куда пришли гости, просторен, светел, уютен. Чисто вымытый деревянный пол с половичком у входа. Большая белая русская печь пышет жаром. Четыре застекленных окна с белыми занавесками. Свежая тесовая перегородка отделяет чулан от общего пространства хаты.

На стенах портреты Ленина и Сталина. На перегородке — семейные фотографии. В углу детская кроватка, и, словно из пены, из чистых, белых простыни и покрывала торчит и вертится черная головенка девочки. Она быстро оглядывает пришедших незнакомых мужчин, подпрыгивает, вскидывает ручки и, как взрослая, удивленно кричит: ах! ах! ах! Личико у нее смуглое с ярким румянцем. Глаза яркие, черные, быстрые.

Гости невольно обращают внимание на девочку, улыбаются ей, зовут к столу. Семен Наумович тоже улыбается и гордо произносит:

— Это моя Груня!

Мать Груни — Варвара Семеновна выглядит девушкой.

тоненькая, хрупкая, как большинство якуток. Черные тугие волосы ее гладко причесаны; высокий лоб, темные брови, черные, живые глаза. Она депутат наследного совета, доярка-стахановка. В шерстяном платье, хорошо облегавшем невысокую ее фигурку, раскрасневшаяся, веселая, она деловито разливает чай из пытящего на столе самовара и ласково угощает гостей.

На столе горка сдобных ватрушек, яичница со свиной, сливочное масло, сахар, вареное молоко, пшеничный хлеб. Над столом семилинейная керосиновая лампа с большим абажуром. Светло, тепло, уютно. Чувствуется в доме полнота жизни, изобилие. В сияющих глазах Варвары Семеновны видна гордая радость за жизнь, увенчанную великопелной Груней.

Семен Наумович, разводя руками перед собою, как бы приглашая гостей еще раз взглянуть на все его счастье, весело говорит:

— Каково, а? Сам себе иногда не верю. Проснусь, гляжу и думаю: уж не сон ли это?

— Просыпайся, Семен Наумович, просыпайся, еще лучше будем жить,—весело отвечали гости.

Гости—это бригада трактористов МТС во главе с агрономом Андреевым, районные партработники и газетные работники из Якутска. Они приехали по вызову молодежной полеводческой бригады колхоза „Красный трактор“ для заключения договора социалистического соревнования с трактористами на лучшую обработку земли. Цель—добиться стопудового урожая с гектара в тысяча девятьсот сороковом году.

От правления колхоза пришел посыльный:

— Все собрались. Ждут вас, товарищи. Просим...

Гости поблагодарили приветливых хозяев и вышли на мороз.

В воздухе стоял шум от скрипа снега. Незащищенные уши и пальцы рук обожгло.

Люди бежали через улицу, словно охваченные огнем, и вынесенный из хаты пар, как дым, окутывал их.

В избе правления колхоза, тоже просторной и теплой, было полно народу. Собрались: братья Платоновы Иван и Павел—полеводы, Герасимов—яровизатор, Яковлев—каркасник навоза, Петров—машинист, председатель колхоза и колхозники.

Гостей посадили на видное место, приветливо им пожи-

мали руки. Бригадир трактористов Кириллина избрали в президиум.

Началось объединенное совещание якутских колхозников.

Слово для доклада получил бригадир полеводческой бригады Платонов Николай. Он встал, выпрямился, одернул пиджачек, разложил перед собой бумаги и, как заправский оратор, заговорил быстро и страстно на энергическом своем языке:

— Мы пригласили вас, товарищи трактористы, для того, чтобы вместе обсудить очень важный государственный вопрос. Передовые колхозники Сталинградской области бросили всему колхозному крестьянству призыв: бороться за стопудовый урожай с гектара. Прекрасный почин! Сто пудов с гектара—и тогда вся наша советская страна получит в год... Платонов заглянул в бумажку, сурово сдвинул брови, а затем, взглянув на собравшихся, вдохновенно произнес:

— Около десяти миллиардов пудов зерна, товарищи!

Видно было, что он не взял эти цифры готовыми, на прокат, а высчитал сам. Цифры эти вдохновили его, и вот родилась идея соревнования за стопудовый урожай в Якутии!

— Есть ли у нас условия для получения такого урожая?—глядя в глаза собравшимся, сказал Платонов. И твердо ответил:

— Есть! Наш колхоз участвовал на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в тысяча девятьсот тридцать девятом году. Президиум Верховного Совета Союза наградил нас орденом „Знак почета“. Мы добились небывалых в Якутии урожаев—в среднем тринадцать центнеров с гектара;—в три раза больше, чем в соседних колхозах..

Платонов на вид юноша, но говорил он, как человек с большим опытом.

— Снятые нами урожаи не свалились с неба,—продолжал он,—мы боролись за них, товарищи, и боролись крепко. Мы бережно собирали золу, навоз, фекалий. Заготовили семьсот одну тонну каркасного навоза. На каждый гектар вывезли его до тридцати тонн. На площади в тридцать восемь гектаров мы провели снегозадержание, установили щиты. Заранее заготовили инвентарь и фураж. Сорок упитанных за зиму лошадей работали на колхозных полях. Теперь, товарищи, нам по плечу большая задача, поставленная сталинградцами. Сегодня мы подпишем социалистический договор с тракторной молодежной бригадой това-

рища Кириллина. В этом соревновании мы ставим одну задачу, одну цель—дать сто пудов урожая с гектара.

Якуты скупы на аплодисменты. Трудно вызвать у них открытый восторг. Только по ярко блестящим черным глазам можно понять их состояние. И глаза у слушателей блестяли.

Слово взял колхозник-машинист Петров Николай Михайлович: этот уже взрослый, пожилой человек и, что необычно для якута—усатый, солидный, он спокойно сказал:

— Главное дело, товарищи,—это правильная организация труда внутри бригады. Надо создать крепкие звенья. К севу надо приступить своевременно. Пропустишь один день—много потеряешь.

Я хотел бы еще напомнить особо о перекрестном севе. Давно ли мы спорили, стоит ли применять перекрестный сев? А теперь все убедились в его пользе. На участках, засеянных перекрестным порядком, мы получили в прошлом году двадцать два центнера с гектара.

Горячие черные глаза молодых колхозников с благодарностью смотрели на пожилого опытного человека.

Поднялся со скамьи старик Яковлев Павел Васильевич.

Тихо, но с удивительной проникновенностью и ясным пониманием дела, произнес он свою короткую речь.

— Наши поля мы теперь удобряем каркасным навозом,—сказал он.—Это очень хорошее питание для посевов. Жаль, что раньше об этом мы и понятия не имели.

Каркасный навоз удваивает урожай. Каждая тонна его дает дополнительные десятки пудов зерна. Стоит только потрудиться, товарищи, и стопудовый урожай мы получим!

Кончил Яковлев свою речь на этот раз под аплодисменты. Очень уж трогательны были его слова о навозе.

Затем выступил мастер зерна—яровизатор Герасимов Михаил Иванович. Молодой, энергичный, необыкновенно громоздкий для якута, но мускулистый, сильный, он заговорил быстро и страстно:

— Вот мы теперь толкуем о стопудовом урожае. А несколько лет назад разве мы могли об этом подумать? Работали, бились, да толку выходило мало. Советская власть дала нам новую технику, укрепила колхозы. Техника стала иная и урожай другой.

Думал ли я раньше, что в колхозе стану вроде агронома. В тысяча девятьсот тридцать восьмом году меня вызвали на курсы, несколько дней учили, как надо проводить яровизацию семян. Начал работать. Сначала боялся. Думал,

испорчу семена. Вот в этом же помещении и начал работать. Яровизировал четыре центнера пшеницы, центнер овса и центнер ячменя. Поддерживал температуру от четырнадцати—до восемнадцати градусов тепла. Пшеница дала ростки через три дня, а через четыре-пять дней появились ростки у ячменя и овса. Яровизация удалась. Урожай получился замечательный: колосья длинные, семена полные. Также удачно яровизировал картофель. Теперь у меня есть уже опыт. И не только у меня. В нашем колхозе появились мастера высоких урожаев. Мы добьемся победы!

Полеводам отвечал бригадир трактористов Кириллин Владимир Матвеевич. Молодой, почти мальчик, невысокий, круглый, ясноглазый, с черной челкой на лбу, в пестром свитре и пиджачке выглядит он весело, бодро; можно принять его за боевого, развеселого парня-физкультурника. Такой он в жизни, вероятно, и есть.

— Мы, трактористы, гордимся успехами орденосного колхоза „Красный трактор“,— произнес он весело и звонко. — Гордимся тем, что он заслуженно считается одним из передовых колхозов всего Советского Союза. В этом есть доля и нашего труда...

Кириллин вдруг посерьезнел, сдвинул брови и, глядя на пол, уже веско, твердо, с мужественной решимостью продолжал:

— Мы понимаем какая большая ответственность ложится на нас—трактористов.

Мы идем на соревнование с вами и даем обязательство—весенний сев провести в шесть дней. На всей площади нашего колхоза мы проведем перекрестный сев с заделкой семян на глубину в пять-шесть сантиметров. В начале мая наши трактора выйдут на колхозные поля. Вот наше слово, товарищи!

Председателем собрания был комсомолец Платонов Павел Иванович—младший брат бригадира полеводов Платонова Николая. Павел—звеньевой ефремовского участка. Он—новатор в якутском земледелии. Он, как и Николай, ведет колхоз к новым достижениям. Он помогает брату и, как комсомолец, организует молодежь на достижение поставленной задачи. Понимая историческую для колхоза, а может быть не только для колхоза, но и для всей Якутской республики, значимость данного собрания, комсомолец Павел Платонов торжественно зачитал вызов на социалистическое соревнование за стопудовый урожай молодежных бригад Ме-

гино-Кангаласского района, обращение к комсомольцам и молодежи, ко всем колхозникам и колхозницам, бригадирам полеводческих и тракторных бригад и агрономам Якутской республики.

В этом вызове сказано:

„Каждый колхоз, каждая бригада нашей республики может с успехом выполнить задачу, поставленную нами. Нужны лишь энергия, настойчивость и большевистское желание бороться за высокий сталинский урожай. Нужна честная и самоотверженная работа на полях всех колхозников.

Мы призываем комсомольцев и молодежь республики, молодежные полеводческие и тракторные бригады возглавить борьбу за высокий сталинский урожай. *

Мы зовем вас встретить весну стахановскими победами на колхозных полях.

Мы зовем вас осенью рапортовать нашему другу и учителю—великому Сталину о достижении стопудового урожая с каждого гектара“.

В избе было пятнадцать человек. Когда Платонов начал читать это обращение все встали, и в торжественной тишине звонко раздался молодой голос черноволосого юноши.

Девять человек—полеводы и трактористы звали якутский народ на борьбу за новую, счастливую жизнь.

Когда Платонов умолк и положил перед собой листы бумаги, полеводы и трактористы молча подходили к столу и неторопливо подписывали обращение.

Была уже якутская полночь. Небо оставалось чистым. Золотые звезды сияли ярко и трепетно. Мороз остановил движение воздуха. Тайга кругом, окутанная снегом, застыла в безмолвии. Только изредка гудела земля, раздираемая холодом. Поселок уснул. Погасли огни. Белая ледяная тишина...

Хорошо было думать, что в такой пустыне, под низким северным небом, в кругу необозримой тайги на ледяной земле люди будут получать урожай в сто пудов с гектара.

Они уже добиваются. Они добьются. Они победят эту ледяную пустыню!

IX. БУДУЩЕЕ

Мне посчастливилось: неожиданно для самого себя, на несколько часов я перенесся в будущее Якутии. Я обозревал его своими глазами, прикасался к нему руками, с радо-

стью убеждаясь, что оно существует, как доподлинная, физически осязаемая реальность.

Село Покровское находится на очень красивом месте. Крутой, высокий берег Лены. У самой воды, как у моря, широкая полоса точеной гальки. Чистые, светлые волны плещутся о камни. Река голубая, спокойная, величавая. Противоположный берег ее едва вычерчивается синей каймой лесистых гор. Молочно-туманная дымка над рекою соединяется с небом и кажется порою, что у ног не вода, а само голубое небо.

Село стоит высоко над рекой. Можно построить такую пристань, что люди и грузы с пароходов будут подниматься прямо в село, минуя берег. А здесь прекрасная шоссейная дорога на Якутск, усыпанная мелкой речной галькой. С нее видна вся долина Лены километров на двадцать. Там, на противоположном берегу, течет река Ботома с ее огромными запасами железной руды. Вправо по берегам Лены лежат горы мрамора, мергеля и доломитного камня. Позади уже действует кирпичный завод, имеющий довольно сносное оборудование. За селом чернеет дремучая тайга...

Со временем здесь, вероятно, возникнет город, и это будет город железа, цемента, стекла и других строительных материалов. Все здесь есть, чтобы возникнуть городу. А Лена будет голубой дорогой на Восток и в Ледовитый океан.

Но это пока еще только мыслимое будущее. Можно лишь представить себе, как в той вон далекой синьке леса взвывается пламя доменных печей, как будут изрыты и изорваны крутые берега, и на том месте загрохочут цементные заводы; как в сторону Якутска на горах подымутся к небу постройки угольных шахт, как пойдут по Лене корабли, груженные якутским хлебом, углем, железом, нефтью и всеми теми богатствами, которыми так полна эта земля.

Пока это можно только грезить. Но вот тут же рядом возле села Покровска, раскинулось огромное пространство, на котором существует, быстро развивается, принимает видимые и осязаемые формы будущее Якутии; можно пойти и посмотреть на него, а при желании и прикоснуться к нему руками.

В лесу стоят дома. Они, правда, деревянные, рубленные в связку, некоторые еще пахнут смолой, но дома эти необычно длинные, широкие или двухэтажные со стеклянными пристройками внизу. Тут же площадки, вроде цветников,

огороженные проволочными сетками, доски с надписями, столбиками.

Кругом все зелено.

Нужно обойти километров пять по окружности, чтобы понять, что такое здесь творится. А когда обойдешь и все увидишь, не верится, что ты находишься в Якутии.

Подходишь к зрелой яровой пшенице. Крупные колосья ее склонились на уровне глаза.

Зеленая доска, укрепленная на столбе, поясняет: „Якутянка“, испытывалась в течение пяти лет на посевной площади в 1045 гектаров. Средний урожай—21,3 центнера. Передана в колхозы.

Дальше—овес, самый обыкновенный овес, какой растет на юге и в средней полосе Союза. Высота его стебля по пояс, колос ветвист, зерно крупное, как у ячменя. Такому овсу позавидовали бы колхозники Украины. На доске написано: „Винер“—22 центнера с га.

А вот и ячмень: усатый, седой, с четырехгранными колосьями. Он производит впечатление коренастого дяди, крепко вошедшего в грунт. Он не потянулся к солнцу, предпочел пойти в колос и дать человеку урожай 21—46 центнеров с гектара.

Озимая рожь вымерзла. Сохранились только наиболее стойкие зерна: они выметали колос, дадут некоторое количество семян. Тонкие стебли грустно склонили свои головки и словно плачут: невесело им стоять по одиночке на растрескавшейся от жары земле.

Но человек соберет эти зерна, как жемчуг. Он будет относиться к ним бережнее, нежели к зернам остальных хлебов. Он снова посеет их под зиму и добьется того, что морозоустойчивая озимая рожь также встанет стеной на полях Якутии.

Идешь дальше. Встают гречиха и просо. Эти злаки—настоящие чудовища. Метелка проса и коронки гречихи сохранили свой обычный вид. Но листья, стволы подобны камышу. Это—результат длинного вегетативного периода. Ведь солнце здесь светит почти двадцать часов в сутки. Скороспелые эти хлеба гонят свой рост в три-четыре раза быстрее других хлебов и вырастают гигантами. Они не созревают, всю силу свою они вгоняют в могучий, зеленый ствол.

Но зато нормально растут и созревают сибирские гречиха и просо. Великолепно цветет и дает семена подсолнеч-

ник. Вызревает обильная семенем и волокном конопля. Прекрасно развиваются и дают богатые урожаи лен и горчица. Растет табак. Сахарная свекла дает 183 центнера с гектара или 16,25 центнера чистого сахара. Турнепс дает 505 центнеров с га, морковь в открытом грунте дает 660 центнеров, огурцы 188 центнеров, томаты 309 центнеров, капуста 500 центнеров; растут и созревают укроп, салат и прочая „петрушка“.

Когда обойдешь все 1700 гектаров земли Якутской государственной опытной селекционной станции, когда увидишь всю буйную поросль хлебов, овощей и злаков, перед тобой встает будущее Якутии во всей своей реальности.

Якуты не знали, что такое фрукты. Они не видели ни яблоч, ни груш, ни слив, ни вишен и не представляли себе на чем они растут.

Подите в сад. Они уже существуют. Сибирские плодовые деревья, стелющиеся по земле, пережили не одну зиму, выдержали якутский холод, зеленеют, цветут. Значит будут в Якутии яблоки: „Тунгус“, „Непобедимая Греля“, „Желтый чолдон“, „Желтое наливное“, „Белое пятнистое“, „Багрянка Кащенко“ и „Алтайский крупный розовый“. Будут у якутов „Уссурийская груша“ и „Уссурийская слива“. Будут вишни: канадская, японская и смешанная сибирская. Будут, потому что они уже есть, растут, развиваются...

А в саду гудят пчелы — тоже никогда ранее невиданные якутами. Пчелы прекрасно переносят в отепленном омшанике суровые якутские морозы и за лето дают людям меду от 30 до 65 килограммов с улья.

Все это возникло, живет и развивается всего лишь за последнее десятилетие. Это — зародыш будущего Якутии.

Оно, как мыслимое, встает в синей дымке за рекой Леной, в железорудных, угольных и нефтеносных районах и, как реальное, существует на этом берегу. О нем, стоя над рекой, можно мечтать и грезить и, оглянувшись, можно его брать руками.

Над тобою — солнце, вокруг — цветы, сад и пчелы, позади — хлеба, а впереди — сверкающая Лена — голубая, широкая дорога в будущее социалистической Якутии.

СОДЕРЖАНИЕ

Страна моя

Стр

I. Еду туда—не знаю куда, увижу то—не знаю что	3
II. Былое	7
III. Колонизаторы	10
IV. Широка страна моя родная	14
V. Прыжок	18

Якутск

I. То, чего нигде нет	23
II. День	31
III. Со всех сторон	37

Якутия как она есть

I. Пространство и время	45
II. Золото	47
III. Олово	50
IV. Железо	50
V. Уголь	52
VI. Нефть	56
VII. Бухта Тикси	58
VIII. Соль	63
IX. Кирпич и мрамор	65
X. Завод в тайге	67
XI. Чудеса	70
XII. Якутская осень	74

Ледяная земля

I. Контрасты	76
II. В колхозе	82
III. Украина и Якутия	91

В кругу оленей и песцов

I. Колхозы в Заполярье	99
II. На 72 параллели	103
III. „ ПУТЬ ЛЕНИНА “	110

Новые люди

I. Охотники	121
II. Каюры	127
III. День оленевода	132
IV. Егор Иванович	138
V. Жизнь и быт	142

Новый продажная цена
Руб. 252
квит. №

I. Театр	147
II. Музыка	150
III. Литература	152
IV. Якутская песня	156
V. Поговорки, загадки, сказки	161
VI. Олонхо	169

По городам и районам Якутии

I. В городе, где жил Чернышевский	177
II. Житница Якутии	179
III. Верхоянск	181
IV. Новый путь	183
V. Усть-Янск	185
VI. Средне-Колымск	188
VII. На краю земли	195
VIII. Победители	199
IX. Будущее	205

Ответ. редакторы В. М. Новиков и А. Р. Халыев

Подписано к печати 17/X-41 г Авторских листов 10,06. Печатных листов 13,25. Знаков в одном п. л. 40.000. Тираж 6000. Заказ № 02. МЛ 3254

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФИЯ ЯАССР
ЯКУТСК 1941 год

181

Новая проделанная цена
Руб. 25 коп. №

ЦЕНА 7 руб. 45 коп.

Новая продажная цена

Руб. 25² - квинт. №